

P-244

-54550-

В.И. Рассадин

**ОЧЕРКИ
ПО МОРФОЛОГИИ
И СЛОВООБРАЗОВАНИЮ
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

ЧИ(МОНГ)
Р-244

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калмыцкий государственный университет»

Научный центр монголоведных и алтаистических исследований

В.И. РАССАДИН

**ОЧЕРКИ
ПО МОРФОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЮ
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

-54550-

92

Научная библиотека
ИГИ РАН

Элиста 2008

ББК Ш164-21

Р 244

Рассадин, В.И.

Р 244 Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков [Текст] / В.И. Рассадин. – Элиста: Изд-во КГУ, 2008. – 234 с.

ISBN 978-5-91458-035-0

Монография посвящена исследованию спорных и до сих пор не решенных вопросов морфологии и словообразованию современных монгольских языков и некоторых их диалектов. По многим вопросам в книге представлена оригинальная точка зрения автора, высказан новый подход к пониманию спорных вопросов морфологии, например, таких как новая схема частей речи, местоимений и наклонений монгольского глагола, подробно рассмотрены неаффиксальные способы словообразования, впервые представлен сравнительно-исторический аспект словообразования монгольских языков.

Книга предназначена специалистам в области грамматики монгольских языков, а также всем тем, кто интересуется строем алтайских языков.

Ответственный редактор:

д-р филол. наук, профессор С.Л. Чареков

Рецензент: д-р филол. наук, профессор С.М. Трофимова

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
грант № 06-04-00178а*

ISBN 978-5-91458-035-0

© В.И. Рассадин, 2008 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа посвящена спорным и мало изученным проблемам морфологии и словообразования монгольских языков, имеющим принципиальное значение. Соответственно книга состоит из двух глав. В первой главе рассмотрены спорные и окончательно не решенные проблемы морфологии монгольских языков. При этом автор приводит свое видение проблемы, зачастую новое, нетрадиционное.

К таким проблемам, прежде всего, относится проблема классификации частей речи монгольских языков, так до сих пор окончательно и не решенная. Как известно, первые российские монголоеды, Яков Шмидт и Александр Бобровников, в своих грамматиках, написанных во второй половине XIX в., подходили к описанию грамматического строя монгольских языков с позиций известных им европейских языков, выделяя те же части речи. Мало что изменил и Алексей Бобровников, предложивший различать склоняемые, спрягаемые и неизменяемые части речи. Его точка зрения сначала была подхвачена последующими монголоедами, а затем постепенно забылась. Монголоеды, как и прежде, выделяли привычные для них части речи, присущие индоевропейским языкам. Не спасала положения и компромиссная точка зрения Г.Д. Санжеева, который предложил различать существительные и предметные слова, прилагательные и качественные слова. Сложилось положение, когда ученые по сути дела зашли в тупик. Классификация, основанная сразу на нескольких признаках – морфологическом, функциональном, семантическом, – мало что объясняла. Если морфологический принцип хорошо работал в русском языке, в котором все части речи имеют свои формы и внешне достаточно четко различаются, как например *хороший, хорошо, хорошесть, хорошесть; камень, каменный, каменно, каменеть* и т.д., то в монгольских языках дело обстоит не так. В них довольно часто невозможно внешне различить слова, относящиеся к разным частям речи. Например, в халха-монгольском *хатан* – существительное, означающее «жена хана, княгиня», *хатан* – прилагательное со значением «закаленный, крепкий», *хатан* – слитное деепричастие глагола *хат* = «быть крепким, твердым», в бурятском *та-*

биад – разделительное числительное со значением «по пятьдесят» и приблизительное числительное «около пятидесяти», *табиад* – разделительное деепричастие от глагола *таби*= «поставить». Подобных примеров можно привести великое множество. Все подобные слова и словоформы различаются лишь по смыслу, поскольку единственно важным смыслоразличительным критерием для монгольских языков может быть тип лексического значения. И при этом классификация частей речи должна выполняться на уровне языка, но не речи, поскольку каждая из частей речи, кроме наречия, может выполнять в предложении несколько синтаксических функций. Одно и то же слово не может одновременно относиться к разным частям речи, как это иногда происходит при традиционном подходе. Так, например, в бурятском языке словоформа *модон* считается и прилагательным и существительным в зависимости от функции. Ср. пример *Модон гэрэй хажууда үндэр модон ургажса байна* «Возле деревянной юрты растет высокое дерево». В халха-монгольском языке краткие формы трактуют как существительные, полные – как прилагательные. Например, форма *мод* – существительное «дерево», но *модон*- прилагательное «деревянный». В случае же отсутствия конечного *-н* картина еще больше усложняется. Так, в одних случаях, например, слово *төмөр* – существительное «железо», в других *төмөр* – прилагательное «железный».

Подход, предлагаемый нами, позволяет избежать подобной путаницы. Все слова монгольских языков распределяются по 5 классам в зависимости от типа лексического значения. Внутри каждого класса свое дальнейшее изменение и свои синтаксические функции.

Нет единства взглядов в монголоведении и на природу местоимений. Одни исследователи считают их именной частью речи (*төлөөний нэр*) и распределяют в принципе на те же разряды, что и в индоевропейских языках. Другие же выделяют те же разряды, но называют местоимения особыми заместительными словами (*төлөөний үг*). Хотя и те и другие осознают, что монгольские местоимения отнюдь не идентичны полностью европейским местоимениям.

Исходя из специфики местоимений монгольских языков, мы здесь предлагаем иной подход к пониманию природы место-

имений, иную схему распределения по разрядам. Прежде всего, следует исходить из понимания того, что местоимения по своей сути указательные слова. На уровне языка они не называют предметы и явления, но лишь указывают на них, имея окказиональные значения. Уже исходя из этого, их нельзя считать именами. Как факт речи, с другой стороны, местоимения имеют заместительную функцию и берут на себя значение и синтаксическую роль замещаемого слова. В данной связи логичнее было бы назвать монгольские местоимения *төлөөний үг* «заместительное слово».

По-новому мы подходим к пониманию природы причастий в монгольских языках, предваряя его рассмотрением краткой истории изучения. Считая причастия неокончательной формой монгольских языков, в которых сочетаются признаки глагола и имени, что позволяет причастиям выступать в роли процессного определения, мы пришли к заключению, что монгольские причастия группируются по иным признакам, чем причастия европейских языков.

В монгольских причастиях в соответствующих группах четко прослеживается связь с категорией абсолютного времени – это группа временных (темпоральных) причастий, они связаны только со временем, другие связаны с характером протекания действия по кратности – это видовые причастия, время у них только относительное, третьи выражают только модальность возможности или долженствования и тоже связаны лишь с относительным временем, четвертые – результативные причастия, соответствующие европейским страдательным, образуются от глаголов действительного залога и выражают только относительное время. Спорным является вопрос и о системе наклонений глагола в монгольских языках. Окончательно не установлено даже их количество. Здесь мы тоже высказываем свое понимание данной проблемы, исходя из того, что в наклонении отражается отношение действия к действительности. Кроме того, одним из критериев является наличие для данного наклонения специальной спрягаемой формы. Это позволило выделить в монгольских языках 4 наклонения: 1. Темпоральное, или изъявительное, наклонение, связанное лишь с категорией времени прошедшего, настоящего и будущего. 2. Модальное наклонение,

отражающее отношение говорящего к предмету высказывания, связанного с формами повеления (императив), увещевания, призыва, желания и воли, опасения и предостережения. 3. Адвербиальное, или обстоятельственное, связанное либо с наличием условия для выполнения действия, либо с его уступкой. 4. Ирреальное наклонение, имеющее сослагательную форму.

Завершают главу два очерка об особенностях системы глагола в говорах бурятского языка, – нижеундинском и присаянских говорах как наименее изученных и поэтому представляющих большой научный интерес.

Во второй главе, посвящённой словообразованию, представлен главным образом исторический и сравнительно-исторический его аспект. Причём в последнем случае взята вся система словообразования на примере нижеундинского говора как наименее изученного, особенно в сравнительно-историческом аспекте.

И вообще в данном исследовании как в первой, так и во второй главе большое внимание уделяется бурятскому языку, поскольку этот язык, а особенно его диалекты и говоры, не столь и широко известны центральным российским и особенно зарубежным монголоведам, как старомонгольский и халхамонгольский языки. Поэтому считаем своим долгом внести в научный оборот и бурятский диалектный материал.

ГЛАВА I. МОРФОЛОГИЯ

1.1. Проблема классификации частей речи в монгольских языках

Вопрос о классификации частей речи в монголоведении далеко не нов, но до сих пор остаётся дискуссионным и окончательно нерешённым. Его историю можно с полным правом начать с первой грамматики монгольского, точнее – старописьменного монгольского языка, составленной И.Я. Шмидтом [1831, §29, с. 156], в которой он, опираясь на опыт исследования индоевропейских языков, выделил и описал в монгольском языке девять основных типов слов – частей речи: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) местоимение; 4) имя числительное; 5) глагол; 6) послеречие; 7) наречие; 8) союз; 9) междометие. Вслед за И.Я. Шмидтом аналогичный состав частей речи монгольского языка привёл в своей грамматике и О.М. Ковалевский [1835, §30].

Оригинальную классификацию частей речи монгольских языков (старомонгольского и ойрато-калмыцкого) предложил после них А.А. Бобровников [1849, с. 52-55], который положил в ее основу не морфолого-семантический признак, как это сделали вслед за европейскими грамматистами И.Я. Шмидт и О.М. Ковалевский, а формальные признаки грамматической изменяемости слов. А.А. Бобровников наметил три разряда монгольских слов: 1) склоняемые – имена, в состав которых включил имена предметные, качественные, относительные, числительные и местоимения; 2) спрягаемые – глаголы; 3) неизменяемые – частицы. Такую же по сути дела классификацию частей речи, что и у А.А. Бобровникова, привёл в своей ранней работе и В.Л. Котвич [1902, с. 52-60], хотя в дальнейшем он отказался от принципа, предложенного А.А. Бобровниковым [Котвич 1915, с. 33-35; 1929], и выделил в калмыцком языке традиционные (для европейских грамматик) части речи: 1) имена (существительные и прилагательные); 2) числительные; 3) местоимения; 4) глаголы; 5) наречия (включая послелого и союзы); 6) междометия. Следует отметить, что по стопам А.А. Бобровникова и раннего В.Л. Котвича пошёл и А.Д. Руднев [1905, с. 29, 56-57,

60], внёсший в их схему свои поправки и установивший для монгольского языка шесть частей речи, разбив их на три группы: 1) глагол; 2) имя (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение); 3) наречие, включая частицы. Н.Н. Поппе в своих ранних работах в общем принял схему А.А. Бобровникова – раннего В.Л. Котвича – А.Д. Руднева и выделил в монгольском языке три группы слов: имя, глагол, неизменяемые слова (междометия, частицы) [Поппе 1929, с. 34; 1936, с. 14-17]. В своих последующих работах [Поппе, 1937, с. 50-51; 1938, с. 72-77, 101, 106, 181, 188, 198, 262] он, сохраняя в принципе эту схему, несколько детализирует группу имен, разбив их на имена с полной изменяемостью и с неполной изменяемостью. В составе первых он выделил имя в собственном смысле (предметное и качественное), а также местоимение и числительное.

В специальной статье о частях речи в монгольском языке [1940, с. 147-173] Н.Н. Поппе даёт новую схему классификации частей речи, введя в нее наречие и установив десять равноправных частей речи:

- 1) имена предметные;
- 2) имена качественные;
- 3) имена числительные;
- 4) местоимения;
- 5) глаголы (включая причастия и деепричастия);
- 6) наречия (включая наречие-послелог как переходную категорию);
- 7) послелоги;
- 8) союзы;
- 9) частицы: а) препозитивные, б) постпозитивные;
- 10) междометия (включая образные и звукоподражательные слова).

Не менее интересна эволюция взглядов на классификацию частей речи монгольских языков у Г.Д. Санжеева, который принял термины «имя предметное» и «имя качественное», употребив их в своей ранней синтаксической работе [1934, с. 40-41]. В своих грамматиках калмыцкого [1940, с. 26-38] и бурятского [1941, с. 22-41] языков он использует эти термины и приводит

схему классификации частей речи, в принципе схожую с той, которая была выработана Н.Н. Поппе в его вышеприведенной статье, с той лишь разницей, что Г.Д. Санжеев устанавливает девять частей речи (кроме союзов).

Впоследствии Г.Д. Санжеев развил несколько иные взгляды на классификацию частей речи в монгольских и вообще в алтайских языках [Санжеев 1952, с. 84-102; 1953, с. 124-126]. Он предложил выделять в монгольских и тюркских языках двенадцать частей речи:

- 1) имя существительное;
- 2) имя предметное;
- 3) имя прилагательное;
- 4) имя качественное;
- 5) имя числительное;
- 6) наречие;
- 7) местоимение;
- 8) глагол;
- 9) послелог;
- 10) союзы;
- 11) частицы;
- 12) междометия.

Как можно видеть, Г.Д. Санжеев в принципе поддержал выделение предметных и качественных имен, предложенных в своё время А.А. Бобровниковым, но ввёл в то же время термины «имя существительное» и «имя прилагательное», поясняя, что их отличие от предметных и качественных имен состоит в том, что существительные могут только получать определения, а предметные имена, получая определения, сами могут выступать в роли определения, а прилагательные могут только определять, но не могут субстантивироваться, качественные же имена могут и определять и субстантивироваться. Так, в бурятском языке слова типа *ухаан* «ум», *газар* «земля», *гар* «рука», *гэр* «дом», *зам* «дорога; путь» являются существительными, поскольку в форме своей основы не могут определять другое слово, а лексемы типа *уһан* «вода; водный», *түмэр* «железо; железный», *модон* «дерево; деревянный» – имена предметные, так они не только принимают определение, но и сами выступа-

ют в качестве его, например: *гүнзэги уһан* «глубокая вода» – *уһан тээрэмэ* «водяная мельница», *хатуу түмэр* «твердое железо» – *түмэр зам* «железная дорога», *үндэр модон* «высокое дерево» – *модон гэр* «деревянный дом». Имена прилагательные – это слова, которые только определяют (*ухаантай* «умный», *зоригтой* «смелый», *зантагар* «большоголовый» и т. п.), а имена предметные могут и определять, и быть названиями свойств, качеств, признаков. ср. например, в бурятском языке: *хатуу түмэр* «твердое железо» – *түмэрэй хатуу* «твердость железа», *һайн Доржын һайниинь* «доброта доброго Доржи».

Свои версии классификации частей речи монгольских языков выдвигали и другие монголоведы, причем как отечественные, например, Д.А. Алексеев [1955], Т.А. Бертагаев [1968, с. 240-243], Б.Х. Тодаева [1951], так и зарубежные, например, Ш. Лувсанвандан [1968], Ц. Онорбаян [1998, с. 23-36]. Поскольку здесь мы не ставим цель дать обзор всех точек зрения на данную проблему, ибо это достаточно большой вопрос, требующий особого внимания и к тому же уже подробно освещён в литературе, то считаем уместным отослать читателя к соответствующим исследованиям. Так, например, довольно подробно изложены различные взгляды на классификацию частей речи в монголоведении в работе Н.Н. Поппе, посвящённой частям речи в монгольском языке [1940, с. 147-173]. Неплохой обзор классификаций слов в отечественном и монгольском монголоведении приведён В.М. Надеяевым [1988, с. 76-88]. Имеется также обзор классификаций слов монгольских языков и в работе Е.А. Кузьменкова [1991, с. 48-63].

В связи с тем, что в монголоведении до сих пор так и не выработан единый подход к классификации частей речи монгольских языков, не определён чёткий критерий для их выделения, как до конца не выяснено и само их количество, то нам хотелось бы высказать здесь свой взгляд на данную проблему, поделиться своим пониманием критериев классификации слов монгольских языков, к которым мы пришли в результате почти полувекового наблюдения над живым монгольским языком, его практического и теоретического изучения и использования.

То, что существующие классификации языков нелогичны, учёные заметили достаточно давно. Однако наиболее чётко и яс-

но это было изложено Ю.С. Масловым [1975, с. 200-219], который долго занимался этой проблемой и впоследствии обосновал её более убедительно, предложив свой вариант классификации слов различных языков мира [1997, с. 155-167]. Ещё ранее В.В. Виноградов [1947, с. 38-44] предложил свою классификацию слов русского языка, разбив их на 4 класса: 1) знаменательные; 2) служебные; 3) модальные; 4) междометия. Она была поддержана А.Н. Гвоздевым [1961, с. 145] и Ю.С. Масловым [1975, с. 205]. К монгольскому языку эту схему попытался применить В.М. Надеяев ещё в 1950-х гг. в лекциях по курсу теоретической грамматики монгольского языка, читанных в 1957/58 учебном году на кафедре монгольской филологии восточного факультета Ленинградского госуниверситета, которые нам довелось слушать. В дальнейшем он доработал эту схему и опубликовал [1987, с. 20-48; 1988, с. 88-109].

Нами была сделана попытка применить этот тип классификации применительно к тофаларскому языку [1978, с. 14-15], а также рассмотреть и классифицировать с этой точки зрения местоимения монгольских языков [1991, с. 94-97].

Хотя схема классификации слов языков Виноградова – Маслова – Надеяева достаточно прогрессивна и неплохо в целом учитывает специфику разных языков, всё же В.М. Надеяев не до конца продумал логику организации частей речи монгольских языков. Он разделил все слова монгольского языка на три большие группы:

I. Вещественные слова (части речи) :

- 1) слова-названия – существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные;
- 2) слова-указания – местоимения.

II. Формальные слова (частицы речи) :

- 1) формообразовательные частицы;
- 2) основообразовательные частицы;
- 3) союзные частицы;
- 4) членооформительные частицы.

III. Экспрессивные слова (междометия) :

- 1) эмоционально-экспрессивные слова;
- 2) волюнтаривно-экспрессивные слова;
- 3) имитационно-экспрессивные слова.

Как видно, и в этой достаточно детально разработанной классификации не выделены особые группы модальных и изобразительных слов. Первые попали в класс частиц речи, вторые – в группу междометий.

Такой разницей в традиционных классификациях и в классификациях, основанных на новых принципах, происходит, как нам кажется, от того, что не до конца продуман и выдержан критерий классификации. Применяемый в индоевропейском языкознании морфолого-семанτικο-синтаксический критерий для монгольских языков неприменим, поскольку в них непроемные части речи и классы слов внешне неразличимы, да и многие производные по своей внешней форме схожи. Так, например, отдельно, вне контекста, сказанные словоформы типа *том* «крупный» – *том* «вей верёвку», *тавь* «поставь» – *тавь* «пятьдесят», *хатан* «жена хана, князя» – *хатан* «крепкий, прочный» – *хатан* «высыхая» (слитное деепричастие от глагола *хат* = «сохнуть»), неразличимы.

Этот список примеров можно продолжать до бесконечности, ибо основным критерием различения слов в монгольском языке является семантика. Причем не просто лексическое значение слова, а тип этого значения. Кроме того, необходимо чётко различать уровни языка и речи, как учили ещё Ф. де Соссюр и его последователи. Дело в том, что на уровне языка каждое слово, или лексема, выполняет свою, чётко определенную функцию и имеет своё, строго ограниченное значение. На уровне же речи, то есть узуса, эти функции совершенно иные, хотя значение, обусловленное его типом, сохраняется. Классификации слов любого языка можно проводить как на уровне языка, так и на уровне речи. Причем успех зависит, так сказать, от «чистоты эксперимента». На уровне языка слова – это классы и части речи, на речевом уровне – это члены предложения. При этом каждая знаменательная часть речи при узусе выполняет свою главную функцию и все второстепенные. Нужно учитывать ещё одно условие: членом предложения может быть только слово, относящееся к одной из знаменательных частей речи. Все имеющиеся классификации обычно начинаются с одного критерия, а завершаются другим. Логика же учит, что при любой классификации должно быть от начала до конца выдержано одно основа-

ние для деления. Применение одновременно двух и более оснований для деления не даёт положительного результата.

Таким образом, мы предлагаем отказаться при классификации слов монгольских языков как от морфологического, так и от синтаксического критериев. За основу деления следует взять семантический критерий, об устойчивости которого при всех классификационных схемах говорил и В.М. Надеяев [1988, с. 83], причем строго учитывать тип лексического значения. Таковых бывает обычно несколько. Прежде всего существует такой тип, как вещественное значение. Он присущ словам, которые называют предметы, явления, признаки, качества, свойства, количества, обстоятельства и действия/состояния. Это так называемые назывные слова с номинативной языковой функцией. Их функция на уровне языка – назывная. На уровне речи – совершенно иная, а именно: выражать субъект и объект действия, обстоятельство и предикат. При этом в монгольских языках в современном их состоянии вещественное значение таких слов постоянное. Они образуют отдельную лексико-грамматическую группу имен существительных, если они называют предметы в широком смысле слова. Их категориальным значением является предметность или субстантивность. Слова, называющие признаки, качества, свойства и т.п., образуют лексико-грамматическую группу имен прилагательных, категориальным значением которых является адъективность или признаковость. Слова, называющие числа, количества и всё, что с ними связано, образуют лексико-грамматическую группу имен числительных, категориальным значением которых является количественность или нумеративность. Слова, называющие действия/состояния, составляют лексико-грамматическую группу глаголов, категориальным значением которых является действительность или вербальность. Слова, называющие различные обстоятельства, при которых совершаются действия/состояния, образуют самостоятельную лексико-грамматическую группу наречий. Их категориальным значением будет обстоятельственность или адвербиальность. Таким образом, эти пять лексико-грамматических групп слов, имеющих постоянное на данном синхронном срезе значение, образуют систему назывных слов.

Кроме слов, которые называют, в монгольских языках выработана в процессе их исторической эволюции ещё одна система знаменательных слов, которая не называет, но указывает на предметы, признаки, количества, обстоятельства и действия/состояния. Эта особая группа указательных слов тоже имеет вещественное значение, но не постоянное, а окказиональное. Эти слова получают значение тех предметов, признаков, количеств, обстоятельств и действий/состояний, на которые указывают в момент речи. Если такие слова указывают на предметы или лица, то это субстантивные указательные слова или местоименные существительные, если указывают на признаки, – то адъективно-указательные слова или местоименные прилагательные, если на количества, – то нумеративно-указательные слова или местоименные числительные, если на глаголы, – вербально-указательные слова или местоименные глаголы, если на обстоятельства, – то адвербиально-указательные слова или местоименные наречия. В речи функция этих слов заключается в том, чтобы замещать назывные слова и выполнять роль того члена предложения, какая была предназначена назывному слову в данном речевом акте. Эта система указательных слов соотносится с системой назывных слов, повторяя её. Назывные и указательные слова вместе составляют самостоятельный класс знаменательных слов, имеющих вещественное значение.

В монгольских языках существуют и такие слова, которые ничего не называют и ни на что не указывают. Они имеют грамматическое значение и выполняют в речи функцию лексической грамматической связи между знаменательными словами, являясь в данном случае чисто формальными, служебными словами. Поскольку у них другой тип лексического значения, отличный от вещественного, они не могут быть приравнены к знаменательным словам, поскольку не равноправны с ними и выполняют только служебную функцию. В предложении они не могут быть его членами. Внутри себя они подразделяются на послелогии, союзы, предикативные связки, показатели подлежащего, слова-субстантиваторы, служебные глаголы. Эти слова объединяются на основе однотипного грамматического значения в самостоятельный класс служебных слов.

Существуют в монгольских языках и такие слова, которые имеют только модальное значение и выражают лишь отношение говорящего к предмету высказывания. Они относятся ко всему предложению и не могут быть его членами: ни главными, ни второстепенными. Эта группа слов состоит из различных модальных частиц, слов и словосочетаний, иногда целых выражений. Их мы выделяем в самостоятельный класс модальных слов.

Есть в монгольских языках и такие слова, которые имеют аффектное значение и выражают средствами монгольских языков различные эмоции, чувства, волеизъявления. Это так называемые междометия или аффектные слова. Они тоже не могут выступать в качестве членов предложения. Их мы выделяем в самостоятельный класс аффектных слов.

И наконец, в монгольских языках представлено довольно много слов, которые ничего не называют, ни на что не указывают, не выполняют служебных функций, не выражают отношения к высказыванию и не выражают никаких чувств и эмоций. Эти слова лишь передают средствами монгольских языков различные образы, которые поступают к человеку из внешнего мира. От многих из этих слов путём специальных словообразовательных моделей образовались разные имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Сами же по себе изобразительные слова не являются этими частями речи. По способу восприятия человеком изобразительные слова подразделяются на:

- 1) изобразительные слова слухового восприятия (звукоподражательные);
- 2) изобразительные слова зрительного восприятия (образные);
- 3) изобразительные слова сенсорного (чувственного) восприятия;

4) слова образного восприятия действия. Такие слова тоже объединяются в самостоятельный класс изобразительных слов. Внутри каждого класса существует внутренняя классификация, но уже по собственным специфическим признакам. Поскольку язык достаточно гибкая система, постоянно возобновляющаяся и развивающаяся, то постоянно происходит процесс пополнения этих классов, в том числе и за счет перемещения лексем из одного класса в другой, причем используются при этом различ-

ные морфологические процессы, в которых большую роль играют аффиксация и лексикализация различных словоформ.

В обобщённом схематичном виде предлагаемая нами классификация слов монгольских языков может быть представлена следующим образом.

I класс. Знаменательные слова:

1. Назывные слова:

- 1) имена существительные;
- 2) имена прилагательные;
- 3) имена числительные;
- 4) глаголы;
- 5) наречия.

2. Указательные слова:

- 1) предметно-указательные;
- 2) качественно-указательные;
- 3) количественно-указательные;
- 4) действительно-указательные;
- 5) обстоятельно-указательные.

II класс. Служебные слова:

- 1) предлоги;
- 2) союзы;
- 3) предикативные связки;
- 4) показатели подлежащего;
- 5) слова-субстантиваторы;
- 6) служебные глаголы.

III класс. Модальные слова:

- 1) модальные частицы;
- 2) модальные слова;
- 3) модальные словосочетания и выражения.

IV класс. Аффектные слова:

- 1) эмоционально-чувственные;
- 2) побудительно-волеизъявительные.

V класс. Изобразительные слова:

- 1) слухового восприятия (звукоподражательные);
- 2) зрительного восприятия (образные);
- 3) сенсорного (чувственного) восприятия;
- 4) образного восприятия действия.

Разумеется, данная схема не претендует на исключительность, она может быть уточнена и переработана. Но если придерживаться одного решающего критерия, в данном случае типа лексического значения, и оставаться на уровне языка, то классификация получается именно такой.

1.2. Местоимения в бурятском и других монгольских языках

Хотя вопрос о местоимениях в бурятском и других монгольских языках на первый взгляд кажется решённым и ни у кого из современных бурятоведов и монголоведов не вызывает сомнения ни их статус, ни их состав, при ближайшем рассмотрении дело обстоит не так просто. В чём сложность и нерешённость, на наш взгляд, этой проблемы? Обратимся к фактам, но прежде всего разберем, как трактуется местоимение в бурятоведении, например в так называемой академической «Грамматике бурятского языка» [1962, с. 137-153] (автор раздела Ц.Б. Цыдендамбаев).

Интересно данное там общее определение, что же такое местоимение в бурятском языке. Оно таково: «Местоимения представляют собой именные слова, при помощи которых говорящий либо различным образом указывает, либо спрашивает о лицах и предметах, об их признаках и количестве. Следовательно, они могут быть названы указательными и вопросительными именными словами» [Грамматика бурятского языка... 1962, с. 137]. Далее там же: «По значению местоимения в бурятском языке делятся на личные, возвратно-указательные, указательные, вопросительные, неопределённые, обобщительные и выделительные» [Там же].

В то же время Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что, «...помимо доминирующего указательного значения, местоимения содержат также предметное, качественное и количественное значения. При этом местоимения с предметным значением соотносительны с именными существительными. Таковы все личные местоимения, указательные местоимения множественного числа, вопросительные местоимения *хэн* «кто», *юун* «что», неопределённые местоимения *хэн нэгэн* «кто-либо», «кто-нибудь», «кто-то» и *юу хээн* «кое-что», обобщительные местоимения со значе-

нием множества, выделительные местоимения множественного числа. Все они изменяются по падежам, в форме именительного падежа служат подлежащими, в родительном падеже – преимущественно определениями, а в прочих – дополнениями.

...Местоимения с качественным значением соотносительны с именами прилагательными. К ним можно отнести указательные местоимения *энэ* «этот», *тэрэ* «тот», *шимэ* «этакий», «такой», *тиимэ* «такой», возвратно-указательное местоимение, вопросительные местоимения *ямар* «какой», *хэр* «какой», «каков», *али* «какой», «который (из них)», неопределённые местоимения *ямар нэгэн* «какой-то», «какой-нибудь», *али нэгэн* «который-нибудь», «какой-нибудь (из них)» и *алибаа* «какой-нибудь», «какой-либо», «какой угодно», обобщительные местоимения со значением единичности, выделительные местоимения единственного числа. Эти местоимения при обычном своем употреблении в составе определительных словосочетаний не принимают падежных окончаний, но многие из них, субстантивируясь и приобретая относительную самостоятельность, могут склоняться. Они, как правило, в предложении функционируют в качестве определений, реже – обстоятельств, но, приняв частицы притяжения или падежные окончания, могут быть любыми членами предложения.

Местоимения с количественным значением в известной мере соотносительны с именами числительными. Указательные местоимения *эды* «столько» и *тэды* «столько», вопросительные *хэды* «сколько» и неопределённое местоимение *хэдэн*, *хэды* «несколько», как и числительные, в предложении обычно бывают определениями, реже – обстоятельствами.

...Соотносительность местоимений с другими именными частями речи не означает их тождественности этим частям речи: местоимения как бы расположены параллельно прочим именным категориям слов, синонимичны им, но они не вливаются в эти категории и довольно часто дают специфические, присущие лишь им отклонения от морфологических и синтаксических черт, которыми наделены соответствующие имена. К тому же своеобразная указательная семантика местоимений превалирует над их предметным, качественным и количественным значениями и четко обособляет местоимения от всех остальных имен» [То же, с. 151-153].

Как можно видеть, схема эта довольно сложна и непоследовательна, поскольку, во-первых, неясно, на основании каких критериев относить местоимения из одной и той же рубрики то к предметным, то к качественным и т.п., во-вторых, как получается, что исходя из одного и того же основания, в данном случае – значения, местоимения делятся то на личные, указательные, вопросительные и т.п., то на предметные, качественные, количественные. Кроме того, эта схема неадекватно отражает реально существующую в бурятском языке, как и во всех остальных монгольских языках, систему местоимений как особую группу заместительных слов с дейктической функцией, параллельную системе назывных частей речи и полностью отражающую, как бы дублирующую её. Причем замещают эти указательные слова абсолютно все знаменательные части речи: существительные, прилагательные, числительные, наречия и глаголы, а не только имена, как сказано в «Грамматике...». Ср., например, субстантивные местоимения: бур., х.-монг. *хэн*, калм. *кен*, старомонг. *ken* «кто», указывающие на человека и человекоподобные мыслящие существа; бур. *юун*, х.-монг. *юу*, калм. *юн*, старомонг. *уауун* «что», указывающие на животных, растения, неодушевлённые предметы; бур., х.-монг. *энэ*, калм. *эн*, старомонг. *ене* «это», «этот», «эта», бур. *тэрэ*, х.-монг. *тэр*, калм. *тер*, старомонг. *тере* «то», «тот», «та»; адъективные местоимения: бур., х.-монг. *ямар*, калм. *ямр*, *ямаран*, старомонг. *yambar* «какой»; бур. *иимэ*, х.-монг. *ийм*, калм. *иим*, старомонг. *eyimü* «такой»; нумеральные местоимения: бур. *хэды*, х.-монг. *хэд*, *хэдэн*, *хэдий*, калм. *кедү*, старомонг. *kedüi* «сколько»; бур. *эды*, х.-монг. *өдий*, калм. *эдү*, старомонг. *edüi* «столько»; адвербиальные местоимения: бур., х.-монг. *хаана*, калм. *хама*, старомонг. *qatıy-a* «где»; бур. *хэр*, х.-монг. *хур*, старомонг. *kir* «как», бур. *хайшан гээд*, *хайшан гэжэ* «как, каким образом»; бур. *эндэ*, х.-монг., калм. *энд*, старомонг. *ende* «здесь»; вербальные местоимения: бур. *яаха*, х.-монг., калм. *яах*, старомонг. *уауакиqu* «как делать», «что делать»; бур. *иухэ*, х.-монг. *ингэх*, калм. *иугх*, старомонг. *ingekü*, *eyikü* «этак делать, этак поступать»; бур. *тиухэ*, х.-монг. *тэгэх*, калм. *тиугх*, старомонг. *cingekü*, *teyikü* «так делать», «так поступать».

При этом все местоимения в зависимости от соотносительности с соответствующей лексико-грамматической категорией ведут себя в речи по-разному. Если это местоимения, указывающие на именные части речи, то они могут склоняться и принимать показатели личной принадлежности; если они замещают и указывают на глагол, то и ведут себя как глаголы, получая всю имеющуюся глагольную словоизменительную парадигму.

Точки зрения Ц.Б. Цыдендамбаева на природу и статус бурятских местоимений придерживался и Д.Д. Амоголонов, считавший, что «местоимение – это знаменательная именная часть речи, обозначающая указание на лицо или предмет вместо их названия. Этой своей особенностью местоимение противопоставляется другим частям речи и в предложении выполняет замещающую другие части речи роль» [1958, с. 175]. Следуя за Ц.Б. Цыдендамбаевым, Д.Д. Амоголонов выделяет в составе бурятских местоимений те же разряды: «... личные, возвратно-указательные, указательные, вопросительные, неопределённые, обобщительные и выделительные» [Там же]. Эти разряды, в свою очередь, он распределяет по двум группам следующим образом: назвав первую группу местоимениями субстантивного характера, т.е. замещающими имена существительные и выступающими в их роли в предложении, он включил в ее состав личные, вопросительные и обобщительные местоимения, вторую группу, названную им местоимениями определительного характера, т.е. замещающими имена прилагательные и выполняющими их функции в предложении, составляют, по его мнению, указательные, неопределённые и выделительные местоимения [Там же]. Хотя схема, предложенная Д.Д. Амоголоновым, выглядит на первый взгляд достаточно стройной, при внимательном её рассмотрении становится очевидным, что в ней не всё продумано до конца: так, например, в ней не упомянуты возвратно-указательные местоимения, указательные, вопросительные и неопределённые соотносятся не только с существительными и прилагательными, но и с числительными, наречиями, а также с глаголами.

Трактовка местоимений как именных слов является, по правде сказать, давней традицией в монголоведении: например, она представлена в «Грамматике монгольского языка» Алексан-

дра Бобровникова [1835], «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» Алексея Бобровникова [1849], «Грамматике монголо-бурятского разговорного языка» А. Орлова [1978].

Как имена рассматривал местоимения также Н. Поппе: «Местоимения являются в некоторых отношениях такими же именами, как всякие иные...» [1938, с. 106, § 98, g].

Б.Х. Тодаева в своих работах [1951; 1973; 1985; 1986] хотя прямо и не говорит о соотношении местоимений с именными частями речи и даёт лишь разряды местоимений по их значениям, но рассматривает их сразу же после существительных и прилагательных и речь ведёт только о склонении местоимений.

Несколько иначе, более своеобразно, трактовал местоимения Г.Д. Санжеев. Это мы видим уже в его «Грамматике бурят-монгольского языка» [1941], в которой он подразделял бурятские местоимения на: 1) личные – *би* «я», *ши* «ты», *та* «вы», *бидэ* «мы», *эдэ* «они (эти)», *тэдэ* «они (те)»; 2) указательные – *энэ* «этот», *тэрэ* «тот», *шимэ* «такой (как этот)», *тиимэ* «такой (как тот)», *мүнөөхи* «этот самый», *үнөөхи* «тот самый», *ондоо* «иной», *адали* «похожий», *туд* «данный», *өөрэ* «другой», *алибаа* «всякий», *зарим* «некоторый»; 3) вопросительные – *хэн* «кто», *хэд* «кто (о многих)», *юун* «что», *юунууд* «что (о многих)», *хэр* «как», *ямар* «какой», *али* «который», *хэды* «сколько», *хаана* «где», «куда», *хэзээ* «когда»; 4) наречные – *ишиэ* «сюда», *тиишэ* «туда», *хуу* «все», *эндэ* «здесь», *тэндэ* «там», *хамаг* «все»; 5) глагольные – *иихэ* «сделать этак», *тиихэ* «сделать так», *яаха* «как быть», «что делать». При этом он поясняет: «Особенностью бурят-монгольских местоимений является то, что к ним относятся ещё три глагола... Вот почему в монгольском языке для всей этой группы слов, по необходимости полностью трактуемых нами как местоимения, употребляется термин «*tölügen-ü üge* – замещающие слова» (а не «имя»)». Местоимения могут быть распределены по другим частям речи: личные – отнесены к предметным именам, указательные – к качественным именам, наречные – к наречиям, глагольные – к глаголам; что же касается вопросительных местоимений, то они распадаются на предметные (*хэн*), качественные (*ямар*), наречия (*хаана*) и т.п.

В соответствии с изложенным полное склонение имеют личные, указательные и часть вопросительных местоимений;

неполное, частичное склонение имеют наречные и часть вопросительных местоимений, иными словами, первые склоняются по всем падежам, тогда как вторые – лишь по некоторым. Что же касается глагольных «местоимений», то они спрягаются по всем глагольным формам, но от них практически не образуются отглагольные имена. Таким образом, оказывается, что местоимения относимы не только к категориям имени: они одинаково относятся и к именам, и к глаголам» [1941, с. 50-51].

Таким образом, Г.Д. Санжеев в данной своей работе давал в общем реальную по содержанию и функции оценку бурятских местоимений, допуская разряды наречных и глагольных местоимений. В то же время его классификация местоимений лишена всякой логической основы и непоследовательна. Выделив наречные и глагольные местоимения, он сделал большой шаг вперед, но запутал всё, поставив эти местоимения в своей классификации на одну доску с личными, указательными и вопросительными, поскольку как в наречных, так и в глагольных местоимениях тоже есть вопросительные и указательные.

Не внес ясности Г.Д. Санжеев в классификацию местоимений и в своих последующих трудах, описывающих грамматическую систему монгольских языков. Так, в работе «Современный монгольский язык» [1959, с. 52-53] он дает в принципе аналогичную схему монгольских местоимений: 1) личные; 2) указательные; 3) возвратные; 4) вопросительные; 5) глагольные. При этом в глагольные он включает и вопросительное *яа*- «как делать», «как быть», т.е. и здесь отсутствует единое логическое основание для деления на разряды. Причем в этой классификации уже отсутствуют наречные местоимения, хотя введены возвратные. Если в «Грамматике бурятского языка» [1941] он выделял местоимения в самостоятельную часть речи, то в данной работе он относит их к именным частям речи. Об этом он говорит буквально следующее: «Изменяемые части речи делятся, в свою очередь, на склоняемые, или именные (имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные), и спрягаемые (глаголы) [Санжеев 1959, с. 45]. Это уже шаг назад.

В другой своей работе, «Старописьменный монгольский язык» [Санжеев 1964, с. 72-74], он заявляет: «В старописьменном

монгольском языке все именные части речи – имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные – в основном обладают теми же лексико-семасиологическими и грамматическими свойствами, что и в современном монгольском языке» [То же, с. 58]. Поэтому и здесь он рассматривает местоимения в составе именных частей речи и дает классификацию разрядов, тоже включающую личные, указательные, вопросительные, возвратные и глагольные местоимения.

В какой-то мере сходную с Санжеевской классификацию местоимений выдвигает и З.К. Касьяненко, которая в своей работе [1968, с. 56-57] приводит следующие их разряды: 1) личные; 2) указательные; 3) вопросительные; 4) неопределенные; 5) глаголы-заместители.

Несколько иные, но близкие друг к другу классификации местоимений как самостоятельной части речи находим в грамматиках современных монгольского [Орчин цагийн монгол хэл зүй 1966, с. 199-212] и калмыцкого [Грамматика калмыцкого языка... 1983, с. 161-175] языков. Калмыковеды при этом следуют российской традиции, называя местоимения заместительными именами (орлгч нерн), монгольские языковеды, как принято в монгольской традиции, используют термин «заместительное слово» (төлөөний үг). Учитывая чисто содержательную сторону, в монгольской грамматике выделяются следующие разряды местоимений: личные, указательные, вопросительные, неопределенные, выделительные, возвратные; в калмыцкой – те же разряды, только выделительные названы определительными. При этом монгольские грамматисты внутри разрядов указательных, вопросительных и неопределенных местоимений приводят соответствующие не только именные, но и наречные и глагольные местоимения. Кроме того, в специальном параграфе «Связь местоимений с другими частями речи» [Орчин цагийн монгол хэл зүй 1966, с. 211] они отмечают соотношенность местоимений со всеми знаменательными частями речи и предлагают различать местоимения-существительные (жинхэнэ нэрийн төлөөний үг), местоимения-прилагательные (тэмдгийн нэрийн төлөөний үг) местоимения-числительные (тооны нэрийн төлөөний үг), местоимения-наречия (дайврын төлөөний үг), местоимения-глаголы (үйлийн төлөөний үг).

В калмыцкой грамматике в разряде указательных местоимений по семантико-грамматическим признакам выделены рубрики местоимений предметно-указательных (*эн* «этот, эта, это», *тер* «тот, та, то»), качественно-указательных (*иим* «этаким, такая, такое», *тиим* «такой, такая, такое»), количественно-указательных (*эдү* «вот столько, столько», *тедү* «вон столько, столько»), пространственно-указательных (*энд* «здесь», *тенд* «там»), глагольно-указательных (*иигх* «делать эдак», *тиигх* «делать вон так, как тот, таким образом»). Примерно те же рубрики калмыковеды выделяют и в вопросительных местоимениях: предметно-вопросительные (*кен?* «кто?», *юн?* «что?»), качественно-вопросительные (*ямаран?* «какой?»), пространственно-вопросительные (*аль, альд?* «где?», *хама?* «где?»), вопросительно-временные (*кезэ* «когда?»), количественно-вопросительные (*кедү?* «сколько?»), глагольно-вопросительные (*ях?* «что делать?, как быть?»), причинно-вопросительные (*ьяад?* «почему?», *юнгад?* «почему?»).

Данный подход, учитывающий наличие местоимений, указывающих не только на имена, но и на наречия и глаголы, а также рассмотрение местоимений вне категории имен, в составе самостоятельной части речи, следует считать более логичным и прогрессивным. Хотя и калмыковеды не избежали в какой-то мере воззрения на местоимения как на именную часть речи, о чем свидетельствует их утверждение: «Местоимение – это часть речи, которая, не называя предметы, их признаки и количество, указывает на них. По своему лексическому значению и грамматическим признакам местоимения соотносительны с именами существительными, прилагательными, числительными и в предложении выполняют те же синтаксические функции, что и перечисленные части речи» [Грамматика калмыцкого языка... 1983, с. 161].

Таким образом, приведенный выше краткий обзор и анализ существующих в бурятоведении и монголоведении точек зрения, подходов и трактовок местоимений бурятского и других монгольских языков показывают, что здесь действительно далеко не все так благополучно, как кажется на первый взгляд. Такой разницей во взглядах на местоимение вызван противоречием между привычной грамматической схемой, навязанной традициями индоевропейского языкознания, и тем, что реально имеют в

своём строе монгольские языки. Глубоко прав В.М. Надеяев, считая, что все эти классификации монгольских местоимений алогичны, основаны на одновременном делении сразу по нескольким логическим основаниям [Надеяев 1987, с. 40-41]. Давно уже звучит в монголоведении призыв исходить из реального положения дел, из особенностей строя монгольских языков в построении грамматических теорий. Так, например, Г.Д. Санжеев еще в 1953 г. писал по этому поводу: «Ныне мы считаем, что попытка монголистов рассматривать указанные части речи только как имена существительные (или предметные) и прилагательные (или качественные) потому не может увенчаться успехом, что невозможно в угоду традиционному числу частей речи, установленному в соответствии с особенностями индоевропейских языков, установить части речи в языках иных структур непременно в том же самом количестве» [1953, с. 124].

Иная трактовка системы местоимений монгольских языков, учитывающая особенности их строя, была предложена В.М. Надеяевым, который отразил ее в своей программе систематического курса теории современного монгольского языка, разработанной им в 1954 г. Данный курс читался им в 50-е гг. на монгольском отделении восточного факультета Ленинградского госуниверситета. По разным причинам программа эта опубликована только в 1987 г. [1987, с. 3-74].

В.М. Надеяев считал местоимения особой частью речи, являющейся указательным обобщением всей системы конкретных знаменательных частей речи. По отношению содержания к действительности (основание деления – модальность) он подразделял монгольские местоимения на вопросительные, положительные, неопределенные. Внутри каждой основной группы он выделял 5 разрядов по обобщенным категориально-грамматическим типам (основание деления – содержание): существительные, прилагательные, глагольные, наречные, числительные [1987, с. 42]. Внутри каждого разряда по конкретному содержанию существительные местоимения делились им на личные и возвратные, прилагательные местоимения – на указательные, определительные, притяжательные и т.д.

Аналогичный в принципе подход к пониманию системы местоимений был высказан позднее в общем языкознании Ю.С.

Масловым, который назвал местоимения заместительными словами, образующими «...особую систему, параллельную системе назывных частей речи и по-своему дублирующую ее» [1975, с. 217]. Исследование большого фактического материала из различных языков позволило ему прийти к следующему очень важному и для монголоведения выводу: «...факты свидетельствуют, во-первых, о том, что, выделяя слова-заместители, нельзя ограничиться рамками традиционных местоимений, а во-вторых, о том, что весь этот разряд, взятый в целом, не есть «часть речи» в ряду других частей речи, а есть некий класс, выделенный по другому принципу, и потому, естественно, переименовывающийся с делением по частям речи. Иными словами, это некая вторая, параллельная система частей речи, в миниатюре и с известными особенностями повторяющая первую, основную их систему. Особенности создаются за счет специфического абстрактного характера лексического значения всех этих слов в системе языка, при обязательности для них частной предметной отнесенности в речи, за счет их заместительной функции, наконец, за счет еще одной их функции – дейктической (указательной в широком смысле слова), не менее важной (и, по-видимому, исторически более древней), чем заместительная функция... Миниатюрность же «второй системы» возникает в силу ограниченности количественного состава заместительных слов: в отличие от слов-названий слова-заместители представлены замкнутыми списками... С разбиением заместительных слов на части речи – местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные, местоименные наречия и (в некоторых языках) местоглаголия или, шире, местопрedikативы – переименовывается еще одно их разбиение – на собственно-указательные, вопросительные, отрицательные, неопределенные. Более узкие группы составляют личные и возвратные местоимения – только существительные и соответствующие им притяжательные – только прилагательные. Грамматические категории в разных группах заместительных слов в общем повторяют грамматические категории соответствующих назывных частей речи, однако не полностью, а с теми или иными видоизменениями» [Маслов 1975, с. 218].

Попытки по-новому представить местоимения в грамматической системе языка, учитывая их соотношенность с частями речи знаменательных слов, наблюдаются в последние годы и в русистике. Так, в недавнем издании академической грамматики русского литературного языка [Русская грамматика... 1980] местоимения не выделяются ни в самостоятельную часть речи, ни в иной класс слов, а рассматриваются разбросанно в составе соответствующих частей речи, которые они замещают: местоимения-существительные даны среди существительных особым разделом, среди них выделены личные, возвратные, вопросительные, неопределенные и отрицательные; в составе прилагательных рассмотрены местоименные прилагательные с их особым типом склонения; среди числительных выделены местоименные числительные; среди наречий – местоименные наречия. Глагольных местоимений в русском языке нет.

Таким образом, видно, что лингвистика ищет новые подходы к трактовке местоимений. Представляется, что назрела пора и в монголоведении, в том числе и в бурятоведении, при работе над новой «Грамматикой бурятского языка» пересмотреть устаревшие взгляды на местоимения не только как на особую часть речи в ряду других знаменательных частей речи, но и как на именные слова. Нужен новый подход, основывающийся на реалистической теоретической базе. Мы считаем, что такой базой должна послужить наиболее логичная и последовательная трактовка местоимений, выдвинутая В.М. Надеяевым и Ю.С. Масловым. Опираясь на эту теорию, мы предлагаем свой вариант классификации слов и частей речи монгольских языков. Основанием для деления послужил тип лексического значения. Классификация проведена на уровне языка, но не речи, поскольку у каждого слова на языковом уровне одна функция, на речевом – иная. Так, существительные, имея на данном синхроническом срезе постоянное вещественное значение, на языковом уровне называют предметы, явления, лица и т.п., поэтому их именуют назывными словами. Назывными же являются и прилагательные, числительные, глаголы и наречия, поскольку они называют соответственно свойства, качества и признаки, количества, действия и состояния, обстоятельства. Таких слов в словарном составе любого языка подавляющее большинство, так как они

выработаны в языках для называния многочисленных окружающих человека разнообразных явлений объективной действительности. На уровне речи их функцией является выражение субъекта и объекта действия, выражение определения, обстоятельства и предиката. По их языковой функции эти назывные слова принято подразделять на существительные, прилагательные, числительные, глаголы и наречия. Кроме того, в бурятском и других монгольских языках сложилась относительно небольшая по численности группа слов, которые не называют предметы и лица, их признаки и свойства, их количество, их действия и обстоятельства, но указывают на них. Это присуще таким словам на уровне языка. На уровне же речи они замещают соответствующие существительные, прилагательные, числительные, глаголы и наречия, выполняя в предложении их соответствующие функции, выступая в роли того или иного члена предложения. При этом указательные слова монгольских языков, как и европейские местоимения, подобно назывным словам тоже обладают вещественным значением, но только оно у них окказиональное. В отличие от европейских местоимений монгольские местоимения указывают еще и на действия и состояния, и на обстоятельства, образуя целостную систему своих, указательных частей речи, подобную системе частей речи назывных слов. Назывные и указательные слова по признаку наличия у них вещественных значений объединяются в один класс – класс знаменательных слов. Внутри этого класса назывные и указательные слова образуют, таким образом, две системы частей речи, существующих параллельно и могущих взаимозаменяться. Их соотношение выглядит следующим образом:

Назывные слова

Существительные

Прилагательные

Числительные

Глаголы

Наречия

Указательные слова

- Предметно-указательные слова

- Качественно-указательные слова

- Количественно-указательные слова

- Действенно-указательные слова

- Обстоятельственно-указательные слова.

Отвлекаясь от внутреннего содержания традиционного термина «местоимение» как названия слова, употребляющегося вместо имени, условно можно сохранить этот термин и в монголоведении для называния группы указательных слов в целом. На

бурятский язык термин «местоимение» в данном случае логично будет переводить либо как «заагша үгэ», либо «түлөөнэй үгэ» (но не түлөөнэй нэрэ). Таким образом, наряду с назывными существительными, прилагательными, числительными, глаголами и наречиями в составе класса знаменательных слов существуют местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные глаголы и местоименные наречия. При этом вопросительные, указательные и неопределенные местоимения относятся ко всем пяти выделенным здесь частям речи, потому что все местоимения в принципе являются указательными словами. Каждый из этих разрядов в свою очередь подразделяются на пять групп в соответствии с соотносительностью с той или иной частью речи. Это: 1) предметно-вопросительные *хэн, юун*, предметно-указательные *энэ, тэрэ, эдэ, эдэнэр, тэдэ, тэдэнэр* предметно-неопределенные *хэнише, хэн нэгэн, юунише, юу хээн*; 2) качественно-вопросительные *ямар, али*, качественно-указательные *шимэ, шимэрхүү, тшимэ, тшимэрхүү*, качественно-неопределенные *ямарнише, ямар нэгэн, ямарбаа, алинише, али нэгэн, алибаа*; 3) количественно-вопросительные *хэды, хэды шэнээн, тэды, тэды шэнээн*, количественно-указательные *хэды, эды шэнээн, тэды, тэды шэнээн*, количественно-неопределенные *хэдынише, хэдэнише, нэгэ хэды, зааханнише хэды*; 4) действительно-вопросительные (или глагольно-вопросительные) *яаха*, действительно-указательные (или глагольно-указательные) *иигэхэ, иихэ, тиигэхэ, тиихэ*, действительно-неопределенные (или глагольно-неопределенные) *яахашье*; 5) обстоятельственно-вопросительные *хэр, яажа, хайшан гэжэ, хайшан гээд, хэзээ, хэдыдэ, хана, хайшаа, хаанаһаа, хаагуур*, обстоятельственно-указательные *иигэжэ, иигээд, шимэ, тиигэжэ, тиигээд, тшимэ, эдыдэ, тэдыдэ, иишэ, тиишэ, эндэ, тэндэ, эндэһээ, тэндэһээ, энээгүүр, тэрээгүүр*, обстоятельственно-неопределенные *яажанише, яажашье һаань, хайширнише гэжэ (гээд), хайшанише һаань, хэзээ нэгэтэ, хэзээ нэгэ, хаанашье, хана нэгэ, хайшаашье, хаанаһаашье, хаагуурише*. Остальные разряды местоимений распределяются следующим образом: личные, возвратно-указательные и обобщительные относятся к предметно-указательным, т.е. относятся к местоименным существительным, а выделительные — к местоименным прилагательным.

Остальные слова бурятского и других монгольских языков группируются следующим образом. Слова, имеющие грамматическое значение составляют класс служебных слов. Их речевой функцией является выражение грамматической связи между знаменательными словами, выступающими в роли тех или иных членов предложения. Слова с модальным значением – модальные слова и частицы, передающие в предложении отношение говорящего к предмету высказывания, – составляют класс модальных слов. Слова, передающие средствами языка различные эмоции и волеизъявления, объединяются в класс междометных слов. Слова же передающие средствами языка различные образы, образуют класс изобразительных слов. К ним относятся характерные для бурятского и других монгольских языков группы слов, передающих образы зрительного восприятия, образы слухового восприятия, образы чувственного восприятия и образы восприятия действий.

Таким образом, все слова бурятского и других монгольских языков предлагаем сгруппировать в пяти классах:

- I. Класс знаменательных слов.
- II. Класс служебных слов.
- III. Класс модальных слов.
- IV. Класс междометных слов.
- V. Класс изобразительных слов.

Бурятские и вообще монгольские местоимения (указательно-заместительные слова), таким образом, не составляют отдельной самостоятельной части речи и не стоят в одном ряду с существительными, прилагательными, числительными, глаголами, наречиями, предлогами, союзами, междометиями и др., как это трактует традиционная классификация частей речи. Местоимения по своей сути составляют отдельную самостоятельную группу слов с окказиональным вещественным значением и объединяются вместе с назывными словами в самостоятельный класс знаменательных слов. При этом каждая из этих групп слов как назывных, так и указательных, имеет свои, но соотносящиеся между собой системы частей речи. Класс знаменательных слов по своей внутренней структуре выглядит следующим образом:

I. Класс знаменательных слов.

1. Назывные слова.

1) Имена:

- а) существительные;
- б) прилагательные;
- в) числительные.

2) Глаголы.

3) Наречия.

2. Указательные слова:

1) Указательные имена.

- а) указательные существительные;
- б) указательные прилагательные;
- в) указательные числительные.

2) Указательные глаголы.

3) Указательные наречия.

Если применять латинизированную терминологию, то вместо выражения «указательные слова» можно взять «дейктические слова». Внутри них соответственно будут выделены дейктические субстантивы, дейктические адъективы, дейктические нумерали, дейктические вербы, дейктические адвербы.

Кроме того, нуждается в пересмотре и сам термин «местоимение», как не отражающий сущности этой группы слов в монгольских языках. Кстати, в самих монгольских языках представлены следующие названия: в бурятском – түлөөнэй нэрэ, в калмыцком – орлһч нерн, в монгольском – төлөөний үг, в старописьменном монгольском – *tölügenü üge*. В бурятском и калмыцком терминах заключено традиционное в русском и европейском языкознании понимание местоимений как заместителей именных частей речи. Монгольский термин гораздо точнее отражает природу этого типа слов монгольских языков и их способность замещать любую знаменательную назывную часть речи. Этот термин буквально означает «замещающее слово», «местословие», на что неоднократно указывал в разное время Г.Д. Санжеев [1941, с. 50; 1959, с. 53; 1964, с. 72, примеч. 42]. В.М. Надеяев поддержал термин «местословие», но впоследствии предложил более широкий термин «общесловие» [1987, с. 40, примеч. 4]. Иных вариантов выдвинуто пока не было, да и эти

не прижились. Поэтому в монголоведении продолжает бытовать привычный термин «местоимение», хотя и не совсем точно отражающий суть явления. Так что одной из ближайших задач монголоведов является наряду с выработкой единого взгляда на местоимения и на их место в системе частей речи монгольских языков подбор точного и приемлемого термина, адекватно отражающего суть явления.

1.3. Эволюция взглядов в монголоведении и бурятоведении на природу и состав деепричастий

В современном монголоведении и в бурятоведении неличные формы глагола включают в себя причастия и деепричастия и осознаются как особые формы, которые играют важную роль в грамматическом строе монгольских языков. Благодаря им глагол имеет связь как с именами, так и с наречиями. Если причастные формы позволяют характеризовать, определять лицо или предмет по действию, связанному с категорией времени, то деепричастия характеризуют другое действие через действие. При этом другое действие может либо сопровождать основное действие, либо быть условием для совершения этого действия. Роль неличных форм в монгольских языках, в том числе и в бурятском, более разнообразна и значительна, нежели в русском языке. На этих формах, например, построен весь синтаксис монгольских языков. Ввиду большой важности этих форм необходимо глубже и подробнее вникнуть не только в их грамматическую сущность и их синтаксические функции, но и проследить, как складывалось в монголоведении понимание сущности и специфики этих неличных форм и их эволюцию в истории монголоведения.

Относительно деепричастий И.Я. Шмидт [Schmidt, s. 62] в § 110 писал, что герундий необходим монгольскому языку, так бедному союзами, и его применение весьма обширно. Он обнаруживает две формы настоящего времени, одну форму прошедшего времени и особую форму, которая заменяет предлоги "до" и "во время". Далее сюда следует причислить еще два супина, из которых один отрицательный. Конкретно выделяемыми им формами герундия являются формы на =н и =чу (=чжу), которые, по его словам, "по значению полностью одинаковы и,

кажется, существуют только ради чередования, чтобы избежать монотонности" [Там же].

Кроме этого, он выделяет в монгольском языке деепричастие прошедшего времени на =гад (*абугад* "взяв", *өггүгэд* "дав"). И.Я. Шмидт считает, что эта форма существует для замещения союза "после того, как", например: *босугад гарбай* "после того, как он встал, он вышел", для замещения предлогов "до" и "во время" в монгольском языке, по его мнению, существует особый герундий на =тала (например: *абтала* "до того как возьмут", " в то время как возьмут").

И.Я. Шмидт выделяет в монгольском языке два супина: супин цели на =ра (*абура* "чтобы взять", *эрире* "чтобы искать") и отрицательный супин на =л үгэй (*абул үгэй* "не беря"). При этом супин цели может заменяться либо формой датива на =а инфинитива (*абухуй=а* "чтобы взять"), либо формой генитива инфинитива с послесловом *тула* "чтобы" (*абху=йин тула* "чтобы взять"). Форму на =басу (*ябубасу* "если ушел") он включает в условное наклонение.

Таким образом, И.Я. Шмидт находил в монгольском языке деепричастия (настоящего времени на =н и =чу, прошедшего на =гад, замещающего предлоги "до" и "во время" на =тала, целевое на =ра и отрицательное на =л үгэй). Примечательно также, что он рассматривает их в составе наклонений. Это и позволило ему "не заметить" деепричастия цели на =куй=а и включить его в состав особых наклонений.

Александр Бобровников в своей грамматике деепричастиям посвятил специальную главу [Бобровников 1835, с. 73-76]. По его мнению, в монгольском языке четыре деепричастия: два деепричастия настоящего времени – на =чу, =джу (=джи) и =н, например: *аджу* "будучи", *хайаджу* "бросая", *өгчү* "давая", *хайан* "бросая", *өггүн* "давая"; одно деепричастие прошедшего времени на =гад или =гэд, например: *агад*, *бүгэд* "быв", *хайагад* "бросив", *эргүгэд* "вознесши"; одно отрицательное деепричастие на =л үгэй, например: *байил үгэй* "не находясь", *абул үгэй* "не взимая" [Там же].

В отличие от И.Я. Шмидта, Александр Бобровников выделяет особое сослагательное наклонение и в его составе целый ряд

форм, не отмеченных Шмидтом, и которые современное монголоведение считает деепричастиями. Это формы на =бачу (*ирэбэчу* "хотя пришел, приехал, но..."), на =басу, =басу элэ, =хула, =бала (*ирэбэсү, ирэбэсүэлэ, ирэкүлэ, ирэбэлэ* "как пришел, то.."), на =тала (*ирэтэлэ* "притом как пришел, пока придет"), =магча (*ирэмэгча* "лишь только пришел"), на =гсагар (*ирэгсэгэр* "продолжает приходиться, с того времени как пришел"), на =гуджай (*ирэху болугуджай* "чтоб не пришел") [То же, с. 62].

Совершенно иначе рассматривал неличные формы монгольского глагола Алексей Бобровников [1849, с. 129-130, 135-145], который разделил спрягаемые формы глагола на простые и сложные, а простые в свою очередь на окончательные и неокончательные. При этом окончательные формы употребляются в конце периода или предложения (ср. современное название финитные или личные формы), а неокончательные (ср. их современное название инфинитные или неличные формы) "... могут употребляться только в середине периода или предложения. В окончательных формах полагаются глаголы, управляющие периодом или предложением, а в формах неокончательных полагаются глаголы или служащие к дополнению смысла окончательного глагола, – излагающие, например, обстоятельства главного действия, условия, причины, цель и тому подобное, или определяющие (в качестве русских вводных предложений с местоимением который) понятия, заключающиеся в предложении" [Бобровников 1849, с. 129-130].

О делении неокончательных форм он пишет: "Формы неокончательные двух родов: одни из них показывают отношение действия к действующему субъекту – причастия, другие показывают отношение действий между собой – деепричастия" [Бобровников 1849, с. 135]. Здесь мы видим в принципе современное понимание природы неличных форм.

Алексей Бобровников в монгольском языке выделяет девять деепричастий:

1) разделительное, образуемое через наращение =гат, =гэт: *йабугат* "ходивши", *ирэгэт* "пришедши";

2) соединительное, образуемое через наращение =джу, =жд, =чу, =чү: *олджу* "находя, нашедши", *ирэджү* "приходя, пришедши", *абчу* "беря, взявши";

3) слитное, образуемое через наращение =н: *абун* "беря, взявши", *ирэн* "приходя, пришед";

4) предварительное, образуемое через наращение =макца, =мэкцэ: =*олумакца* "после того как найдет, нашел", *ирэмэкцэ* "лишь только пришел, пришед";

5) совместное, образуемое через наращение =тала, =тэлэ: *йабутала* "между тем как шел", *ирэтэлэ* "между тем как приходил, пока придет";

6) конечное или супин, образуемое через наращение =ра, =рэ: *абура* "чтобы взять", *үдтэрэ* "чтобы увидеть";

7) приготовительное, образуемое через наращение =рун, =рүн: *болурун* "сделавшись", *очирун* "доложивши";

8) уступительное, образуемое через наращение =бачу, =бэчү: *олбачу* "хотя нашел, хотя бы нашел", *ирэбэчү* "хотя пришел, хотя бы пришел";

9) условное, образуемое посредством присоединения =басу, =бэсү: *олбасу* "если нашел", *ирэбэсү* "если пришел". Форму на =*гсагар*, =*гсэгэр* (ср. современное ее осмысление как продолжительное деепричастие) он считает возможным отнести к деепричастиям, но склоняется более к мысли, что это орудный падеж причастия прошедшего времени.

Если мы сравним то, как рассматривали неличные формы И.Я. Шмидт и Бобровниковы, то увидим, что за те восемнадцать лет, что прошли с момента выхода грамматики Шмидта до грамматики Алексея Бобровникова, произошла быстрая эволюция взглядов монголоведов на природу и состав причастных и деепричастных форм. Взгляды Алексея Бобровникова точнее отражают природу монгольских причастий и деепричастий и приближены к современным.

В какой-то мере близки по эпохе к разобранным выше работам и исследования по грамматике монгольского языка Вл.Л. Котвича [1902], Г.И. Рамстедта [1903] и А.Д. Руднева [1905], изданные на рубеже веков.

Так, Вл.Л. Котвич в своей работе [1902, с. 100-102, 108-118] вслед за Алексеем Бобровниковым делит глагольные формы на две группы: формы, употребляющиеся в главных или самостоятельных предложениях, и формы, употребляющиеся в придаточных предложениях. Первые он называет окончатель-

ными, отнеся к ним формы побудительные, описательные и повествовательные (что соответствует современному членению таких форм на повелительно-желательные и изъявительные), вторые – неокончательными, разделяя их на причастия и деепричастия. При этом причастия, по его мнению, это формы глагола, показывающие отношение действия к предмету, а деепричастия – формы, которые выражают отношение одного (второстепенного) действия к другому (главному).

Деепричастия, по мнению В.Л. Котвича, играют в монгольском языке очень важную роль, поскольку обстоятельственные, уступительные и условные предложения европейских языков чаще всего выражаются только в сокращенной форме при помощи деепричастий. При этом Котвич выделяет в монгольском языке следующие деепричастия:

1. Разделительное с окончанием =*гат*, =*гэт*, употребляющееся для выражения побочных или предшествующих действий, на которые обращается почти то же внимание, что и на действие главное, и которые находятся с последним в прямой причинной связи, например: *ирэгэт үджэбэ* "прийдя увидел", т.е. "пришел и увидел".

2. Соединительное с окончанием =*джу*, =*джү*, =*чу*, =*чү*, которое описывает действия и служит обстановкой (причиной, образом и пр.) для главного действия, например: *халтуруиджу унаба* "поскользнувшись упал".

3. Слитное деепричастие с окончанием =*н*, служащее для более точного описания главного действия, например: *морилян ирэбэ* "прибыл верхом".

При этом В.Л. Котвич особо отмечает, что монгольские разделительное, соединительное и слитное деепричастия более всего соответствуют по значению русским деепричастиям и служат обыкновенно для описания второстепенных действий, совершаемых тем же лицом, что и действие главное, а поэтому могут переводиться русскими деепричастиями. Кроме отмеченных выше трех деепричастных форм, В.Л. Котвич относит к деепричастиям также:

1. Предварительное деепричастие с окончанием =*макца* (*мэцэ*), которое служит для описания действия, непосредственно предшествующего главному действию, и переводится на

русский язык союзами «как только», «как скоро», «лишь только», «после того как». В разговорном языке в этом же значении употребляется и деепричастие с окончанием =хулаар (хүлээр) : *ирэхүлээр* "как только придет".

2. Совместное деепричастие с окончанием =тала (=тэлэ), которое служит либо для описания действия, одновременного с главным, например: *ябутала* "в то время как шел", либо для выражения действия, служащего для главного действия, например: *ирэтэлэ* "пока не пришел".

3. Конечное деепричастие, или супин, имеющее окончание =ра (=рэ) и выражающее цель, намерение совершить действие, например: *үджэрэ ирэбэ* "пришел, чтобы посмотреть". В разговорном языке оно не употребляется.

4. Приготовительное деепричастие с окончанием =рун (=рүн), употребляющееся для предупреждения о главном действии, особенно перед чужими словами, например: *айлатхарун* "доложил (следующее)". В разговорном языке не употребляется. Приготовительное деепричастие сейчас чаще называют цитатным.

5. Продолжительное деепричастие с окончанием =ксагар (=ксэгэр), которое служит для показания того, что второстепенное действие не прекратилось с наступлением главного, а продолжалось, являясь для него обстоятельством образа действия, например: *сагуксагар* "продолжая сидеть". У него есть еще значение союза «с тех пор как», например: *түрүксэгэр* "с тех пор как родился".

6. Заменное деепричастие с окончанием =хаар (=хээр), в разговорном языке =нхаар (=нхээр), которое указывает на желательность замены действия, выраженного этим деепричастием, например: *бичихээр* "чем писать, лучше..."

7. Условное деепричастие, образуемое окончаниями =басу (=бэсү), =бала (=бэлэ), =хула (=хүлэ) и служащее для выражения действия, которым обуславливается главное действие. При этом =басу передает больше отношения условия, а =хула – временные, например: *ирэбэсү* "если придет", *ирэхүлэ* "когда придет".

8. Уступительное деепричастие, которое оканчивается на =бачу (=бэчү) и соответствует русскому уступительному союзу «хотя», например: *ирэбэчү* "хотя придет", "хотя пришел".

Из приведенного материала мы видим, что В.Л. Котвич достаточно полно выявил и обрисовал систему деепричастий монгольского языка, которая в общих чертах принята и современным монголоведением. При этом лишь отдельные деепричастия стали называться иначе. Так, деепричастие с окончанием =*тала* (=тэлэ), названное В.Л. Котвичем совместным, ныне называется предельным, что точнее отражает его значение, конечное, или супин, сейчас называется целевым деепричастием.

Г.И. Рамстедт в своей работе, посвященной спряжению халха-монгольского глагола [Ramstedt 1903] немало места отводит описанию системы причастий и деепричастий.

Среди конвербов, по русской терминологии – деепричастия, Г.И. Рамстедт выделяет следующие:

- 1) условное на =*бал* (=вал);
- 2) имперфектное настоящего времени на =*дж*;
- 3) перфектное (прошедшего времени) на =*аат* (=гаат);
- 4) слитное на =*н*, =*нгаа*;
- 5) совместное на =*тал*;
- 6) конечное на =*хаа*;
- 7) последовательное на =*хлаар*;
- 8) одновременное на =*мсаар*;
- 9) продолжительное на =*саар*;
- 10) мгновенное на =*с*.

При этом Рамстедт все деепричастия делит на настоящие и ненастоящие. К первым он относит условное и включаемое им с оговоркой в состав деепричастий уступительное с окончанием =*вчик*. Ко вторым – все остальные.

Таким образом, Рамстедт дает несколько иную схему системы деепричастий, чем Котвич. Схема Котвича ближе к современному пониманию сути деепричастий и отражает их содержание более адекватно.

А.Д. Руднев [1905, с. 38-53] делит все глагольные формы на три группы: чисто глагольные формы, именные формы глагола (причастия), конвербиальные формы глагола (деепричастия, отглагольные наречия). Здесь Руднев в принципе следует за Рамстедтом, который разделил все глагольные формы халха-монгольского языка на три подобных же разряда. Но все же, отдавая дань сложившейся монголоведной традиции, Руднев пер-

вый из этих разрядов называет окончательными глагольными формами, как мы в общем видим у Котвича, а два вторых – неокончательными формами. При подаче системы деепричастий Руднев полностью повторяет идею Рамстедта и вслед за ним делит все деепричастные формы старомонгольского языка на фиктивные и истинные, относя, как и Рамстедт, к первым условное и уступительное деепричастия, а ко вторым – все остальные. К истинным деепричастиям, таким образом, он относит:

- 1) соединительное на =*джу*;
- 2) разделительное на =*гат*;
- 3) слитное на =*н*;
- 4) совместное (по современной терминологии предельное) на =*тала*;
- 5) предварительное на =*макца*;
- 6) продолжительное на =*ксагар*;
- 7) конечное (современное его название целевое) на =*ра*;
- 8) приготавительное на =*рун*;
- 9) заменное на =*хаар*, =*нхаар*;
- 10) последовательное на =*хулаар*.

Здесь, как видим, Руднев, хотя и следует схеме Рамстедта, но подвергает классификации старомонгольские деепричастия, которые все же несколько отличаются от халхаских, сохранив при этом их принятые в монголоведении названия.

Из приведенного выше обзора последних трех грамматик классического монгольского языка можно видеть, что за прошедшие семьдесят лет от грамматики И.Я. Шмидта до этих работ произошла значительная эволюция взглядов в классическом монголоведении на природу причастий и деепричастий. Их стали осознавать как особые неокончательные (т.е. нефинитные, неполные) формы, которые не могут выступать сами по себе в роли предиката, противопоставляемые окончательным (т.е. финитным, личным) формам глагола, могущим быть предикатами в главном предложении. Верно была подмечена связь причастий с именами прилагательными, а деепричастий – с наречиями по их функции. В работах Вл. Котвича и А.Д. Руднева мы находим уже более или менее определенный состав причастных и деепричастных форм, выявленные их значения, синтаксические функции и устоявшиеся названия, которые в общем приняты и современным монголоведением.

Работа Г.И. Рамстедта носит поисковый характер, в ней он вводит свою классификацию деепричастий, в которой они разделены прежде всего на настоящие и ненастоящие на основании их морфологической природы, их происхождения. В разряд истинных деепричастий вошли те, которые произошли от различных падежей именных глагольных форм (причастий), а к фиктивным отнесены те, которые образованы от чисто глагольных форм.

Последующие монголоеды, занимавшиеся грамматикой классического монгольского языка, уже не вносят ничего принципиально нового в классификацию неличных форм деепричастий. Из более поздних работ можно назвать "Грамматику письменно-монгольского языка" Н.Н. Поппе, вышедшую в 1937 г. В ней он полностью повторяет схему, предложенную Г.И. Рамстедтом, не внося уже ничего нового.

Таким образом, на этом можно закончить обзор эволюции взглядов на систему деепричастий в классическом монголоведении.

Рассмотрим теперь, как монголоеды трактовали деепричастия бурятского языка.

Первой научной грамматикой бурятского языка является труд М.А. Кастрена [1857], изданный А. Шифнером уже после смерти автора. А. Шифнер не был знатоком бурятского языка и подготовил работу М.А. Кастрена к печати по схеме монгольской грамматики И.Я. Шмидта, отнеся причастия и деепричастия к наклонениям. Эти наклонения связаны со временем, виды которого отмечены и у деепричастий. Так, отождествленные формы деепричастий на *=жу* и *-н* названы деепричастием настоящего времени. Сюда же отнесено и деепричастие на *=тара*. К деепричастиям прошедшего времени отнесены формы на *=гаад*, *=хаар*. Ошибкой было указание на употребление отрицания *үгэй* "нет" с деепричастиями, например: *илаже үгэй* "не победив", *алатар үгэй* "не до убивания", *алаад үгэй* "не убив". В бурятском языке подобные сочетания невозможны.

Другой грамматикой бурятского языка, составленной в XIX же столетии, является "Грамматика монголо-бурятского разговорного языка" А. Орлова, изданная в Казани [1878]. Автор был протоиереем, преподавателем монгольского языка в Иркутской Духовной семинарии, и его работа преследовала чисто практи-

ческие цели, поскольку русская православная церковь вела активную деятельность по обращению бурят в христианство. В этой связи в Духовной семинарии нужно было готовить священников и миссионеров, знающих местные языки и даже диалекты, поэтому А. Орлов дает в своей грамматике разные варианты одних и тех же форм: одни для селенгинского "наречия" (по терминологии Орлова), в которое он включает язык селенгинских бурят, другие – для балаганского, в которое он включает языки хоринских, баргузинских, кударинских, тункинских, аларских, идинских, кудинских, ленских, верхоленских и ольхонских бурят. Главным различием этих наречий он считал произнесение *с* у селенгинцев там, где у балаганских бурят звучит *һ*, например: *сайн – һайн* "хороший", *суни – һуни* "ночь", *биши-сэн – бишиһэн* "писавший".

Поскольку эта работа имела практическую направленность, то здесь почти нет глубоких и пространных теоретических рассуждений. Теория видна в самой схеме интерпретации и размещения языкового материала. Из этого мы можем судить о концепции автора о частях речи и грамматических категориях.

Так, все слова бурятского языка А. Орлов делит на три группы: имена, глаголы и частицы, следуя концепции Алексея Бобровникова. В имена он включает существительные, прилагательные, числительные и местоимения, а в частицы – наречие, послеречие (современные послелогои), союз, междометие. Глаголы он делит на три разряда: наклонение, деепричастие и причастие. Таким образом, мы можем судить, что А. Орлов рассматривал деепричастия и причастия как особые самостоятельные разряды глагола, не объединяя их в неокончательные, как это сделал Алексей Бобровников, противопоставивший их окончательным (наклонению по Орлову).

А. Орлов выделяет в монголо-бурятском языке семь деепричастий:

- 1) слитное с окончанием =*н*;
- 2) соединительное с наращением слога =*джи* у селенгинцев и =*жи*, =*ши* у балаганцев;
- 3) разделительное с наращением =*ам*;
- 4) условное с наращением =*са*, =*сэ* в селенгинском наречии и =*һа*, =*һэ* в балаганском, иногда вместо них употребляется

окончание =бал, =бэл, =бала, =бэлэ, состоящие из формы будущего неопределенного времени =ба, =бэ с добавлением к ней буквы -л или слога =ла, =лэ;

5) уступительное с окончаниями =башиги, =бэшиги или =баши, =бэши;

6) современное с окончаниями =мса, =мсар в селенгинском наречии и =мъа, =мъага в балаганском;

7) совместное (по современной терминологии предельное) деепричастие с окончаниями =тара, =тэрэ, (=тар, =тэр), иногда =тала, =тэлэ.

А. Орлов не устанавливает значения деепричастий и ничего не говорит об их происхождении, ограничиваясь лишь приведением примеров на соответствующие деепричастия по разделам. Следует отметить, что выделение деепричастий и их названия у А. Орлова почти современные.

Хронологически следующей работой, в которой получил описание строй бурятского языка, является небольшой по объему труд И.А. Подгорбунского, изданный в 1910 г. в Иркутске. Здесь он много места уделяет звуковой стороне разговорного бурятского языка, хотя касается и грамматики. Из неличных форм у него больше разобраны деепричастия, которые он, как и Г.И. Рамstedт, делит на "фиктивные" и "нефиктивные". К первым он относит условное деепричастие на =бал и уступительное на =башье. Ко вторым – все остальные. И.А. Подгорбунский здесь не оригинален. Следуя за Г.И. Рамstedтом и М.А. Кастреном, он дал бурятские деепричастия по их схеме и даже повторил ошибки М.А. Кастрена.

Большим событием в изучении бурятского языка явилась в начале прошлого столетия работа А.Д. Руднева [1913-1914], посвященная описанию строя языка хоринских бурят. Хотя здесь он и не давал подробных теоретических рассуждений о грамматических формах, но провел много наблюдений над их речевым использованием, в чем большая ценность его работы. Мы не найдем у него объяснений классификации глагольных форм, например, группировки их на окончательные и неокончательные, истинные и неистинные. Он просто перечисляет их, указывая значения и функции, отсылая читателя к сравнительному материалу из литературы. Весь глагол он делит на различные формы и группирует по-своему, выделяя как самостоятельные –

формы повелительные, формы изъявительные, формы именные, помещая среди них причастия; формы деепричастные и особые глагольные формы и спряжения. В общих замечаниях по глаголу он делит все спряжение бурятского глагола на простое и сложное и помещает причастия и деепричастия среди сложных форм спряжения, где причастия и деепричастия представляют неизменяемые формы значимого глагола, к которым присоединяются спрягаемые вспомогательные глаголы. У деепричастий он выделяет тринадцать форм:

- 1) соединительное на =жи;
- 2) разделительное на =аат;
- 3) совместное на =тар (в современном понимании это деепричастие предела);
- 4) предварительное на =мса, =мукса, =мсаар;
- 5) положительное на =һаар;
- 6) одновременное на =аанда;
- 7) последовательное на =халаар;
- 8) слитное на =н;
- 9) заменное на =нхаар;
- 10) образа действия на =нгаа (в современном понимании это попутное деепричастие);
- 11) конечное на =хаар, =хаа (=хаяа) (в современном понимании это деепричастие цели);
- 12) возможности на =маар (в современном понимании это причастие возможности);
- 13) поспешности на =тгэ (в современном понимании это видовая форма моментальной однократности действия типа ялад гэбэ "блеснул").

Как видно из обзора форм, выделяемых А.Д. Рудневым, он в принципе верно определил и выделил основные деепричастные формы хоринского диалекта, которые устанавливает в нем и современное бурятское языкознание, воспринявшее и их названия почти без изменения. А.Д. Руднев допускает лишь небольшое количество неточностей, отнеся к деепричастиям причастие возможности и видовую форму. Но в целом можно отметить, что А.Д. Руднев оперирует уже почти полностью правильно выделенной и сформулированной схемой неличных форм бурятского глагола, происходящей из общемонгольской термино-

логии, которую монголоведение после грамматики И.Я. Шмидта постепенно пополняло и уточняло. Исследователи же бурятского разговорного языка использовали схему применительно к бурятскому материалу.

Из работ, посвященных современному бурятскому литературному языку, первой следует упомянуть "Граматику бурят-монгольского языка", написанную Н.Н. Поппе [1938]. Описывая строй нового литературного языка бурят, он дает в своей грамматике много сопоставительного материала из бурятских диалектов. Грамматика носит описательный характер, в ней мало теоретических рассуждений. Теоретические построения автора мы можем вывести сами, исходя из его схемы рассмотрения материала. Деепричастия он рассматривает в составе третьей группы форм, которые не могут самостоятельно функционировать в качестве сказуемого законченного предложения, поскольку они выражают лишь действия побочные, сопутствующие другому действию, выражаемому сказуемым главного предложения. Кстати, первая группа глагольных форм включает те формы, которые функционируют только как сказуемые законченного предложения (сейчас мы понимаем их как личные глагольные формы). Вторую группу составляют формы глагола, могущие быть любыми членами предложения (это причастия в нашем современном понимании).

Относительно деепричастий Н.Н. Поппе верно замечает, что они характеризуются неизменяемостью и могут принимать только суффиксы притяжания.

По синтаксическим функциям Н.Н. Поппе делит все деепричастные формы на две группы: группа, в которой деепричастия, сочетаясь с разными формами вспомогательного глагола *бай* (=, образуют составное сказуемое типа *ябажа байна* "идет", *ябаад байна* "ушел" и группа, к которой относятся деепричастия, не входящие в состав составного сказуемого и образующие второстепенные сказуемые, зависимые от главного.

Первую группу деепричастий он называет истинно-конвербиальной формой, а вторую – псевдоконвербиальной. Здесь Н.Н. Поппе тоже следует Г.И. Рамstedту.

В первую группу Н.Н. Поппе включает соединительное деепричастие на =*та*, разделительное на =*аад*, слитное на =*н*. Во вторую группу входят деепричастия:

- 1) условное на =бал, =аа хада, =аа һаа;
- 2) уступительное на =аашьяаг;
- 3) ограничительное на =тар;
- 4) конечное на =хаар;
- 5) форма последовательности на =халаар;
- 6) предварительное на =мсаар;
- 7) продолжительное на =һаар;
- 8) форма предпочтения на =нхаар;
- 9) попутное на =нгаа;
- 10) образа действия на =мгашаа;
- 11) форма одновременности на =танга;
- 12) моментальное на =д (татад гээ "чуть потянул");
- 13) форма возможности на =хуйсаа (ябахуйсаа "насколько можно идти");
- 14) форма почти совершившегося действия на =уутай (ба-рюутай ябана "идет, едва не схватив").

Как видим, Н.Н. Поппе выделяет в бурятском языке четырнадцать деепричастных форм, следуя в их назывании устоявшейся к тому времени в монголоведении традиции, установленной окончательно Г.И. Рамstedтом и А.Д. Рудневым. Он тоже отнес к деепричастиям видовую форму на =д и назвал целевое деепричастие конечным, а деепричастие предела — ограничительным. Кроме того, он ввел ряд спорных, никем, кроме Н.Н. Поппе, не выделяемых деепричастий, таких как форму одновременности на =танга, форму почти совершившегося действия на =уутай. Заменное деепричастие на =нхаар, которое было верно определено А.Д. Рудневым, он назвал формой предпочтения и наоборот, уточнил значение деепричастия на =нгаа, назвав его попутным, что у А.Д. Руднева неверно было отмечено как деепричастие образа действия. Н.Н. Поппе также не выделил как деепричастную форму на =аанда, названную А.Д. Рудневым одновременным деепричастием. Все это говорит о том, что система деепричастий бурятского языка к тому времени еще не была изучена окончательно, и при этом еще не все деепричастные формы были выявлены.

Несколько иное трактование неличных форм бурятского глагола, причастий и деепричастий, их классификации и речевых функций, мы находим у Г.Д. Санжеева в его работе, по-

священной проблеме синтаксиса бурятского языка, написанной им в 1938 г., но увидевшей свет лишь в 1940 г., в которой он дает более точную, кстати, принятую в современном монголоведении и бурятоведении классификацию неличных форм бурятского глагола. Несколько иначе по сравнению с предшественниками трактует Г.Д. Санжеев деепричастия, основное отличие которых от всех остальных глагольных форм он видит в том, что деепричастия не имеют категории времени и синтаксически выражают действие, являющееся обстоятельством других действий. При этом он делит все деепричастия бурятского языка на две группы: сопутствующие и обстоятельственные.

К слову сказать, это гораздо точнее отражало суть системы бурятских деепричастий и было новым в бурятском языкознании. Г.Д. Санжеев выделяет в бурятском языке девять деепричастий:

- 1) соединительное на =жа;
- 2) разделительное на =аад;
- 3) слитное на =н;
- 4) предельное на =тар;
- 5) последовательное на =халаар;
- 6) продолжительное на =һаар;
- 7) мгновенное на =д;
- 8) предварительное на =мсаар;
- 9) условное на =бал.

В группу сопутствующих он включает соединительное, слитное и разделительное деепричастия, во вторую – все остальные.

У деепричастий второй группы значения стабильные, точные. Эти деепричастия в основном однозначные. В предложении они обычно передают действия, являющиеся для последующего главного действия различными обстоятельствами: цели, условия, предела, образа действия и т.д. Деепричастия же первой группы многозначны, и в предложении их функциями являются возможность быть дополнением к другому глаголу, быть слитным сказуемым, сочиненным сказуемым, обстоятельством образа действия, выраженного в последующем глаголе.

Эту же трактовку состава деепричастий и их значения, а также речевых функций Г.Д. Санжеев повторяет и в своей

"Грамматике бурят-монгольского языка" [1941, с. 67-83], в которой он развил учение о причастных и деепричастных оборотах как о развернутых членах предложения, что тоже было новым взглядом.

Следующим хронологическим исследованием неличных форм бурятского глагола является кандидатская диссертация Д.Д. Амоголонова на тему "Деепричастие в бурят-монгольском языке", защищенная им в Иркутском госуниверситете в 1943 г. и изданная в виде одноименной монографии в 1948 г. в Улан-Удэ. В своей работе он по сути дела поддерживает концепцию Г.Д. Санжеева и рассматривает бурятские деепричастия и их речевые функции в рамках двух групп:

1) сопутствующие (или "истинные") деепричастия:

- а) соединительное на =жа;
- б) разделительное на =аад;
- в) слитное на =н;

2) обстоятельственные (или "неистинные") деепричастия:

- а) условное на =бал;
- б) предельное на =тар;
- в) последовательное на =халаар;
- г) продолжительное на =һаар;
- д) предварительное на =мсаар;
- е) уступительное на =аашье һаа, =башье һаа.

Кроме того, к деепричастиям Д.Д. Амоголонов относит также формы попутную на =нгаа и предпочтения на =нхаар, относительно статуса которых у монголоведов не было единого мнения. Всего, таким образом, Д.Д. Амоголонов выделяет в бурятском языке одиннадцать деепричастных форм.

Более детально Д.Д. Амоголонов представил свое понимание системы неличных форм бурятского глагола в работе "Современный бурятский язык", изданной им в Улан-Удэ в 1958 г. в качестве учебника для высших учебных заведений [1958, с. 189-190, 207-226]. Здесь он высказывает мнение, что бурятские глаголы представлены четырьмя морфологически различными формами: изъявительной, обращения, причастной и деепричастной. Первые две он объединяет в составе наклонения, а две остальные считает самостоятельными важнейшими формами глагола.

В то же время он пытается дать группировку этих форм по характеру словоизменения и получает три группы форм:

1) только спрягаемые, т.е. чисто глагольные формы (изъявительные формы и формы обращения);

2) спрягаемые и склоняемые, т.е. причастные формы, принимающие аффикс притяжания;

3) несклоняемые и неспрягаемые, т.е. деепричастные формы, не принимающие аффиксов притяжания.

Исходя из их семантических и морфологических признаков, эти три группы глагольных форм имеют различные речевые функции:

1) изъявительные формы и формы обращения выступают в законченном предложении только в качестве его сказуемого;

2) причастная форма выступает в предложении в качестве любого его члена;

3) деепричастная форма выступает в предложении в роли подчиненного компонента, обстоятельства и сказуемого сложного предложения и деепричастного оборота.

Деепричастие тоже представляет собой особую форму глагола и отличается от последнего своей неизменяемостью и отсутствием морфологических показателей, указывающих на время. Оно выражает только побочное, второстепенное действие, предшествующее или одновременное с главным, обозначенным глаголом-сказуемым. Д.Д. Амоголонов насчитывает в бурятском языке десять деепричастий, которые разделяет, как и в своей диссертации на сопутствующие (или "истинные") и обстоятельственные (или "неистинные") деепричастия.

К первым он относит:

1) соединительное на =жа;

2) разделительное на =аад;

3) слитное на =н.

Ко вторым:

1) условное на =бал;

2) предельное на =тар;

3) последовательное на =халаар;

4) продолжительное на =һаар;

5) предварительное на =мсаар;

6) заменное или форма предпочтения на =нхаар;

7) форма попутная на =нгаа.

Д.А. Алексеев посвятил деепричастиям бурятского языка специальную статью [1959], в которой, правда, он говорит лишь о синтаксических функциях оформления сказуемого в придаточных предложениях, выполняемых деепричастиями бурятского языка. Поэтому в своей статье он не дает классификации деепричастий, а просто приводит их. Д.А. Алексеев выделяет в бурятском языке следующие деепричастия:

- 1) соединительное на =жа;
- 2) разделительное на =аад;
- 3) условное на =бол, =хада, =һаа;
- 4) предварительное на =мсаар;
- 5) последовательное на =халаар;
- 6) продолжительное на =һаар;
- 7) предела на =тар;
- 8) одновременности на =аанда;
- 9) предпочтения на =нхаар.

Событием в бурятском и вообще в монгольском языкознании было издание в 1962 г. академической грамматики бурятского языка, где раздел "Глагол" писал Г.Д. Санжеев. В этой грамматике он представляет бурятский глагол по своей схеме, о которой он пишет следующее: "Глагол в современном бурятском языке составляет довольно богатую и сложную систему форм, по своим синтаксическим свойствам подводимых под следующие группы.

- 1) Окончательные, или предикативные формы:
 - а) повелительно-желательные;
 - б) изъявительные;
- 2) Неокончательные формы:
 - а) причастия;
 - б) деепричастия, в свою очередь делящиеся на сопутствующие и обстоятельственные" [1962, с. 157].

В бурятском языке Г.Д. Санжеев насчитывает тринадцать деепричастных форм:

- 1) соединительное на =жа;
- 2) разделительное на =аад;
- 3) слитное на =н;
- 4) условное на =бал;
- 5) предельное на =тар;

- 6) продолжительное на =һаар;
- 7) предварительное на =мсаар;
- 8) последовательное на =халаар;
- 9) заменное на =нхаар;
- 10) попутное на =нгаа;
- 11) образа действия на =мгашаа;
- 12) целевое на =хаяа;
- 13) степени действия на =хыса.

Здесь мы видим наиболее отработанный состав деепричастий бурятского языка, пополненный по сравнению с предыдущими работами, в том числе и самого Г.Д. Санжеева.

Хотя здесь он рассматривает деепричастия подряд, но в специальном разделе оговаривает их деление на сопутствующие и обстоятельственные, разбирая на функции.

В другой своей работе "Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол" [1963] Г.Д. Санжеев более подробно и обстоятельно рассматривает все формы глагола монгольских языков, в том числе причастные и деепричастные. В этом исследовании он анализирует порознь их состав и функции. Среди материала многих монгольских языков он анализирует и бурятский. Деепричастия он рассматривает в рамках этих двух групп: сопутствующие и обстоятельственные.

Схема неличных форм бурятского языка, разработанная Г.Д. Санжеевым, является, на наш взгляд, наиболее оптимальной, адекватно отражающей строй бурятского глагола.

В какой-то мере уточняет состав неличных форм бурятского глагола, дополняя его и предлагая новую их классификацию Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов в своей работе, посвященной аналитическим конструкциям в бурятском языке [1972]. Здесь он, классифицируя бурятские деепричастия, предлагает выделить следующие две группы: видовые и невидовые.

К первым он относит:

- 1) разделительное на =аад;
- 2) соединительное на =жа;
- 3) слитное на =н;
- 4) продолжительное на =һаар;
- 5) ограничительное на =д;
- 6) целевое на =хаа (=хаяа).

Ко вторым:

- 1) условное на =бал;
- 2) предварительное на =мсаар, =халаар;
- 3) предельное на =тар;
- 4) причинное на =хынхяа (=хынхияа);
- 5) попутное на =нгаа;
- 6) заменное на =нхаар;
- 7) образа действия на =мгашаа;
- 8) степени действия на =хыса.

Таким образом, Ц.-Ж. Цыдыпов в бурятском языке выделяет четырнадцать деепричастий [1972, с. 46].

Эту же в принципе схему деепричастных форм он дает в своем школьном учебнике "Буряад хэлэнэй морфологи" [1988], где он количество деепричастий дополняет окончательным на =д, поспешности на =уут [1988, с. 72-73].

Следует отметить, что Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов выдвинул оригинальный взгляд на природу бурятских деепричастий, не лишенный, впрочем, оснований. Считаем это направление разработки теории неличных форм бурятского глагола достаточно перспективным.

1.4. Состав и образование неличных форм глагола в современном литературном бурятском языке

В современном литературном бурятском языке к причастиям относятся слова, образованные от глагольной основы при помощи специальных суффиксов. Суффиксы, образующие причастия, имеют только фонетические варианты, выбор каковых зависит лишь от позиционно-комбинаторных фонетических условий.

Причастия бурятского языка, в отличие от русского, не имеют категорий рода, числа и падежа как любой атрибутив вообще; не имеют кратких форм и не знают ограничений при образовании, связанных с видом, залогом или переходностью глагола.

В бурятском языке нет такого тотального деления всех причастий, независимо от времени, на действительные или страдательные по активности или пассивности признака по действию, как это представлено в русском языке. Страдательное причастие,

да и то predetermined лексическим значением глагола, выделяется лишь в группе причастий прошедшего времени.

В бурятских причастиях специальными суффиксами выражается не только значение времени – настоящего, прошедшего и будущего, а также дополнительные модальные коннотативные значения.

Если в русском языке имеются лишь четыре причастия: два действительных и два страдательных, соотносящихся с настоящим и прошедшим временами, то в бурятском языке их насчитывается девять и группируются они по трем временам: настоящему, прошедшему и будущему.

В группу бурятских причастий настоящего времени включают постоянное, многократное, однократное и причастие возможности [Грамматика бурятского языка 1962, с. 279]. Хотя эти причастия и считаются причастиями настоящего времени, но это время по сути дела относительное настоящее, то есть оно является настоящим по отношению к какому-либо действию, происходившему в прошлом, например, я был слушающим, то есть я слушал и т.п. Кроме того, все эти причастия имеют еще и различные модальные и видовые коннотации. Образуются они при помощи специальных аффиксов. Рассмотрим их подробнее:

1. Постоянное причастие образуется посредством суффикса =ааша с фонетическими вариантами =оошо, =өөшэ, =ээшэ; =яаша, =еошо, =еэшэ; =гааша, =гоошо, =гөөшэ, =гээшэ. Например: *ябааша* «идуший», *ерээшэ* «приходящий», *үгөөшэ* «дающий», *баряаша* «держаший», *һуугааша* «сидящий», *түлэшэ* «зажигаший». Оно выражает действие, совершение которого является обычным, постоянным и легко осуществимым или доступным для какого-нибудь предмета» [То же, с.274].

2. Многократное причастие образуется суффиксом =даг с фонетическими вариантами =дог, =дэг, например: *ябадаг* «идуший, имеющий обыкновение идти», *ерэдэг* «приходящий, имеющий обыкновение приходить», *ородог* «входящий, имеющий обыкновение входить». Это причастие «... выражает действие, которое совершается каким-либо предметом часто или неоднократно в течение известного времени...» [То же, с. 275].

3. Однократное причастие образуется суффиксом =гша с фонетическими вариантами =гшо, =гшэ, например: *ябагша*

«идуший», *орогшо* «входящий», *мэдэгшэ* «знающий». Данное причастие «...выражает действие, совершение которого представляется обычным для какого-нибудь предмета в течение известного времени... По своему значению... напоминает постоянное и многократное причастия» [То же, с. 276].

4. Причастие возможности образуется при помощи суффикса =*маар* с фонетическими вариантами =*моор*, =*мээр*, например: *ябамаар* «возможно пойти», *оромоор* «возможно войти», «возможно пойдет (о дожде) », *ерэмээр* «возможно пойдет». Оно обозначает действие, совершение которого оказывается возможным, допустимым или необходимым» [То же, с. 277].

5. Причастие настояще-прошедшего времени образуется посредством суффикса =*аа* с фонетическими вариантами =*оо*, =*ээ*; =*еэ*, =*гаа*, =*гоо*, =*гөө*, =*гээ*, например: *ябаа* «пошел», *ерээ* «пришел», *байгаа* «был», *гүйгөө* «бежал». Это причастие «выражает действие, совершившееся до момента речи или непосредственно перед моментом речи» [То же, с. 268]. Хотя данная форма в бурятской речи употребляется главным образом в функции предикатива с указанием на прошедшее время (ср. напр.: *би ябааб* «я пошел», *ши ерээш* «ты пришел» и т.п.), но ее причастный характер продолжает ощущаться, о чем свидетельствует использование ее в качестве именной части в составе сложного сказуемого, например: *Нима дуулаа һэн* «Нима слышал», а также как атрибутива, например: *Тэрэнэйш ябаа бээнэ энэ юм* «Это и есть его сущность»

При этом в грамматике бурятского языка не полностью определены значения этого причастия, так как оно означает не только то, что действие совершилось до момента речи, но и то, что это действие не завершено, и как бы продолжается, начавшись. Поэтому *бодоошо хүн* – это человек, который встал, но и продолжает еще стоять. Об этом же свидетельствует пример, приведенный Ц.Б. Цыдендамбаевым относительно атрибутивного употребления этого причастия: *Мүнөө ябажа байгаа омнай юһэдугаар табан жэлэй эсэс гээшэ* «Текущий год является концом девятой пятилетки» [Цыдендамбаев, с. 131]. Такое значение и употребление этой формы дало нам повод включить ее в группу причастий настоящего времени.

В монголоведении нет единого определения и названия этой причастной формы. Может быть потому, что ее содержание колеблется в разных монгольских языках. Так, например, в калмыковедении ее называют «причастием настоящего времени» [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 235], и в грамматике калмыцкого языка о нем сказано буквально следующее: «Причастие настоящего времени на $=a$ ($=\text{э}$) выражает длительное действие... В сочетании с глаголами-связками указывает на продолжительность действия... В предикативной функции употребляется с предельным деепричастием и показывает, что действие началось до момента речи и продолжает осуществляться в момент речи...» [Там же].

Монгольское причастие на $=aa$ Б.Х.Тодаева называет причастием настоящего времени несовершенным и пишет о нем: «Причастие настоящего времени несовершенное выражает в монгольском такое действие, которое протекало в недавнем прошлом, но не было завершено и из-за своей незавершенности рассматривается как продолжавшееся в настоящем. Временной оттенок действия в силу этого здесь ясно не выражен» [1951, с. 138]. С. Галсан называет эту форму причастием настоящего времени и считает, что она обозначает продолжительность совершаемого действия [Галсан, с. 247]. З.К. Касьяненко определяет форму на $=aa$ как причастие прошедшего времени незаконченного вида [Касьяненко 2002, с. 103], Н.Н. Поппе называл это причастие несовершенным глагольным именем: «Имя несовершенное имеет отчасти значение русских причастий настоящего времени («делающий то-то и то-то») или прошедшего («делавший то-то и то-то», «делавший то-то и то-то и продолжающий это делать»). .. Примеры: *сууга* «сидящий» («севший и продолжающий сидеть»). .. [1932, с. 256].

Это причастие бытовало и в старописьменном монгольском языке, где оно оформлялось суффиксом $=гаа$ ($=гээ$). При этом Алексей Бобровников определял его как причастие прошедшее неоконченное, которое «...показывает, что следующее действие происходило во время продолжения действия, выражаемого причастием...» [1849, с. 137]. М.Н. Орловская пишет об этом причастии: «В монголоведении это причастие называется также причастием настоящего времени. Мы сохраняем термин, предложенный

в свое время Алексеем Бобровниковым» [1984, с. 131]. Данный же термин фактически сохраняет и Н.Н. Поппе, называя это причастие глагольным именем прошедшим несовершенным, которое «... выражает качество или абстрактное понятие действия, начавшегося в прошлом, но еще продолжающегося сейчас... *сагуугаа* «сидевший и еще сидящий» [1932, с. 175].

Таким образом, из приведенных данных достаточно, чтобы выявить двойственную семантику этого причастия, которая позволяет относить его то к причастиям настоящего, то прошедшего к основной коннотацией незавершенности.

В группу бурятских причастий прошедшего времени включают причастие прошедшего времени, причастие завершено-прошедшего времени и страдательное причастие. Рассмотрим подробнее их образование.

1. Причастие прошедшего времени образуется суффиксом =*һан* с фонетическими разновидностями =*һон*, =*һэн*, например: *ябаһан* «ушедший», *ороһон* «вошедший», *ерэһэн* «пришедший». Оно выражает действие, совершившееся до момента речи, т.е. в прошлом. В академической грамматике бурятского языка относительно этого причастия отмечается, что «... оно может выражать действие, которое должно совершиться после момента речи, т.е. в будущем, если оно управляется какой-либо глагольной формой будущего времени; но при этом такое действие все же оказывается прошедшим по отношению к действию, выраженному данной глагольной формой будущего времени...» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 269]. Это говорит об относительности времени данного причастия.

2. Причастие завершено-прошедшего времени образуется при помощи суффикса =*нхай* с вариантами =*нхой*, =*нхэй*, например: *ябанхай* «ушел», *оронхой* «вошел», *ерэнхэй* «пришел». Данное причастие «...выражает действие, завершившееся задолго до наступления момента речи, в прошлом...» [Там же, с. 270]. В бурятском языке причастия завершено-прошедшего времени, как и настояще-прошедшего, чаще всего употребляются предикативно, но иногда выступают и в роли определения: *шаранхай мяхан* «жареное мясо», *уранхай һун* «подгоревшее молоко».

3. Страдательное причастие образуется суффиксом =*аатай* с фонетическими вариантами =*тэй*, =*этэй*; =*яатай*, =*ёотой*,

=ээтэй; =гаатай, =гоотой, =гөөтэй, =гээтэй, например: *та-таатай* «протянутый», *бэлдээтэй* «приготовленный», *табьяатай* «поставленный», *няагаатай* «приклеенный». Оно «выражает действие, которому подвергается какой-нибудь предмет, чаще всего – неодушевленный».

К бурятским причастиям будущего времени относится одно причастие – причастие будущего времени, хотя в какой-то мере сюда подходит и причастие возможности, хотя бы какой-то частью своего значения.

Причастие будущего времени образуется суффиксом =ха с вариантами =хо, =хэ, например: *ябах* «имеющий идти», *орохо* «имеющий войти», *ерэхэ* «имеющий прийти» и т.п. Оно «...выражает действие, имеющее быть совершенным после момента речи... [То же, с. 271].

Деепричастия бурятского языка в принципе имеют те же категориальные признаки, что и русские, то есть как и другие глагольные формы сохраняют залог и вид, управление, валентность. Но только в русском языке деепричастия связаны с категорией времени, например: беря – взяв, сидя – сев, в бурятском же не связаны. Деепричастные формы бурятских глаголов лишены категории времени, отличаясь тем самым от русских деепричастий, и обозначают такие действия, которые сопровождают основное действие или же являются обстоятельствами при основных действиях. Однако следует отметить, что у некоторых бурятских деепричастий (напр.: разделительное на =гаад) можно выявить указание на временную соотнесенность главного и второстепенного действий. Например: *Доржо харанхы таһагта ороод* (возможны варианты: *орохолоороо*, *оромсоороо*), *лаамна аһааба* «Доржо, войдя в комнату, зажег лампу».

Кроме того, в отличие от русского языка, в котором всего два деепричастия, бурятский язык характеризуется гораздо большим многообразием деепричастных форм. Так, например, в академической грамматике бурятского языка на стр. 279 авторы выделяют в бурятском литературном языке тринадцать деепричастных форм, подразделяя их по отношению к основному действию на две группы: сопутствующие деепричастия и обстоятельственные деепричастия. Все бурятские деепричастия объединяются тем, что в предложении они не могут выступать в

качестве определений именных слов, быть подлежащим и выступать в роли финитных сказуемых. Они могут использоваться только как обстоятельственные слова и неконечные сказуемые, то есть сказуемые зависимых предикативных единиц.

К сопутствующим деепричастиям относятся следующие:

1. Соединительное деепричастие, образуемое от глагольной основы посредством суффикса =жа (=жо, =жэ), например: *буужа* «спускаясь» (от *буу*= «спускаться»); *ошожо* «пойдя» (от *ошо*= «пойти»); *ерэжэ* «приходя» (от *ерэ*= «приходить»). Оно обозначает «сопутствующее действие, которое либо поясняет, каким образом совершается основное действие, либо протекает параллельно с последним, в первом случае данное деепричастие в предложении и словосочетании оказывается обстоятельством образа действия, а во втором – несамостоятельным, незаклЮчи- тельным сказуемым» [То же, с. 282].

2. Разделительное деепричастие, образуемое от глагольной основы суффиксом =аад (=оод, =өөд, =ээд), если оно оканчивается на краткий гласный, кроме *и*, или =яад (=ёод, =еэд), если оно заканчивается на краткий *и*, а также =гаад (=гоод, =гөөд, =гээд), если глагольная основа оканчивается на дифтонг или долгий гласный, например: *ябаад* «пошедши» (от *яба*= «идти»), *ороод* «войдя, вошедши» (от *оро*= «войти»), *үгөөд* «дав» (от *үгэ*= «дать»), *ерээд* «придя, пришедши» (*ерэ*= «прийти»), *баряад* «державши» (от *бари*= «держать»), *болёод* «перестав» (от *боли*= «перестать»), *тулхеэд* «толкнув» (от *тулхи*= «толкнуть»), *хаагаад* «закрыв» (от *хаа*= «закрывать»), *нээгээд* «открыв» (от *нээ*= «открыть»). Данное деепричастие выражает действие, предшествующее по времени основному действию, действие, совершившееся в прошлом. Этим разделительное деепричастие в какой-то мере напоминает русское деепричастие совершенного вида, поэтому при переводе совершенно правомерно его употребление [Там же, с. 284-285].

3. Слитное деепричастие, образуемое от глагольной основы присоединением суффикса =н, например: *ябан* «идя», *орон* «входя», *ерэн* «приходя», *барин* «держа», *үгэн* «давая», *тулхин* «толкая», *хаан* «закрывающая», *нээн* «открывающая», *хүлээн* «ожидая» (от *хүлээ*= «ожидать»), *байн* «находясь» (от *бай*= «находиться», «быть»). Это деепричастие обозначает такое «действие, которое

сопровождает протекающее одновременно с ним основное действие, уточняя и поясняя, каким образом оно совершается. Поэтому данное деепричастие в предложении и словосочетании преимущественно употребляется в качестве обстоятельства образа действия, т.е. имеет более ограниченную сферу употребления в речи, чем соединительное и разделительное деепричастия» [Там же, с. 285]. По своему значению слитное деепричастие напоминает, как и соединительное, хотя, пожалуй, даже более, чем оно, русское деепричастие несовершенного вида.

Основная особенность сопутствующих деепричастий бурятского языка заключается в том, что они обозначают действия, которые сопровождают основные действия, либо будучи в той или иной степени параллельными с ними, либо с какой-нибудь стороны определяя и уточняя их, то есть как бы отвечая на вопрос, каким образом протекают эти действия. В первом случае сопутствующие деепричастия оказываются несамостоятельными, незаклительными сказуемыми предложений, в том числе и сочиненных, а во втором – обстоятельствами образа действия (тем самым напоминая собой деепричастия в русском языке).

К обстоятельственным деепричастиям относятся следующие:

1. Условное деепричастие, образуемое от глагольной основы посредством суффикса =*бал* (=бол, =бэл), например: *ябабал* «если пойдет», *ерэбэл* «если придет», *оробол* «если войдет», *үгэбэл* «если даст», хотя практически употребление этой формы ограничено. Обычно вместо нее используется аналитическая конструкция, в которой значимый глагол стоит в форме прошедшего времени на =*аа*, а служебную роль играет слово *һаа* «если» (называемое некоторыми послелогом), например: *ябаа һаа* «если пойдет», *ерээ һаа* «если придет», *ороо һаа* «если войдет», *үгөө һаа* «если даст». При этом как форма на =*бал*, так и форма на =*аа һаа* могут изменяться по лицам, если субъекты главного и зависимого действия разные, например: *ябабални*, *ябаа һаам* «если я пойду», *ерэбэлшни*, *ерээ һааши* «если ты придешь». По сути дела эту аналитическую конструкцию, спрягающуюся по лицам по образцу форм изъявительного наклонения (ср. напр.: *ерээб* «я пришел», *ерээш* «ты пришел» и т.п.) можно было бы признать показателем особого условного наклонения.

«Условное деепричастие выражает действие, которое, предшествуя во времени основному действию, оказывается условием или предпосылкой совершения последнего. Примеры: *Үүлэн хөөрэбэл, бороо болохо, үгэ хөөрэбэл, хэрүүл болохо* (погов.) «Если поднимутся облака, то будет дождь, если пойдут (горячие) разговоры, то начнется ссора»; *Минии ерэбэл (ерэбэлни), ши ябахаш* «Если я приду, то ты пойдешь»... [То же, с. 286-287].

2. Предельное деепричастие, образуемое от глагольной основы посредством суффикса =*тар* (=тор, =тэр), например: *ябатар* «пока не уйдет, до ухода», *ерэтэр* «пока не придет, до прихода», *оротор* «пока не войдет», *үгэтэр* «пока не даст». Данное деепричастие может принимать частицы личного притяжания, если у главного и зависимого действия разные субъекты. Лично-притяжательная форма может варьировать с иной конструкцией, в которой деепричастие не оформляется частицей личного притяжания, а слово, обозначающее субъекта этого действия, ставится в родительном падеже. Примеры: *ошотортнай* (или *танай ошотор*) «пока вы не отправитесь»; *ерэтэршни* (или *шинии ерэтэр*) «пока ты не придешь». Если оба действия совершает один и тот же субъект, то к суффиксу этого деепричастия присоединяется показатель безличного притяжания =*аа* (=оо, =өө, =ээ), например: *Эсэтэрээ, унатараа гүйэбэ* «Я бежал, пока не устал и не упал».

В «Грамматике бурятского языка» [с. 287] так определяется значение этого деепричастия: «Предельное деепричастие обозначает такое действие, до начала или завершения (т.е. в течение всего времени совершения) которого происходит другое, основное действие и которое поэтому очень часто оказывается пределом и степенью последнего».

3. Продолжительное деепричастие, образуемое от глагольной основы посредством присоединения к ней суффикса =*haar* (=hoop, =hөөр, =hээр), например: *ябаһаар* «все идя и идя», «с тех пор как ушел», *бороо ороһоор* (от *оро*= «идти – об осадках») *байна* «дождь все идет и идет», *түрэнһөөр* «с тех пор как родился» (от *түрэ*= «рождаться»), *бэшэнһээр* «все пишет и пишет», «с тех пор как написал» (от *бэшэ*= «писать»). Данное деепричастие может в бурятском языке принимать частицы как личного,

так и безличного притяжаний при тех же условиях, что и предыдущие деепричастия. Оно обозначает «действие, с момента или после завершения которого сразу же наступает другое действие или которое, при связке соответствующего времени, длительно продолжается» [То же, с. 288]. Примеры: *Харин Даржсай худалдааһаар лэ һууна* «Однако Даржай сидит все еще торгуя»; *Хүбүүн яба ябаһаар ябана* «А мальчик все идет и идет»; *Эрэмни мордоһоор гурбан жэл болоо* «С тех пор как уехал мой муж, прошло три года».

4. Предварительное деепричастие, образуемое от глагольной основы посредством суффикса =*мсаар* (=мсоор, =мсөөр, =мсээр), например: *ябамсаар* «как только ушел», *ерэмсээр* «как только пришел», *оромсоор* «как только вошел», *үгэмсөөр* «как только дал». Это деепричастие тоже может принимать частицы личного или безличного притяжаний, например: *ябамсааршни* «как только ты ушел», *орожо ерэмсээрээ* «как только он вошел». Данное деепричастие обозначает действие, после которого совершается другое действие [То же, с. 289]. У читателя совершенно закономерно может возникнуть вопрос, а чем собственно это деепричастие отличается от бурятского разделительного деепричастия на =*аад*, которое тоже обозначает действие, после которого совершается другое действие? И это будет справедливо. Суть же дела в том, что между главным действием и другим действием, которое совершилось до него и обозначено разделительным деепричастием, может пройти какой угодно по протяженности отрезок времени, но если это другое действие обозначено предварительным деепричастием, то при этом предполагается, что главное действие началось сразу же, как только завершилось это второе действие, то есть, сказать: *Доржо таһагта ороод лаамна аһааба*, то это не будет то же самое, если сказать: *Доржо таһагта оромсоороо лаамна аһааба*. В первом случае высказывание означает: «Войдя в комнату, Доржи зажег лампу» или «Доржи вошел в комнату и зажег лампу». Во втором случае передается ситуация, когда Доржи зажег лампу, как только он вошел в комнату, или же: едва Доржи вошел в комнату, как он тут же зажег лампу. Возьмем другие примеры: *Хүбүүн орожо ерэмсээрээ амар мэндэ хүргэбэ* «Мальчик, как только вошел, поздоровался»; *Эсэгэнь үүрэй саймсаар, үбһэ*

савшажа оробо «Как только забрезжил рассвет, его отец начал косить сено».

5. Последовательное деепричастие, образуемое суффиксом =*халаар* (=холоор, =хэлөөр, =хэлээр), присоединяемым к глагольной основе, например: *ябахалаар* «как только ушел», «едва ушел», *ерэхэлээр* «как только пришел», «едва пришел (то сразу...)», *орохолоор* «как только вошел», *үгэхэлөөр* «как только дал». Данное деепричастие тоже может принимать показатели личной и безличной принадлежности. Оно «обозначает такое действие, в момент завершения которого начинается другое действие» [Там же]. Своим значением это деепричастие напоминает предварительное, хотя разница в их значениях все же ощутима, о чем уже было сказано выше. Так, предварительное деепричастие употребляется в ситуации, когда нужно отметить, что одно действие завершилось и только потом началось другое, например: *һүни боломсоор хүн унтаба* «Как только наступила ночь, человек заснул». Последовательное же деепричастие употребляется тогда, когда нужно выразить несколько иную, хотя и близкую, ситуацию, при которой другое действие начинается в момент подхода к завершению первого действия, например: *Үдэшэ орой болохолоор голой эрьедэ эндэ тэндэ гал түүдэг аһаагдабад* «Как только стал наступать поздний вечер, на берегу реки там и сям зажглись костры».

6. Заменное деепричастие, образуемое от глагольной основы посредством суффикса =*нхаар*, которое не гармонирует с вокализмом основы ни по палатальному, ни по губному сингармонизму, например: *ябанхаар* «вместо того, чтобы идти», *ерэнхаар* «вместо того, чтобы придти», *оронхаар* «вместо того, чтобы войти», *бэшэнхаар* «вместо того, чтобы записать». Это деепричастие не употребляется с частицами (оронхаараа) притяжания. Оно обозначает «действие, совершение которого не признается желательным и вместо которого считается более желательным совершение основного действия». [То же, с. 290]. Примеры: *Бөөгэй муу гарта оронхаар, бидэшни холо нютаг ябаха болобобди* «Мы решили откочевать в далекие места, чтобы не попасть в дурные руки шамана»; *Бадмын тэнэг тэншүү хүбүүндэ ошонхаар, үхөөшэм дээрэ* «Лучше уж мне умереть, чем выйти замуж за глупого сына Бадмы».

7. Попутное деепричастие, которое образуется от глагольной основы путем присоединения к ней суффикса =нгаа (=нгоо, =нгөө, =нгээ) например: *ябангаа* «идя, во время ходьбы», *оронгоо* «входя», *ерэнгээ* «приходя», *үгэнгөө* «давая». Это деепричастие обозначает такое действие, которое совершается попутно с главным. [То же, с. 291]. Примеры: *Гэртээ бусангаа магазинда орохоб* «Возвращаясь домой, я найду в магазин»; *Доржо хойноһоонь гарангаа асууба* «Доржи, выходя вслед за ним, спросил».

8. Деепричастие образа действия, образуемое суффиксом =мгашаа (=мгошоо, =мгөшөө, =мгэшээ), присоединяемым к основе глагола, например: *баймгашаа* «стоя» (от *бай*= «стоять»), *ябамгашаа* «идя», *үгэмгэшээ* «давая», *бэшэмгэшээ* «пиша». В «Грамматике бурятского языка» поясняется, что это деепричастие является скорее деепричастием необычного действия. [Там же]. Пример: *Баймгашаа эдэлхэээ һанаа хүн гүш?* «Что ты за человек – хочешь есть стоя?»

9. Целевое деепричастие, образуемое от глагольной основы посредством суффикса =хаяа (=хоёо, =хэээ), например: *ябахаяа* «чтобы уйти», *ерэхэээ* «чтобы придти», *орохоёо* «чтобы войти», *үгэхэээ* «чтобы дать», *бэшэхэээ* «чтобы записать». Это деепричастие не принимает частиц личного и безличного притяжений. Оно обозначает действие, которое является целью совершения главного действия [Там же]. Примеры: *Бишни магазинда хэдэн шэнэ ном худалдажа абахаяа орооб* «Я вошел в магазин, чтобы купить несколько новых книг»; *Ахамни нюдоо аргалуулхаяа город ошобо* «Мой старший брат отправился в город лечить зубы».

10. Деепричастие степени действия, образуемое от глагольной основы при помощи суффиксов =хыса (=хысо, =хысэ) и =са (=со, =сэ), например: *хул татахыса* (от *тата*= «тащить, тянуть»), *хүдэлхэ* «двигаться (возможен переход «работать») пока тащишь ноги», *хэбтэхысэ хэбтэхэ* «лежмя лежать» (от *хэбтэ*= «лежать»); *гараса* «пока выходишь». Оно «обозначает крайнюю степень проявления какого-либо действия». [Там же].

Таким образом, в «Грамматике бурятского языка» приводится тринадцать деепричастий, хотя в действительности их в бурятском языке имеется гораздо больше. В специальной лите-

ратуре мы можем найти указания на их наличие. Так, Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов выделяет в качестве самостоятельного причинное деепричастие с показателем =хынхя (=хынхёо, =хынхеэ) и приводит в качестве примера выражение: *Ябахынхя театрта оруужабди* «Раз уж пошли, то зайдем и в театр» [1972, с. 39]. В другой его работе находим примеры: *Үглөөгүүр нютагаа бусахынхя мүнөөдэр театр ошоё* «Раз уж завтра возвращаемся к себе на родину, давай сегодня сходим в театр»; *Намар аспирантурада орохынхёо мүнөө зундаа хайса амараад, намар тээшэ оролтын шалгалтада бэлдэе* «Раз уж в аспирантуру буду поступать осенью, то сейчас летом хорошенько отдохну, а ближе к осени буду-ка готовиться к вступительным экзаменам» [То же, с. 78].

Кроме того, Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов вслед за Г.Д. Санжеевым [1963, с. 163] наряду с целевым деепричастием на =хаяя выделяет еще форму целевого деепричастия на =хаа [1988, с. 76-77; 1972, с. 39, 41, 46], например: *амархаа хэбтэбэ* «лег отдохнуть». К целевым деепричастиям Г.Д. Санжеев [То же, с. 249], а также Т.А. Бертагаев [1968, с. 27] относят и форму на =хаар, например: *ябаххаар* «чтобы идти», *харахаар* «чтобы увидеть».

Далее. В составе деепричастий Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов выделяет еще ограничительное деепричастие на =д [То же, с. 76; 1972, с. 41, 46], употребляемое в рамках аналитической конструкции с глаголом *гэхэ* «говорить, издавать звук», например: *Маанадайнгаа тамхи татаха зуура тэрэ нүхэрнай унтад гэбэ* «Пока мы курили, тот наш друг немного поспал»; *һүниин харанхыда төөрөэд, Дугарнай һүхирэд гэбэ* «Заблудившись в ночной темноте, наш Дугар немного покричал». Г.Д. Санжеев называл эту форму на =д «мгновенным деепричастием», в то же время как в «Грамматике бурятского языка» она отнесена им к видовым формам и названа ослабленным видом. Сказано о ней буквально следующее: «В бурятском языке очень распространена особая, аналитическая форма ослабленного вида, передающая действие, которое совершается не полностью, не до конца, но все же в достаточной степени, очень часто с оттенком многократности. Образуется эта форма посредством суффикса =д и употребляется только в сочетании с глаголом *гэ=* «говорить», который в этом случае выполняет лишь грамматическую функцию» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 190]. Примеры там же даны сле-

дующие: *ябад гэ* = «слегка пойти», «как бы шагнуть и остановиться»; *үргэд гэ* = «приподнять» (от *үргэ* = «поднимать»). Поскольку статус этой формы довольно спорен и данный вопрос требует дополнительной проработки, сейчас мы воздержимся включать форму на =д в состав бурятских деепричастий.

Более определен статус у формы =*нгүй*, которую В.М. Надеяев в своих лекциях, читанных в 70-е годы прошлого столетия в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР в г. Новосибирске аспирантам, относил к деепричастиям и называл ее отрицательным деепричастием, например: *ябангүй* «не идя», *ерэнгүй* «не приходя», *оронгүй* «не входя», *бэшэнгүй* «не записывая» и т.п. Г.Д. Санжеев тоже видел эту форму в составе деепричастий и писал о ней буквально следующее: «...Слитное деепричастие в монгольских языках является единственной деепричастной формой, которая может употребляться со словом отрицания *үгэй*, не теряя своего конвербиального свойства, чего нельзя сказать относительно разделительного деепричастия, применяемого в калмыцком языке как бы вместо причастной формы на =а с этим уга. Правда, в своей отрицательной форме слитное деепричастие меняет свой конечный согласный =н на =л во всех монгольских языках, кроме бурятского» [Санжеев 1963, с. 238-239]. Поддерживает включение формы на =*нгүй* в состав деепричастий как особого «отрицательного деепричастия» и Е.К. Скрибник [1988, с. 140].

Нам кажется, что в состав бурятских деепричастий следует включить уступительное деепричастие с суффиксом =*башье* (=бошье, =бэшье), которое бытует в бурятском языке, ср. например: *ерэбэшье* «хотя и пришел», *болобошье* «хотя и будет», *ябабашье* «хотя и ушел». Однако Г.Д. Санжеев категорически отрицал это, утверждая следующее: «Как уже говорилось, уступительное деепричастие совершенно не встречается в бурятском языке и очень редко применяется в халхаском и ойратском диалектах, в которых оно соответственно заменяется оборотами с частицами *чиг*, =шье, *чигн* или *бийнь...*» [1963, с. 242]. В то же время форму на =*башье* как форму самостоятельного уступительного деепричастия предлагал выделить Д.Д. Амоголонов [1948, с. 40]. Выделял его и В.М. Надеяев. Самостоятельным деепричастием считает эту форму и Е.К. Скрибник [Там же].

Т.А. Бертагаев тоже выделял уступительное деепричастие, но с суффиксом =аашьһа: хараашьһа «хотя увидел» [1968, с. 27]. Здесь Т.А. Бертагаев представил в виде единого суффикса аналитическую форму по сути дела условного наклонения =аа һаа, о которой упоминалось нами выше и которая в бурятском языке спрягается, например: *ябаа һаам* «если я пойду», *ябаа һааш* «если ты пойдешь» и т.д., употребленную в данном случае с уступительной частицей =шье: =аашье һаа. При этом и оговоренная форма спрягается, принимая личные окончания, например: *ябаашье һаам* «хоть я и пойду», *ябаашье һааш* «хоть ты и пойдешь» и т.д., представляя фактически показатель уступительного наклонения.

Следует отметить, что Т.А. Бертагаев, а вслед за ним и Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов предлагают не разделять предварительное на =мсаар и последовательное на =халаар деепричастия, а рассматривать их как варианты форм одного и того же деепричастия, которые они называют предварительными. Поскольку же вопрос этот спорный и требует дополнительной проработки, мы придерживаемся традиционного взгляда на эти деепричастия как на самостоятельные, тем более что выше мы приводим доводы, свидетельствующие об этом.

Нужно сказать также, что в бурятоведческой литературе есть попытки выделить еще как самостоятельные деепричастия формы на =ууд, =уутай, =аанда, =гандаа, =нтараа, =һнаа. Однако, в связи с тем, что статус этих форм не определен и многими бурятоведами и монголоведами эти формы не признаются за деепричастные, здесь мы их пока не будем рассматривать и включать в состав деепричастий.

Всего же в современном бурятском литературном языке, по нашему мнению, с учетом разработок ведущих монголоведов и бурятоведов, статус самостоятельного деепричастия имеют шестнадцать форм:

1. Сопутствующие деепричастия: 1) соединительное (=жа), 2) слитное (=и), 3) разделительное (=аад), 4) отрицательное (=нгуй);

2. Обстоятельственные: 5) условное (=бал), 6) уступительное (=башье), 7) предельное (=тар), 8) предварительное (=мсаар), 9) последовательное (=халаар), 10) продолжитель-

ное (=haap), 11) заменное (=hxaap), 12) попутное (=hгаа), 13) целевое (=хаяа, =хаа, =хаар), 14) образа действия (=мгашаа), 15) степени действия (=хыса), 16) причинное (=хынхяа).

1.5. Сложение системы причастий в монгольских языках

В монгольских языках глагол, как известно, имеет две основные формы своего существования – личные и неличные формы. Личные формы, их еще называют окончательными, финитными, соотносятся с лицом, субъектом действия и выступают в предложении в качестве сказуемого. В монгольских языках в их число входят формы различных наклонений. К неличным формам, называемым еще неокончательными, инфинитными, относятся формы причастий и деепричастий. Они непосредственно не соотносятся с лицом действия и не могут выступать в качестве форм сказуемого. Оформляя второстепенные, зависимые от главного действия, они позволяют глаголу иметь связь как с именами, так и с наречиями. При этом причастные формы характеризуют, определяют лицо или предмет (в широком понимании смысла этого слова) по действию, которое это лицо или предмет совершает, совершал или будет совершать), либо по действию, которое кто-то другой совершает по отношению к данному лицу или предмету. Ср., например, в монгольском языке *унасан чулуу* «упавший камень», но *миний шидсэн чулуу* «мною брошенный камень». Поэтому причастие в какой-то мере по функции совпадает с прилагательным. Различие между ними лишь в том, что прилагательное определяет предмет по внешним признакам и по внутренним свойствам, качествам, а причастие определяет по действию, выражая так называемое процессное определение. Поскольку же действие связано с категорией времени, то и причастные формы выражают эту категорию. Кроме того, поскольку в основах глаголов монгольских языков находят свое выражение залого и виды, формы способа действия, переходность и непереходность, явность и пассивность, то они сохраняются и в неличных формах.

Деепричастие характеризует другое действие через действие. При этом другое действие может либо сопровождать ос-

новное действие, либо выражать различные обстоятельства совершения иного действия, связанные с другим, второстепенным действием. В этой своей функции деепричастие соотносится с наречием, сохраняя в то же время все глагольные признаки.

Роль неличных форм в монгольских языках более разнообразна и значительна, нежели в русском языке. На этих формах, например, построен весь синтаксис монгольских языков. Ввиду их большой важности необходимо глубже и подробнее вникнуть не только в их грамматическую сущность и их синтаксические функции, но и проследить, как складывались в монгольских языках сами системы этих форм, а также то, как формировалось в монголоведении понимание сущности и специфики, статус данных форм, какую эволюцию в истории монголоведения претерпело это понимание.

Рассмотрим вначале историю понимания сути причастных форм в монголоведении, то, как складывалось трактование системы этих форм.

И.Я. Шмидт в своей первой в истории монголоведения научной грамматике монгольского языка не делит глагольные формы на личные и неличные [1831, S. 54-67]. Он включает причастие, деепричастие, а также выделяемый им инфинитив в состав наклонений, которых насчитывает в монгольском глаголе восемь, кроме этих трех указанных, еще пять — индикатив (изъявительное), кондиционалис (условное), потенциалис или оптатив (возможное или желательное), прекатив (просительное) и императив (повелительное). При этом к причастиям он относит только две формы: причастие настоящего времени на *-гчи* (*ябугчи* «идуший», *хамуг-и даругчи* «всепобеждающий») и причастие прошедшего времени на *-гсан* (*абугсан* «получивший», *ирэгсэн* «пришедший»). И.Я. Шмидт находит в монгольском языке еще учащательную форму (фреквентатив) на *-даг*, которую он помещает в индикативе и называет 2-м презенсом (*би аха-ача мөнгү абдаг* «я обычно беру деньги у брата»; *сөнидүр умтадаг* «ночью обычно спят»). Формы причастия и фреквентатива на *-даг* склоняются. Таким образом, И.Я. Шмидт находил в монгольском языке только два причастия. Примечательно, что он помещал их в составе наклонений, не заметив при

этом причастной сущности формы на *-даг*. Кроме того, следуя традиции европейских ученых он выделил в монгольском языке инфинитив и отнес к нему форму на *-ху*, понимаемую сейчас как причастную будущего времени. Видимо именно от И.Я. Шмидта идет в монголоведении традиция считать монгольскую форму на *-ху* инфинитивом и так подавать ее в словарях и грамматиках.

Александр Бобровников [1835, с. 73-76], издавший свою грамматику монгольского языка лишь на четыре года позже грамматики И.Я. Шмидта, посвятил причастиям и деепричастиям специальную главу. По его мнению, «...причастие есть имя прилагательное, заключающее в себе силу глагола». В отличие от И.Я. Шмидта Александр Бобровников более точно определил в своем понимании природу причастий монгольского языка, выделив среди них три времени: настоящее (на *-гчи*), прошедшее (на *-гсан*) и будущее (на *-ху*), а также два числа: единственное и множественное (*-гчид*, *-гсад*, *-ху нугуд*) Например: *агчи* «сущий» – *агчид* «сущие», *хайагсан* «бросавший» – *хайагсад* «бросившие», *аху* «имеющий быть» – *аху нугуд* «имеющие быть». Кроме того, он выделяет у причастий многократный вид, образуемый окончанием *-даг* (ср. у Шмидта 2-й презенс индикатива на *-даг*), не выражающий при этом ни времени, ни числа, например: *хайадаг* «бросающий (многократно)», *эргүдэг* «возносящий (многократно)».

Очень существенно и, кстати, весьма современно звучат его замечания о природе монгольских причастий:

«§ 74. Причастия, вообще относятся к двум состояниям: к склоняемому и спрягаемому. 1. В склоняемом состоянии они употребляются как имена прилагательные, т. е. заимствуют числа и падежи от своих существительных, следующих за ними, например: *бичигсэн шиби-йи* «писавшего ученика», *бичигсэн шабинартур* «писавшим ученикам». Но когда принимаются они вместо имен существительных, или когда оные подразумеваются, тогда склоняются по примерам имен существительных (ср. современное понимание субстантивации причастий). 2. В спрягаемом состоянии они заменяют глагол, когда бывают полагаемы после своих существительных. или местоимений в единственном числе и когда принимают после себя вспомогательные глаголы и другие частицы, например: *тэрэ бичигчи* «он пишет»,

тэрэ ирэдэг бүлүгэ «он прихаживал», мину ирэгсэн-дур «когда я пришел».

§ 75. Формы или залого причастий суть те же, какие исчислены при рассмотрении глаголов, например: *абугчи «берущий», абхулугчи «понуждающий братъ», абтагчи «взимаемый», абулчагчи «вместе берущий», абчагагчи «побирающий».*

§ 76. Особенно при причастиях в склоняемом состоянии примечать должно:

1) причастия, происходящие от глаголов, действительными остаются без всякой перемены в залогах действительном и страдательном:

а) действительными они бывают тогда, когда стоят перед именем действующего предмета, например: *хайагсан хүбэгүн «бросивший мальчик», төрүгсэн эхэ «родившая мать», бичигсэн шаби «писавший ученик»;*

б) страдательными они бывают тогда, когда предшествуют имени того предмета, на который обращается действие, например: *хайагсан чилагун «брошенный камень», төрүгсэн хэүхэн «рожденное дитя», бичигсэн чагасу «писанная бумага».*

2) Когда страдательным причастием без существительного имени выражается целый род предметов, тогда оно имеет следующее окончание: *үджэгдэхүн «видимое», хэрэглэгдэхүн «употребляемое» [Там же].*

Совершенно иначе рассматривал неличные формы монгольского глагола Алексей Бобровников, который разделил спрягаемые формы глагола на простые и сложные, а простые, в свою очередь, на окончательные и неокончательные. При этом окончательные формы употребляются в конце периода или предложения (ср. современное название «финитные формы», «личные формы»), а неокончательные (ср. современное их название «инфинитные формы», «неличные формы») «... могут употребляться только в середине периода или предложения. В окончательных формах полагаются глаголы, управляющие периодом или предложением, а в формах неокончательных полагаются глаголы или служащие к дополнению смысла окончательного глагола, излагающие, например, обстоятельства главного действия условия, причины, цель и тому подобное, или определяющие (в качестве русских вводных предложений с ме-

стоимением которой) понятия, заключающиеся в предложении» [То же, с. 129-130].

О делении неокончателных форм он пишет: «Формы неокончателные двух родов: одни из них показывают отношение действия к действующему субъекту – причастия, другие показывают отношение действий между собой – деепричастия» [То же, с. 135]. Здесь мы видим в принципе современное понимание природы неличных форм, в том числе и причастий.

Алексей Бобровников разделяет причастия по выражению в них категории времени на причастия настоящие, прошедшие и будущие. Всего он выделяет в монгольском языке семь причастий:

1) настоящее однократное, образуемое через наращение -гчи: *йабугчи* «ходящий», *ирэгчи* «приходящий»;

2) настоящее многократное, образуемое наращением -даг, -дэг: *йабудаг* «ходящий, имеющий обыкновение ходить», *ирэдэг* «приходящий, имеющий обыкновение приходить»;

3) прошедшее оконченное, образуемое посредством -гсан, -гсэн: *олугсан* «нашедший», *ирэгсэн* «пришедший»;

4) прошедшее неоконченное, образуемое посредством -га, -гэ: *абуга* «взявший», *ирэгэ* «пришедший»;

5) давнопрошедшее, образуемое через наращение -гасан, -гэсэн: *абугасан* «когда-то взявший», *ирэгэсэн* «когда-то пришедший»;

6) причастие неопределенное или будущее, образуемое посредством наращения -ху, -хү (-хун, -хүн) : *олху* «имеющий найти, могущий найти», *ирэхү* «имеющий прийти»;

7) причастие на -ма, -мэ или -м, употребляемое только при описании величины и расстояния предметов, например: *годоли харбум гаджар-а* «на расстоянии выстрела стрелой» [Там же, с. 136-139]. Если мы сравним, как рассматривали причастные формы И.Я. Шмидт и Александр и Алексей Бобровниковы, то увидим, что за те восемнадцать лет, что прошли с момента выхода грамматики Шмидта до грамматики Алексея Бобровникова, произошла быстрая эволюция взглядов монголоведов на природу и состав причастий. Взгляды Алексея Бобровникова точнее отражают природу монгольских причастий и стоят близко к современным.

В какой-то мере близки по эпохе к разобранным выше работам и исследования по грамматике монгольского языка Вл.Л. Котвича [1902], Г. И. Рамstedта [1903] и А. Д. Руднева [1905], изданные на рубеже веков.

Так, Вл.Л. Котвич в своей работе [1902, с. 100-102, 108-118] вслед за Алексеем Бобровниковым делит формы монгольских глаголов на две группы: 1) формы, употребляющиеся в главных или самостоятельных предложениях, и 2) формы, употреблявшиеся в придаточных предложениях. Первые он называет окончательными, отнеся к ним формы побудительные, описательные и повествовательные (что соответствует современному членению этих форм на повелительно-желательные и изъявительные), вторые – неокончательными, разделяя их на причастия и деепричастия. При этом причастия, по его мнению, это формы глагола, показывающие отношение действия к предмету, а деепричастия – формы, которые выражают отношение одного (второстепенного) действия к другому (главному). Причастия он подразделяет по их отношению ко времени на три группы и включает в их состав следующие:

1. Причастия настоящего времени:

а) однократные с окончанием на *-кчи* (*ирэ́кчи* «приходящий в данную минуту»);

б) многократные, оканчивающиеся на *-дак*, *-дэк* (*ирэ́дэг* «обыкновенно приходящий, имеющий обыкновение приходить»).

2. Причастия прошедшего времени:

а) оконченные, выражающие действие, закончившееся к моменту наступления главного действия; оно образуется через наращение *-ксан*, *-ксэн* (*ирэ́ксэн* «пришедший»);

б) неоконченные, означающие действие, совершающееся, но не закончившееся до наступления главного действия; образуется посредством присоединения *-га*, *-гэ* (*ирэ́гэ* «приходивший»); это причастие чаще всего употребляется с отрицанием *эдүй* или *үгэй* (*ирэ́гэ эдүй*, *ирэ́гэ үгэй* «еще не пришедший»).

3. Причастие будущего времени, оканчивающееся на *-ху*, *-хү* (*ирэ́хү* «имеющий прийти, могущий прийти»).

Кроме того, он считает возможным отнести к причастиям будущего или настоящего времени глагольную форму на *-ма*, *-*

мэ или -м, служащую для описания величины или расстояния до предметов, например: *харбум* (от *харбуху*) «находящийся на расстоянии выстрела».

Г.И. Рамстедт в своей работе [1903], посвященной спряжению халха-монгольского глагола, немало места отводит описанию системы причастий. При этом все глагольные формы он делит на три группы [То же, S. 3]:

1) настоящие глагольные формы или финитные формы, выступающие только как предикативы, занимая заключительное место в высказывании;

2) глагольные имена, которые в предложении могут быть как предикативами, так и любым другим его членом, а также могут образовывать различные именные определительные сочетания;

3) конвербы, которые могут только определять предикат и никогда не выступают в роли конечного предиката предложения.

К глагольным именам Г.И. Рамстедт относил [1903, S. 25-43]:

- 1) имперфектное имя на *-аа* (*-гаа*);
- 2) перфектное имя на *-сан*;
- 3) глагольное имя футурума на *-х*;
- 4) глагольное имя обычного действия на *-дак*;
- 5) глагольное описательное имя на *-м*, *-ма*;
- 6) глагольное имя возможности действия на *-маар*;
- 7) глагольное имя результата действия на *-мал*;
- 8) глагольное имя желания действия на *-мхай*;
- 9) глагольное имя возможности действия на *-ууш*, *-ш*;
- 10) глагольное имя действия на *-л*;
- 11) глагольное имя исполнителя действия на *-ч*, *-аач*.

Таким образом, Г.И. Рамстедт дает несколько иную схему системы неличных форм монгольского глагола, чем это делает и Вл.Л. Котвич. Схема Котвича стоит ближе к современному понятию сути неличных форм и более адекватно их отражает.

А.Д. Руднев [1905, с. 38-53] делит все глагольные формы тоже на три группы: 1) чисто глагольные формы; 2) именные формы глагола (причастия); 3) конвербиальные формы глагола (деепричастия, отглагольные наречия). Здесь Руднев в принци-

не следует за Рамstedтом, который разделил все глагольные формы халха-монгольского языка на три подобных разряда. Но все же, отдавая дань сложившейся к тому времени монголоведной традиции, Руднев называет первый из этих разрядов окончательными глагольными формами (у Рамstedта это настоящие глагольные формы), как мы в общем видим это у Котвича, а два вторых — неокончательными формами. Как и Рамstedт, Руднев считает причастия именными формами глагола и, следуя традиции, распределяет их по отношению к категории времени на три группы: настоящего, прошедшего и будущего времени. При этом в составе причастных форм настоящего времени он, опять-таки по монголоведной традиции того времени, выделяет однократную форму с суффиксом *-кчи* (*идэкчи* «едящий») и многократную форму с суффиксом *-дак*, *-дэк* (*идэдэк* «обыкновенно, постоянно едящий»). Причастия прошедшего времени он делит на форму совершенную с суффиксом *-ксан*, *-ксэн* (*босоксан* «вставший») и несовершенную с суффиксом *-га*, *-гэ* (*босога* «вставший», *босог-а эдүй* «еще не вставший»). Причастие будущего времени имеет суффиксы *-ху*, *хү*, *-хун*, *-хүн*. Руднев выделяет в составе этого причастия как самостоятельную форму с окончанием *-кдаху*, *-кдэхү*, называя ее должностной, что не совсем правомерно, ибо в это окончание включен страдательный залог на *-кда*, *-кдэ*. Кроме того, он причисляет к причастиям форму настоящего времени изъявительного наклонения с суффиксом *-м* (иногда — *ма*, *-мэ*), которая, по его мнению, имеет значение причастия настоящего или будущего времени. Их стали осознавать как особые неокончательные (т. е. инфинитные, неличные) формы, которые не могут выступать сами по себе в роли предиката, противопоставляемые окончательным (т. е. финитным, личным) формам глагола, могущим быть предикатами в главном предложении. Верно была подмечена и связь причастий с именами прилагательными. В работах Котвича и Руднева мы находим уже более или менее определенный состав причастных форм, выявленные их значения, синтаксические функции и устоявшиеся названия, многие из которых в общем приняты и современным монголоведением.

Г.И. Рамstedт в своей работе [1957] предлагает схему причастных форм, которые впоследствии не были признаны мон-

головедами как причастные, статус некоторых не определен окончательно и поныне. К первым можно отнести формы на *-мал*, *-л*, *-мхай*, ко вторым – формы на *-м/-ма*, *-ууш*, *-ш*.

Н.Н. Поппе в своей «Грамматике письменно-монгольского языка» [1937] полностью повторяет схему, предложенную Г.И. Рамstedтом, не внося уже ничего нового.

Рассмотрим теперь, как трактовали монголоеды неличные формы бурятского языка.

Первой научной грамматикой бурятского языка является труд М.А. Кастрена [1857], который в общем повторяет схему монгольской грамматики И.Я. Шмидта. Поэтому причастия были отнесены к наклонениям, связанным со временем.

Преподаватель монгольского языка Иркутской Духовной семинарии А. Орлов в своей «Грамматике монголо-бурятского разговорного языка» [1878] дает разные варианты одних и тех форм: одни для селенгинского «наречия» (по терминологии Орлова), в которое он включает язык селенгинских *с-акающих* бурят, другие для балаганского, к которому он относит *н-акающие* языки хоринских, баргузинских, кударинских, тункинских, аларских, идинских, кудинских, ленских, верхоленских и ольхонских бурят. Поскольку эта работа имела практическую направленность, то здесь почти нет глубоких теоретических рассуждений. Теория видна в самой схеме интерпретации и размещения языкового материала. Из этого мы можем судить о концепции автора о частях речи и грамматических категориях.

Так, все слова бурятского языка А. Орлов делит на три группы [1878, с. 17-115]: имена, глаголы и частицы, следуя концепции Алексея Бобровникова. Глаголы он делит [Там же, с. 62] на три разряда: наклонение, деепричастие и причастие. Причастия он делит по времени на три группы [Там же, с. 69-70]: настоящее, прошедшее будущее. При этом в состав причастий настоящего времени включал обыкновенное или однократное на *-ши*, *-ааши*, *-гааши*, многократное на *-дак*, *-дэк*, в состав прошедшего – оконченное *-сан*, *-сэн// -хан*, *-һэн* и неоконченное на *-аа*, *-ээ*, *-гаа*, *-гээ*; к будущему причастию отнес причастие на *-ху*, *-хо*, *-хы*.

Большим событием в изучении бурятского языка явилась в начале нынешнего века работа А.Д. Руднева [1913-1914], посвя-

ценная описанию строя языка хоринских бурят. Хотя здесь он и не давал подробных теоретических рассуждений о грамматических формах, но провел много наблюдений над их речевым использованием, в чем большая ценность его работы. Мы не найдем у объяснений классификации глагольных форм, например группировки их на окончательные и неокончательные, истинные и неистинные. Он просто перечисляет их, указывая при этом их значения и функции, отсылая читателя к сравнительному материалу и литературе. Весь глагол он делит на различные формы и группирует по-своему, выделяя как самостоятельные формы повелительные и изъявительные, формы именные, помещая среди них причастия, формы деепричастные и особые глагольные формы спряжения. В общих замечаниях по глаголу он делит все спряжение бурятского языка на простое и сложное и помещает причастия среди сложных форм спряжения, в которых причастия представляют неизменяемые формы значимого глагола, к которым присоединяются спрягаемые вспомогательные глаголы.

Помещая причастия среди именных форм глагола, Руднев выделяет среди них пять причастных форм: две формы причастия настоящего времени – многократное на *-дак* и однократное на *-кши* и *-ааши*; два причастия прошедшего времени – совершенное на *-хан* и несовершенное на *-аа*; одно причастие будущего времени на *-ха*. Как видно из обзора форм, выделяемых А.Д. Рудневым, он в принципе верно определил и выделил основные причастные формы хоринского диалекта, которые устанавливает в нем и современное бурятское языкознание, воспринявшее их названия почти без изменения. Руднев допускает лишь небольшое количество неточностей, отнеся к деепричастиям причастие возможности и видовую форму.

Несколько иное трактование сущности причастий и их классификацию, оказавших решающее влияние на современное бурятоведение, находим у Г.Д. Санжеева. Так, в своей работе, посвященной синтаксису бурятского языка, написанной им в 1938 г., но увидевшей свет лишь в 1940 г., он дает более точную, кстати, принятую в современном монголоведении и бурятоведении классификацию неличных форм бурятского глагола [1940, с. 98-99]. Эту же трактовку причастий, их состава, значений и речевых функций, уточненную и подробнее разрабо-

танную, Г. Д. Санжеев повторяет в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» [Там же, с. 67-83]. О причастиях бурятского языка он пишет буквально следующее: «Причастия представляют собою глагольные «имена», выражающие в различных позициях либо процессы, либо процессный атрибут, либо выполнителя действия. Это есть основное отличие причастий от всех остальных глагольных форм. В соответствии с изложенным причастие может быть сказуемым, определением, дополнением или подлежащим. Морфологической особенностью причастий является то, что они могут склоняться по падежам и числам, чего нельзя сказать в отношении остальных глагольных форм. Причастия по своему содержанию делятся на временные и невременные. К временным причастиям относятся прошедшее – *ябаһан* «пошедший», будущее – *ябаха* «который пойдет» и настоящее-прошедшее – *ябаа* «ушедший». К невременным относятся: многократное причастие – *ябадаг* «ходящий» однократное – *ябагша* «ходящий». К последним близки такие глагольные качественные имена, как образованные при помощи форм *мал*, *маар*, *нхай* и т.п.: *зурамал* «исписанный», *ябамаар* «возможный для проезда» (о дороге), *эсэнхэй* «усталый», *ханхинама* «трескучий» (о морозе) и т.д. Последние формы некоторыми авторами относятся то к деепричастиям, то к причастиям или к *nomina verbalia* (глагольные имена) вообще. Так, А.Д. Руднев формы на *-нама* и *-маар* относит к деепричастиям, Г.И. Рамстедт же к *nomina verbalia*. С нашей точки зрения более прав Г.И. Рамстедт, так как слова данного типа по своему значению и в синтаксической функции представляют собой отглагольные качественные имена; эти формы по своей синтаксической функции ничем не отличаются от качественных имен вообще и никогда не выражают процессы, что свойственно причастиям, временным в особенности. Специально в отношении хоринского говора бурят-монгольского языка приходится отметить, что в нем «появилось» прошедшее причастие с показателем *нхай*. Это «новое» причастие, чаще всего употребляемое при третьем лице, в обычной речи хоринцев встречается столь часто, что оно вытесняет форму настоящего-прошедшего причастия» [1940, с. 67-68].

Д.Д. Амоголонов в своей работе «Современный бурятский язык» по сути дела повторил эту трактовку и классификацию

бурятских причастий, которую дал Г.Д. Санжеев. Амоголонов тоже делит бурятские причастия на временные и невременные, к первым он относит причастие простого прошедшего времени - *аа*, причастие давнопрошедшего времени на *-нхай*, завершено-го прошедшего на *-һан*, будущего времени на *-ха*. Ко вторым — многократное причастие на *-даг*, однократное на *-гша*, *-ааша* [1958, с. 189-190].

В настоящее время в бурятоведении официально принятой, так сказать, классификацией причастий является та, которая представлена в «Грамматике бурятского языка. Фонетика и морфология», изданной в 1962 г. Раздел «Глагол» был написан Г.Д. Санжеевым, в котором он привел свою схему бурятских причастий. О бурятском же глаголе он сообщал следующее: «Глагол в современном бурятском языке составляет довольно богатую и сложную систему форм, по своим синтаксическим свойствам подводимых под следующие группы. 1) Окончательные, или предикативные формы: а) повелительно-желательные и б) изъявительные; 2) Неокончательные формы: а) причастия и б) деепричастия, в свою очередь делящиеся на сопутствующие и обстоятельственные» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 157]. Причастию дано такое определение: «В современном бурятском языке причастия представляют собой группу таких форм глагола, которые совмещают в себе морфологические и синтаксические свойства как имени, так и глагола» [То же, с. 266].

В современном бурятском языке здесь выделено девять причастных форм:

1) причастие настояще-прошедшего времени с показателями *-аа* (*-оо*, *-өө*, *-ээ*), *-яа* (*-ёо*, *-еэ*), *-гаа* (*-гоо*, *-өө*, *-гээ*), например: *ябаа* «пошел», *ерээ* «пришел»; причём данное причастие в бурятском языке употребляется преимущественно для выражения предиката часто и без связки, тем самым приближаясь по своей грамматической природе к формам изъявительного наклонения;

2) причастие прошедшего времени с показателем *-һан* (*-һон*, *-һэн*), например: *гараһан* «вышедший», *ерэһэн* «пришедший»;

3) причастие завершено-прошедшего времени с показателем *-нхай* (*-нхой*, *-нхэй*), например: *ябанхай* «ушел», *ерэнхэй* «пришел»;

4) причастие будущего времени с показателем *-ха* (*-хо*, *-хэ*), например: *ябаха* «имеющий идти», *ерэхэ* «имеющий придти»;

5) постоянное причастие с показателем *-ааша* (*-оошо*, *-оошэ*, *-ээшэ*), *-яаша* (*-ёошо*, *-еэшэ*), *-гааша* (*-гоошо*, *-гөөшэ*, *-гээшэ*), например: *ябааша* «идуший», *ерээшэ* «приходящий»;

б) многократное причастие с показателем *-даг* (*-дог*, *-дэг*), например: *ябадаг* «идуший, имеющий обыкновение идти», *ерэдэг* «приходящий, имеющий обыкновение приходиться»;

7) однократное причастие с показателем *-гша* (*-гшо*, *-гшэ*), например: *ябагша* «идуший», *мэдэгшэ* «знающий»;

8) причастие возможности с показателем *-маар* (*-моор*, *-мээр*), например: *ябамаар* «возможно пройти, идти», *ерэмээр* «возможно прибудет»;

9) страдательное причастие с показателем *-аатай* (*-оотой*, *-ээтэй*), *-яатай* (*-ёотой*, *-еэтэй*), *-гаатай* (*-гоотой*, *-гээтэй*), например: *татаатай* «протянутый», *бэлдээтэй* «приготовленный» [То же, с. 268-278].

Группировку бурятских причастий Г.Д. Санжеев в данной грамматике производит лишь по отношению к категории времени и дает следующие группы: а) прошедшее время – причастия прошедшего времени, завершено-прошедшего времени и страдательное причастие; б) настоящее время – постоянное, многократное, однократное причастия и причастие возможности; в) будущее время – будущее причастие [Грамматика бурятского языка 1962, с. 278-279]. Как можно видеть, в 1941 г. Г.Д. Санжеев высказывал более прогрессивную точку зрения, подразделяя бурятские причастия на временные и невременные, поскольку ощущал принципиальную разницу между ними. Впоследствии он от нее отказался.

В калмыцком языке причастие осознается как особая форма глагола, совмещающая в себе морфологические и синтаксические свойства как имени, так и глагола. Калмыковеды выделяют в современном калмыцком языке семь причастных форм [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 234-248]:

1) причастие настоящего времени с аффиксом *-а* (*-э*), *-һа* (*-һэ*), например: *йова* «идуший», *келэ* «говорящий»;

2) причастие прошедшего времени с аффиксом *-сн*, например: *йовсн* «ушедший», *келсн* «говоривший»;

3) причастие будущего времени с аффиксом -х, например: *йовх* «который пойдет», *ирх* «который придет»;

4) однократное причастие с аффиксом -гч, например: *иргч* «будущий» (букв, «приходящий»), *үзүлгч* «показывающий»;

5) многократное причастие с аффиксом -дг, например: *меддг* «знающий», *йовдг* «идущий»;

6) причастие возможности с аффиксом -мар, -мр, -м, например: *тэрмр өвсн* «посеянная трава», *өлгмр хувцн* «вязаная одежда»; это причастие обозначает возможное, допустимое, необходимое действие в плане его реализации в будущем;

7) страдательное причастие с аффиксом -ата (-этэ), например: *тата* «запряженный», *уята* «привязанный», *келгэтэ* «налитый».

В современном халха-монгольском языке Б.Х. Тодаева выделяет:

1) причастие будущего времени с аффиксом -х, например: *явах* «который пойдет», *ирэх* «который придет»;

2) причастие прошедшего времени с аффиксом -сан (-сон, -сөн, -сэн), например: *уншсан* «читавший», *мэдсэн* «знавший»;

3) причастие настоящего времени несовершенное с аффиксом -аа (-оо, -өө, -ээ), -гаа (-гоо, -гөө, -гээ), например: *яваа* «идущий, продолжающий идти», *хэвтээ* «лежащий, продолжающий лежать»;

4) причастие настоящего времени однократное с аффиксом -гч, например: *унишгч* «читающий; чтец», *нэхэгч* «ткущий; ткач»;

5) причастие многократное с аффиксом -даг (-дог, -дэг, -дөг), например: *унишдаг* «обычно читающий», *хэлдэг* «обычно говорящий» [1951, с. 135-140].

Кроме того, Б.Х. Тодаева относит к причастиям спорную в то время форму возможности действия на -маар (-моор...), например: *...мэдэж болмоор* «можно узнать».

Монгольские ученые включают в состав причастий современного монгольского языка, помимо причастий, выделенных Б.Х. Тодаевой, еще два:

а) причастие возможности с аффиксом -маар (-мээр, -моор, -мөөр), -м, указывающее на возможность совершения действия в будущем, например: *тогломоор хүүхэд* «дети, с которыми можно было бы играть», *явмаар байна* «можно идти»;

б) причастие будущей меры и степени возможности с аффиксом *-хуйц*, *-хүйц*, например: *мэдэгдэхүйц* «заметный, осязаемый», *толохуйц* «возможный, разрешенный», *сонсогдохуйц* «слышимый», *үзэгдэхүйц газар* «видное место» [Орчин цагийн монгол хэл зүй, т. 153-162; Бадан 1989, с. 68-71].

Как можно видеть из приведенного выше обзора, в основном все монголоеды подразделяют выделенные причастия главным образом по отношению к категории времени. Лишь Г.Д. Санжеев сделал в 1941 г. попытку разграничить временные и невременные причастия. Однако его идея тогда не была принята в монголоведении и развита. В дальнейшем, разрабатывая глагол монгольских языков в специальной монографии [1963], он рассматривает причастия монгольских языков в традиционном для монголоведения аспекте, не пытаясь их каким-либо образом группировать. В этой работе Г.Д. Санжеев выделяет в монгольских языках семь причастий: 1) будущее причастие на *-ху*; 2) причастие возможности на *-маар*, *-мар*, *-м*; 3) многократное причастие на *-даг*; 4) однократное причастие на *-гчи*; 5) настоящее причастие на *-аа*, *-гаа*; 6) прошедшее причастие на *-сан*; 7) завершено-прошедшее причастие на *-нхай* [1963, с. 130-140].

В наши дни состав неличных форм бурятского глагола существенным образом уточняет, дополняет и предлагает, по сути дела, новую их классификацию Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов в своей работе, посвященной аналитическим конструкциям в бурятском языке [1972]. Здесь он, классифицируя бурятские причастия, предлагает выделить десять причастий, группируя их следующим образом:

1. Временные причастия:

- а) настояще-прошедшего времени на *-аа*;
- б) прошедшего времени на *-сан*;
- в) завершено-прошедшего времени на *-нхай*;
- г) будущего времени на *-ха*.

2. Видовые причастия:

- а) многократное на *-даг*;
- б) однократное на *-гша*;
- в) постоянное на *-ааша*.

3. Модальные причастия:

- а) возможности на *-хаар*;
- б) целесообразности на *-маар*.

4. Диатезальное: страдательное на *-аатай* [То же, с. 48].

Эту же в принципе схему причастий он дает и в своем школьном учебнике [1988, с. 78].

Следует отметить, что Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов выдвинул оригинальный взгляд на природу бурятских причастий, не лишенный, впрочем, основания. Считаем это направление разработки теории неличных форм бурятского, а также других монгольских языков достаточно перспективным.

Углубленная работа в области глагола различных монгольских языков, в частности его неличных форм, показала, что к разработке классификации, группировки причастий монгольских языков следует подходить с несколько иных позиций, чем это было принято в традиционном монголоведении. В этом плане помогает понять суть проблемы попытка Г.Д. Санжеева осмыслить различие между причастиями временными и невременными. Опираясь на совершенно рациональную гипотезу Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова, считаем возможным дать новую классификацию причастий монгольских языков. Поскольку грамматическая структура всех современных, средневековых и древних монгольских языков по сути дела единообразна, так как сформировалась она еще в период общемонгольского праязыка, то и схема неличных форм, в том числе и причастий, едина для монгольских языков, в особенности северных – халхаского, бурятского и ойратского, развившихся из одного языка-предка.

Таким образом, принимая классификацию бурятских причастий, выдвинутую Цыдыповым, предлагаем распространить ее принцип на все монгольские языки. Такой подход позволил дать уточненную, наиболее оптимальную группировку причастий монгольских языков, адекватно отражающую их содержание. Мы предлагаем следующую классификацию:

1. Временные причастия, соотнесенные с категорией абсолютного времени:

- а) настоящего времени – старомонгольское на *-ya/-ye*, халха-монгольское на *-aa* (*-oo*, *-ээ*, *-өө*), *-гаа* (*-гоо*, *-гээ*, *-гөө*), калмыцкое на *-a* (*-ə*);
- б) бурятское настояще-прошедшего времени на *-aa*;

в) прошедшего времени – старомонгольское на *-ysan/-gsen*, халха-монгольское на *-сан* (*-сон*, *-сэн*, *-сөн*), калмыцкое на *-сн*, *-гсн*, бурятское на *-һан* (*-һон*, *-һэн*);

г) бурятское завершено-прошедшего времени на *-нхай/-нхэй*;

д) будущего времени – старомонгольское на *-qui/-küi*, *-qun/-kün*, *-quii/-küi*, халха-монгольское и калмыцкое на *-х*, бурятское на *-ха* (*-хо*, *-хэ*).

2. Видовые причастия, соотнесенные с характером протекания действия:

а) многократное – старомонгольское на *-daγ/-deg*, халха-монгольское на *-даг* (*-дог*, *-дэг*, *-дөг*), калмыцкое на *-дг*, бурятское на *-даг* (*-дог*, *-дэг*);

б) однократное – старомонгольское на *-gĉi*, халха-монгольское и калмыцкое на *-гч*, бурятское на *-гша* (*-гшо*, *-гшэ*);

в) постоянное – старомонгольское на *-yaĉi/-geĉi*, халха-монгольское на *-аач* (*-ооч*, *-ээч*, *-өөч*), *-гаач* (*-гооч*, *-гээч*, *-гөөч*) бурятское на *-ааша* (*-оошо*, *-өөшэ*, *-ээшэ*), *-гааша* (*-гоошо*, *-гээшэ*, *-гөөшэ*), *-яаша* (*-ёошо*, *-еэшэ*).

3. Модальные причастия, выражающие отношение к действию, к предмету высказывания:

а) причастие возможности – старомонгольское на *-mar/-mer*, *-m*, халха-монгольское на *-маар* (*-моор*, *-мээр*, *-мөөр*), *-м*, калмыцкое на *-мор*, *-м*, бурятское на *-маар* (*-моор*, *-мээр*), *-м* (по Цыдыпову, это причастие целесообразности, причастие же возможности, по его мнению, имеет окончание *-хаар...*);

б) причастие будущей меры и степени возможности совершения действия – старомонгольское на *-quiča/-kuiĉe*, халха-монгольское на *-хуйц/-хүйц*;

в) причастия долженствования – старомонгольские *=yūšitai // güšitei*, халха-монгольское на *=ууштай // =үүштэй*

4. Результативное, выражающее отношение к результату действия – калмыцкое страдательное на *-ата/-этэ*, бурятское страдательное на *-атай* (*-оотой*, *-ээтэй*), *-гаатай* (*-гоотой*, *-гээтэй*), *-яатай* (*-ёотой*, *-еэтэй*).

Цыдыповская версия классификации причастий бурятского языка, которую мы целиком поддерживаем и применяем ко

всем остальным монгольским языкам, ясно показывает, что не все так просто и однозначно в отношении причастий монгольских языков и что это направление требует к себе самого пристального внимания и дальнейших, более углубленных исследований.

1.6. О системе наклонений глагола в современных монгольских языках

Глагол в современных монгольских литературных языках, к которым относятся монгольский, бурятский и калмыцкий языки, как давно уже установлено исследователями, – лексико-грамматическая группа, представленная разнообразными и достаточно разветвленными грамматическими формами. Среди них наряду с многочисленными залоговыми, видовыми, неличными (причастными и деепричастными) формами большое место занимают разнообразные так называемые личные формы – формы наклонений, соотношенные с лицом, временем и модальностью. Хотя грамматика монгольских языков начала изучаться давно, в том числе и глагол, вопрос о составе его наклонений до сих пор остается открытым и окончательно не решенным. Исследователи находили в монгольских языках разное количество наклонений.

Так, например, в старописьменном монгольском языке (иногда его называют классическим) академик Яков Шмидт [1832, с. 57-68] выделяет восемь наклонений глагола: 1) изъявительное; 2) условное; 3) сослагательное; 4) желательное; 5) повелительное; 6) неокончателное; 7) деепричастие; 8) причастие. Александр Бобровников устанавливает 5 наклонений, сообщая об этом следующее: «Наклонений пять, а именно: неокончателное, повелительное, изъявительное, желательное и сослагательное» [1835, с. 60]. Алексей Бобровников [1849, с. 130-135] не выделяет наклонений, а говорит лишь об окончательных формах глагола, соответствующих личным в современном понимании, и неокончателных – по-современному неличных. Окончателные он подразделяет на повелительные или общие побудительные, на описательные и повествовательные. При этом в побудительные он включил как различного рода повелительные, так и желательные формы, в состав описательных

вошли лишь изъявительные формы настоящего времени, а повествовательных – прошедшего.

Исследователь калмыцкого языка XIX в. Александр Попов [1847, с. 133-177] определяет в калмыцком языке шесть наклонений: 1) повелительное; 2) желательное; 3) изъявительное; 4) условное; 5) возможное; 6) неокончательное.

Исследователь грамматики бурятского языка XIX в. А. Орлов [1878, с. 62-66] устанавливает для бурятского глагола три части: наклонение, деепричастие и причастие. При этом наклонений выделяет два: повелительное и изъявительное. Повелительное делит на четыре формы: приказательную, просительную, допустительную и желательную, а изъявительное – на две: описательную и повествовательную. Описательная форма у него, как и у Алексея Бобровникова, состоит из «наращений» (по терминологии А. Орлова) настоящего времени, а повествовательная – прошедшего.

Последующие монголоеды, ученые XX в., мало что внесли нового в изучение наклонений глагола монгольских языков, продолжая выделять разное количество наклонений, среди которых неизменно повторяются в основном те же традиционные два наклонения: повелительно-желательное и изъявительное. Так, Н.Н. Поппе в своей «Грамматике бурят-монгольского языка» [1938, с. 207-221] наряду с именными (номинальными) формами глагола – причастиями в современном понимании – и конвербиальными – деепричастиями – определяет для бурятского языка также группу «чисто-глагольных (вербальных) форм», включая в их состав изъявительные формы, формы обращения и формы настроения, причем две последние представляют, по сути дела, повелительно-желательные формы. Г.Д. Санжеев в «Грамматике бурят-монгольского языка» [1941, с. 66-67] выделяет в бурятском языке среди личных форм только две группы: повелительные и изъявительные формы. Этого же своего мнения он придерживается и в «Грамматике бурятского языка» [1962, с. 247-266], в которой дал раздел «Глагол», установив для бурятского языка два наклонения: повелительно-желательное и изъявительное. Это свое положение Г.Д. Санжеев развил в специальном исследовании «Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол» [1963, с. 95-130, 169-195], в ко-

торой говорит лишь об этих двух наклонениях в монгольских языках.

В «Грамматике современного монгольского языка» Б.Х. Тодаевой [1951, с. 98] о наклонениях монгольского языка сказано буквально следующее: «В халха-монгольском, как и в других монгольских языках, в глаголе традиционно устанавливается два наклонения: повелительное и изъявительное». Этот же состав наклонений устанавливается для современного монгольского литературного языка Монголии и монгольскими учеными [Орчин цагийн монгол хэл зүй..., 1966, т. 147-152].

В современном литературном монгольском языке Автономного района Внутренней Монголии Китая, продолжающем традиции классического старописьменного монгольского языка, правда немного модернизированного, монголоведами КНР выделяется два наклонения глагола: 1) изъявительное (*ᠴау-ун келбері*) и 2) повелительно-желательное (*jakirqu күсекү келбері*) с опасительной формой (*boljumjilaqu келбері*) [Орчин *ᠴау-ун mongyul кеle...*, 1984, т. 307-317].

В нормативном учебнике для высших учебных заведений «Современный бурятский язык» [1958, с. 199] его автор Д.Д. Амоголонов так говорит о наклонениях бурятского глагола: «В чисто глагольных формах бурятского языка различаются два наклонения: 1) изъявительное и 2) повелительно-желательное или, как традиционно принято, изъявительная форма и форма обращения». Такого же мнения придерживался и Ц.-Ж.Ц. Цыдыпов [1988, с. 64-69].

В «Грамматике калмыцкого языка», изданной в 1940 году, Г.Д. Санжеев устанавливает для калмыцкого глагола четыре группы форм, называемых им также наклонениями: «Эти формы можно разбить на четыре группы или наклонения, а именно: 1. Формы обращения. 2. Изъявительные формы. 3. Причастия. 4. Деепричастия» [1940, с. 70].

Несколько иной, более рациональный, по нашему мнению, взгляд на наклонения высказывают современные калмыцкие ученые [Грамматика калмыцкого языка 1983, с. 205]: «Категория наклонения выражает отношение содержания высказывания к действительности. Формы изъявительного, повелительного, желательного и предостерегательного наклонений, употреб-

ляющихся лишь предикативно, сопровождаются лично-предикативными частицами лично-местоименного происхождения». Авторы грамматики пришли к совершенно верному выводу, что изъявительное наклонение «...выражает реальные действия, которые соответствуют действительности в том смысле, что при высказывании имеется в виду факт его реализации в настоящем, будущем и прошедшем времени. Внутри указанных времен модальность высказывания, присущая изъявительному наклонению, под воздействием модальных слов и частиц, интонации и контекста может то усиливаться, приобретая более яркое выражение, то ослабляться... Временные формы изъявительного наклонения обозначают такое действие, время совершения которого определяется его отношением к моменту речи» [Там же, с. 205-206]. Повелительное наклонение, по их мнению, «... выражает повеление, приказ, призыв и другие оттенки побуждения со стороны говорящего лица, адресованные другому лицу или лицам ... Модальное значение требования выделяется как основное среди вариантов категорического побуждения...» [То же, с. 227-228]. С категорией модальности правильно связано и желательное наклонение: «Основное значение форм желательного наклонения определяется модальностью желания и намерения» [То же, с. 231], а также предостерегательное. Таким образом, здесь мы видим попытку увязать наклонения калмыцкого языка с категориями времени, лица и модальности, что, по нашему мнению, является верным теоретическим и методологическим подходом.

Попытку по-новому подойти к пониманию природы наклонения и соответственно пересмотреть их состав в бурятском языке сделал Ц.Б. Цыдендамбаев в своей работе «Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном отношении» [1979, с. 134-140]. Считая, что так называемое изъявительное наклонение – это не наклонение в полном смысле данного термина, поскольку оно не имеет своего формального показателя и связано не с модальностью, а с категорией времени, это, мол, специальные формы для выражения категории времени, он исключил его из состава наклонений. Поскольку наклонения, по его мнению, служат для выражения различных модальных значений, он счел неверным выделять в бурятском

языке как единое так называемое повелительно-желательное наклонение, предложив вместо него 6 самостоятельных наклонений, выражающих различные модальные значения: повелительное, увещательное, призывное, желательное, волевое и предостерегательное. Вспомним в связи с этим формы обращения, формы пожелания и формы опасения, выделяемые в бурятском языке Д.Д. Амоголоновым [1958, с. 206], а также наклонения повелительное, желательное и предостерегательное, установленные калмыковедами для калмыцкого языка [Грамматика калмыцкого языка..., 1983, с. 227-234].

Таким образом, даже из приведенного выше беглого обзора истории эволюции взглядов и понимания природы и состава наклонений в монгольских языках видно, что точки зрения по этим вопросам разнообразны и порой противоречивы: то наклонения выделялись, то речь шла просто о различных временных и модальных формах, то о формах обращения и т. п. Не выработалось даже устойчивой терминологии. Попытка применить схему форм и наклонений классического монгольского языка к современным монгольским языкам не всегда давала положительный результат, поскольку историческое развитие монгольских языков шло по самостоятельному пути и не всегда совпадало.

Так, в классическом старописьменном монгольском языке Г.Д. Санжеев выделяет следующие повелительно-желательные формы [1963, с. 117, 95-118]: 1) императив для 2-го л. ед. и мн. чисел, совпадающий с основой глагола (*yabu*= «уйди, уходи-те»; *ire*= «приходи, приходите»); 2) повелительную 2-го л. мн. числа на *-ytun/-gtün* (*yabuytun* «уходите»; *iregtün* «приходите»); 3) повелительно-желательную 3-го лица на *-tuyai/-tügei* (*yabutuyai* «пусть уходит, пусть уходят»; *iretügei* «пусть приходит; пусть приходят»); 4) просительную 1-го лица на *-su/-sü* (*yabusu* «уйду-ка я»; *iresü* «приду-ка я»); 5) желательную на *-suyai/-sügei*, хотя в действительности для классического монгольского языка эта форма используется наряду с предыдущей, то есть *yabusuyai* «уйду-ка я»; *iresügei* «приду-ка я», а в значении желательной употребляется форма на *-yasai/-gesei* (*yabuyasai* «хорошо бы ушел»; *iregesei* «хорошо бы пришел»); 6) повелительно-просительную 1-го лица на *-ya/-ye*, которая обычно более употребительна для множественного числа, нежели для

единственного (*yabuуа* «давайте-ка уйдем, дай-ка я уйду»; *ireуе* «давайте-ка придем, дай-ка я приду»); 7) дубитативную на *-ујай/-гүјей* (*yabuујай* «только бы не ушел, как бы не ушел»; *ireгүјей* «только бы не пришел, как бы не пришел»).

Из изъявительных форм Г.Д. Санжеев находит в классическом старописьменном монгольском языке следующие [1963, с. 119-130]: 1) имперфектный презенс с окончаниями – *m*, – *tu/-mü*, – *muil/-müi*, *-уу/-үй*, *-nam/-nem* (*yabum*, *yabumu*, *yabumui*, *yabunam* «ухожу, уйду»; *irem*, *iremü*, *iremüi*, *irenem* «прихожу, приду»); 2) перфектный презенс на *-луя/-лүге* (*yabuluуа* «ушел»; *irelüге* «пришел»); 3) имперфектный претерит на *-јуқил/-жүкүй* (*yabuјуқил* «ушел»; *ireжүкүй* «пришел»); 4) перфектный претерит на *-бал/-бе*, *-бай/-бей* (*yabuba*, *yabubai* «ушел»; *irebe*, *irebei* «пришел»).

В доклассическом старомонгольском языке М.Н. Орловская, исследовавшая язык монгольских текстов XIII-XIV вв., выделяет в монгольском глаголе два наклонения: 1) повелительно-желательное и 2) изъявительное [Орловская 1999, с. 71], назвав их формами и объединив в группу финитных глагольных форм. К повелительно-желательным она относит следующие формы [То же, с. 71-75]: 1) повелительную форму 2-го лица ед. и мн. ч., всегда совпадающую с основой глагола и выражающую категорическое приказание или пожелание совершить действие (*bol* «будь, будьте»); 2) пропозитивную форму 1-го лица на *-su/-sü*, которая обозначает намерение, желание, готовность совершить действие, при этом употребляется как для единственного, так и множественного числа, но для единственного чаще (*bi öcisü* «скажу я»; *öksü ba* «дадим мы»); наряду с данной формой в текстах используется в том же значении форма на *-суай/-сүгей* (*bi urida yabusуай* «я пойду вперед»; *bi qayaly-a negesүгей* «я открою ворота»); 3) повелительно-пригласительную форму 1-го лица обоих чисел на *-у=а/-у=е*, обозначающую намерение, желание говорящего совершить действие самому или приглашение 2-го лица совместно с говорящим совершить действие (... *jergeber ügüleу=е* «... расскажу по порядку»; *negüу=е* «откочуем-ка»); 4) повелительную форму 3-го лица на *-туай/-түгей*, которая выражает приказание, вежливую просьбу или разрешение совершить действие; в древних текстах она относилась не только к 3-му лицу, но и ко 2-му обоих чисел (*ayutuуай* «пусть убоится, пусть

убоятся»; *Čanak-a edüge ču čay bolju amui: morin-i abču irejü ög-tügei* «О, Чанака, уже наступает время: иди и приведи коня»); этой же формой выражается и пожелание к совершению действия безотносительно к какому-либо лицу, обычно это касается издаваемых указов и приказаний (*bidan-u dergede yabuqun metüs oro»ultuγai* «Впускать всех, кто хочет быть при нас»); 5) повелительную форму 2-го л. мн. ч. на *-dqun/-dkün*, в более поздних текстах — *-γtun/-gtün*, которая выражает требование или призыв совершить действие (... *ta köbegüd minu buu umartadqun* «... вы, сыновья мои, не забывайте»); 6) форму опасения на *-γujai/-güjei*, которая относится к различным лицам ед. и мн. чисел и обозначает опасение или предостережение относительно совершения нежелательного действия (*gemsiyer-ün boluγujai* «как бы нам не раскаяться»).

В группу изъявительных глагольных форм доклассического старомонгольского языка М.Н. Орловская включает следующие формы [1999, с. 75-89]: 1) формы не прошедшего (настоящего-будущего) времени с окончаниями *-yu/-yü* (варианты *-ul/-ü, -yi, -i, -ai*), *-m, -mu/-mü, -mül/-müi, -nam/-nem, -nai/-nei, -t* (*yabuyu, yabum, yabumu, yabumui, yabunam* «уходит, уйдет»; *bolu* «будет»; *oki qatu oluyi-je či* «ты наверняка найдешь жену»; *miqa idet tede* «они едят мясо»); 2) формы прошедшего времени с окончаниями *-ba/-be, -bai/-bei* (вариант *-bi*, употребляемый с лицом женского пола, *Temüjin irebe* «Тэмуджин пришел», но *Qo'aqčin emegen irebi...ke'ebi* — старуха Хоакчин пришла, ...сказала), *-luγ=a, -l üge, -juqui/-j ük üi, -čuquil/-č ük üi* (*yabuluγ=a* «ушел», *γarčuqui* «вышел»).

В современных монгольских языках финитные формы глагола предстают в несколько ином виде. Так, исследователи современного халха-монгольского языка [Тодаева 1951, с. 98-112; Орчин цагийн монгол хэл зүй... 1966, т. 147-152; Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт... 1987, т. 146-177] устанавливают в нем следующие формы наклонений:

1. Повелительно-желательные формы: 1) *-сугай/-сүгэй* для 1-го лица ед. числа, выражающая желание, намерение, решимость совершить то или иное действие (*γарсугай* «я выйду, я намерен выйти»; *ирсүгэй* «я приду, я намерен придти»); 2) *-я, -е, -ё* для 1-го лица обоих чисел, выражающая призыв, жела-

ние, предложение сделать что-нибудь (*яръя* «расскажу-ка, расскажем, расскажемте»; *мэдьэ* «узнаю-ка, узнаем, узнаемте»; *бодъё* «подумаю-ка, подумаю, подумаемте»); 3) форма основы для 2-го лица обоих чисел, выражающая приказание совершить действие (*яв* «уходи, уходите»; *ир* «приходи, приходите»); 4) -*аарай*, -*ээрэй*, -*оорой*, -*өөрэй* ... для 2-го лица обоих чисел, обозначающая желание или просьбу в отношении будущего действия, обращенную к одному лицу, с оттенком вежливости, уважения (*яваарай* «уходи, уходите»; *ирээрэй* «приди, придите»; *бодоорой* «подумай, подумайте»; *өгөөрэй* «дай, дайте»); 5) -*аач*, -*ээч*, -*ооч*, -*өөч* ... для 2-го лица обоих чисел, выражающая категоричную просьбу, требование совершить действие (*яваач* «уходи же, уходите же»; *ирээч* «приходи же, приходите же»; *босооч* «вставай же, вставайте же»; *өгөөч* «дай-ка, дай же, дайте-ка, дайте же»); 6) -*гтун/-гтүн* для 2-го лица мн. ч., выражающее обращение ко 2-му лицу мн. ч. совершить действие с оттенком уважения, вежливости (*явагтун* «идите»; *ирэгтүн* «приходите»); 7) -*г* для 3-го лица обоих чисел, обозначающая пожелание, разрешение, допущение совершить действие (*яваг* «пусть уходит, пусть уходят»; *ирэг* «пуст придет, пусть придут»), а также -*тугай/-түгэй*, используемая в призывах, воззваниях (*мандтугай* «пусть расцветает, да здравствует»; *болтугай* «да будет, пусть будет»); 8) -*аасай*, -*ээсэй*, -*оосой*, -*өөсэй* для 2-го и 3-го лиц обоих чисел, означающая пожелание, чтобы данное действие совершилось (*Чи түүнтэй уулзаасай* «Хорошо бы тебе с ним встретиться»; *Та нөхдийг ажлаас бүү таслаасай* «Хорошо бы вы не отрывали товарищей от работы»; *Өнөөдөр эх түргэн ирээсэй* «Хорошо бы мать сегодня быстро пришла»); 9) -*уузай/-үүзэй* для 2-го и 3-го лиц обоих чисел, выражающая осторожность, опасение, предостережение, неуверенность в совершении действия (*барих болуузай* «как бы не поймали»; *явуузай* «как бы не ушел»).

2. Изъявительные формы: 1) -*на*, -*нэ*, -*но*, -*нө* для выражения настоящего-будущего времени (*явна* «уходит, уйдет»; *ирнэ* «приходит, придет»; *олно* «находит, найдет»; *өгнө* «дает, даст») в плане неопределенности/неконкретности; для выражения же видо-временной формы настоящего конкретного времени, соотнесенного с моментом речи, используется аналитиче-

ская форма на базе соединительного деепричастия *-ж/-ч* и вспомогательного глагола *байна*, то есть по модели *-ж(-ч) байна* (*явж байна* «сейчас уходит»; *ирж байна* «сейчас идет сюда»; *гарч байна* «сейчас выходит»), которая, кстати, соответствует старомонгольской аналитической форме *-ju(-чи) bayitui~atui*, обычно не включаемой в состав форм изъявительного наклонения, поскольку во внимание брались только синтетические формы; кроме того, для выражения настоящего конкретного времени, соотносимого с моментом речи, в современном халха-монгольском языке широко используется форма причастия настоящего времени *-(г) аа*, *-(г) ээ*, *-(г) оо*, *-(г) өө*, например: *Миний аав одоо гэртээ байгаа* «Мой папа сейчас находится у себя дома»; 2) в роли формы будущего конкретного времени используется причастие будущего времени на *-х*, причем обычно сопровождаемое предикативной частицей *юм*, например: *явах (юм)* «уйдет»; *ирэх (юм)* «придет»; 3) для выражения прошедшего времени используется 5 различных форм: *-в*, *-сан* (*-сэн*, *-сон*, *-сөн*), *-лаа* (*-лээ*, *-лоо*, *-лөө*), *-жээ/-чээ*, *-(г) аад байна* (*-ээд*, *-оод*, *-өөд байна*), например: *явав*, *явсан*, *явлаа*, *явжээ*, *яваад байна* «ушел», в которых содержатся разнообразные сопутствующие коннотативные оттенки.

3. Кроме того, современный халха-монгольский язык для выражения ирреального действия в будущем выработал особую финитную форму *-хсан*, *-хсэн*, *-хсон*, *-хсөн*, гармонирующую с составом гласных основы глагола, что свидетельствует об окончательной сформированности этого морфологического показателя, например: *явахсан* «ушел бы»; *ирэхсэн* «пришел бы»; *олохсон* «нашел бы»; *өгөхсөн* «дал бы».

В современном калмыцком языке в составе финитных форм калмыковеды выделяют формы следующих наклонений [Грамматика калмыцкого языка... 1983, с. 205-234]:

1. Изъявительное наклонение: 1) формы настоящего времени: а) форма с аффиксом *-на/-нэ*, выражающая не только настоящее время, как конкретного момента речи, так и расширительное, но и будущее (*йовнач* – «ты идешь, ты уйдешь»; *ирнэв* «я прихожу, я приду»); б) форма на *-жсана/ -жсэнэ*, *-чана/ -чэнэ*, реализующая значение настоящего времени конкретного момен-

та речи (*йовжсана* «идет»; *иржэнэ* «идет сюда»; *һарчана* «выходит наружу»; *һалзу шуурһн шуурчана* «бушует злая пурга»); в) форма на *-а/-э* для выражения достоверного действия, которое началось до момента речи и продолжается в момент речи (*мини дор нук малтач* «копаешь под меня яму»; *санад йовав* «я продолжаю думать»); г) форма на *-ог*, передающая значение постоянно совершающегося действия (*Төмрин сээг давтж меддг, мөрнэ сээг довтолж меддг* «Качество железа познается при ковке, а достоинство коня – в скачке» (посл.); 2) формы прошедшего времени: а) форма с аффиксом *-в*, значение которой заключается в том, что она передает действие, завершившееся незадолго до момента речи или в момент речи, либо совершилось в прошлом безотносительно к какому-либо другому действию или моменту, иными словами: эта форма передает значение однократного очевидного действия в недавнем прошлом (*радиоһар зэңглв* «по радио объявили»; *би йовув* «я ходил»); б) форма на *-ла/-лэ*, выражающая действие, прежде известное говорящему и свершившееся до момента речи (*ус авхар йовлав* «я шла за водой»; *амн үгэн өглэ* «дал свое слово»); в) форма на *-жс*, выражающая прошедшее действие неочевидное и в какой-то мере неожиданное, совершившееся в отсутствие говорящего (*хэржс иржс* «вернулся»; *бичкнэр эндүржс оркжсв* «я немного ошибся»); г) форма на *-сн*, которая выражает законченное действие и констатирует, что действие полностью осуществилось либо до момента речи, либо до наступления другого действия (*материалмуд цуглулсн* «собрал материалы»; *чини тускар мартсн угав* «я о тебе не забывал»); 3) форма будущего времени на *-х*, обозначающая действие, осуществление которого лишь намечается (*чидхвид* «сумеет»; *хэлэхч* «увидишь»).

2. Повелительное наклонение: 1) форма обращения к 1-му лицу обоих чисел на *-й, -ий, -я*, выражающая призыв к совершению действия (*йовий* «пойду-ка я, пойдете»; *күцэй* «выполню-ка я, давайте выполним»; *ирий* «приду-ка я, давайте придем»); 2) формы обращения ко 2-му лицу: а) форма обращения ко 2-му лицу ед. ч. с приказанием совершить действие (императив) представляет собой основу глагола в чистом виде (*йов* «иди, поди, уйди»; *ир* «иди сюда, приди»; *суу* «сядь»); б) смягченная форма обращения ко 2-му лицу ед. ч. с просьбой,

приказанием совершить действие с окончанием *-ич* (*йович* «ну иди же»; *ирич* «приходи же»; *сууһич* «садись же»; *орич* «входи же»); в) форма обращения ко 2-му лицу мн. ч. с просьбой, приказом совершить действие с окончанием *-тн* (*йовтн* «идите»; *иртн* «приходите»; *суутн* «садитесь»; *ортн* «войдите»); 3) форма обращения к 3-му лицу обоих чисел, выражающая допущение кем-л. совершить действие, имеющая окончания *-г* и *-тха/-тхэ* (*йовг*, *йовтха* «пусть идет, пусть идут»; *ирг*, *иртхэ* «пусть придет, пусть придут»).

3. Желательное наклонение: 1) форма на *-са/-сэ*, выражающая желание и намерение говорящего совершить действие самому или пожелание, просьбу, совет, позволение 2-му либо 3-му лицам совершить это действие (*Зогсчанич*, *би келжэ өгсэ*, *чи чигн инэхич* «Подожди-ка, я расскажу, ты посмеешься»; *ирсэ* «хорошо бы пришел»; *йовса* «хорошо бы, если бы пошел»); 2) форма на *-с* (+ *-в*, *-видн*), относящаяся к 1-му лицу обоих чисел, а также *-су/-сү*, выражающие различные оттенки желания, намерения, решимости 1-го лица или 1-х лиц совершить действие (*Би эм авад одсв* «Я возьму лекарство и пойду»; *түүниг көөсвидн* «давай прогоним его»).

4. Предостерегательное наклонение, образуемое аффиксом *-вза/-взэ* с вариантами *-уза/-үзэ*, *-за/-зэ* и относимое ко всем трем лицам обоих чисел, выражающее опасение, предостережение от совершения нежелательного действия (*Лижэ-Гэрэ*, *намаг дахулхан мартчквзат* «Лиджи-Гаря, как бы Вы не забыли меня взять с собой»; *Нам куукм өлсэд*, *ундасад үкэжэвзэ* «Как бы моя милая дочь не умерла от голода и жажды»).

Разнообразие фактически существующих в современных монгольских языках форм наклонений, выражающих различные отношения содержания высказывания к действительности, причем не только модального и временного планов, требует особого к ним подхода.

Чтобы разобраться в сути проблемы и установить реальный состав наклонений глагола современных монгольских языков, посмотрим, как трактуется наклонение в общем языкознании. Так, например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [1990, с. 321] о наклонении сказано следующее: «Наклонение – грамматическая категория, выражающая отношение дей-

ствия, названного глаголом, к действительности с точки зрения говорящего. Наклонение – грамматический способ выражения модальности. Грамматическое значение форм наклонения выводится из их речевого употребления, предполагающего присутствие говорящего (пишущего) субъекта, речь которого включает, наряду с констатацией действия, его оценку как желательного, возможного, предполагаемого и т. п., т. е. передающую субъективное отношение говорящего к действию. Разные языки располагают различным набором парадигматических форм наклонения, в зависимости от свойственных им модальных значений. Различают 2 типа наклонений: прямое и косвенные. Прямым наклонением является индикатив (изъявительное наклонение), служащий для объективной констатации факта в его отношении к действительности. Этим объясняется обязательное наличие индикатива в языках разных типов. В косвенных наклонениях отражается различное отношение субъекта речи к высказываемому. Разнообразие этого отношения определяет разнообразие парадигм косвенных наклонений в разных языках».

В русском языке выделяют три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное [Русский язык. Энциклопедия, 1998, с. 257]. В тюркских языках количество наклонений колеблется от четырёх до двенадцати [Щербак 1981, с. 43]. Помимо общих для всех тюркских языков прямого – изъявительного наклонения и трех косвенных – повелительного, желательного и условного, в отдельных тюркских языках встречаются и другие формы косвенных наклонений: долженствовательного, намерения, согласительного, предположительного, сослагательного, предельного и вероятностного [То же, с. 66-67]. Для якутского языка устанавливается, к примеру, десять самостоятельных наклонений [Коркина 1970, с. 28]. В тунгусо-маньчжурских языках тоже неодинаковое количество и состав наклонений. В эвенском языке, кстати, их выделяют несколько [Роббек 1992, с. 81]: изъявительное, повелительное, долженствовательное, предостерегательное и сослагательное.

После изучения всех материалов относительно определения сути наклонений и принципов их выделения в различных языках и прежде всего в алтайских, мы пришли к выводу, что общим моментом для всех наклонений во всех языках является выраже-

ние в формах наклонений отношения действия (процесса) к действительности (реальной или ирреальной). Индикатив – единственное наклонение, которое не имеет специального показателя в отличие от остальных – косвенных наклонений. Кроме того, изъявительное наклонение не столь тесно связано с модальностью, как косвенные. Формы индикатива выражают реальное действие/состояние и отличаются от других наклонений тем, что лишь утверждают факт осуществления или неосуществления глагольного действия и не содержат оценки действия со стороны говорящего. Формы этого наклонения связаны лишь с категорией времени и являются одновременно показателями изъявительного наклонения. Косвенные же наклонения, тесно связанные с категорией модальности, отражают нереальное время, мыслимое одновременно в плане будущего. Все косвенные наклонения имеют специальные показатели наклонения. Все наклонения без исключения связаны с категориями лица и числа, т. е. имеют свою парадигму спряжения по лицам

Попробуем подойти, опираясь на все эти общие положения, к личным формам, например, бурятского глагола. Здесь безусловно прав Ц. Б. Цыдендамбаев [1979, с. 135-139], определив для бурятского языка 6 наклонений, тесно связанных с категорией модальности и выражающих различные модальные значения. Вслед за ним мы тоже в свое время пришли к выводу о целесообразности выделения в бурятском языке, в частности в группе присаянских (окинского, тункинского и закаменского) бурятских говоров [Рассадин 1996, с. 79-80], не одного повелительно-желательного наклонения, как это делают обыкновенно монголоеды, а 6 самостоятельных наклонений, выражающих модальные значения и имеющих специальные показатели, в которых отражены категории лица и числа. Эти наклонения суть: 1) повелительное (напр.: *яба* «иди, уходи», *йирэ* «приходи, приходи»; *ябагты* «уходите», *йирэгты* «приходите»; *ябыш* «уходи же», *йирыш* «иди же сюда»; *ябыт* «уходите же», *йирыт* «идите же сюда»; *бүү яба* «не уходи»); 2) увещательное (напр.: *ябаарай-ябаарайш* «ну уходи же», *ябаарайт-ябаарагты* «ну уходите же»; *ябаг* «пусть уходит», *йирэз* «пусть приходит»); 3) призывное (напр.: *ябая-ябаябди* «пойдемте, давайте пойдём», *йирэе-йирэебди* «давайте придем»);

4) желательное (напр.: *ябаһай* «хорошо бы он ушел, только бы он ушел», *йирэхэй* «хорошо бы он пришел», *мүнөөдэр һальтин бүү болоһой* «хорошо бы сегодня не было ветра»); 5) волевое (напр.: *би ябаһуу-ябаһууб* «дай-ка я уйду», *би йирэхүү-ерэхүүб* «дай-ка я приду»; *ябуужам-ябуужаб* «я обязательно пойду», *ябуужамди-ябуужабди* «мы обязательно пойдем»); 6) предостерегательное (напр.: *тэрэ юүмэ муу табяатай, унашуужа* «та вещь плохо поставлена, как бы не упала»). Для литературного бурятского языка Г.Д. Санжеев [Грамматика бурятского языка..., 1962, с. 259] дает форму на – *ужа* как допустительную – *ябуужа* «пусть уходит, пусть пойдет», *ябуужан* «пусть уйдут». Для 2-го лица в окинском говоре употребляется в предостерегательном значении форма на – *баш~-бат*: *һайса һуу, унабаш* «сядь хорошо, не то упадешь, как бы ты не упал». Мы создаем, что названия этих наклонений приблизительные, чисто условные и неокончательные. Многие из этих форм имеют иное название в работах Н.Н. Поппе [1938, с. 217-221], Д.Д. Амоголонова [1958, с. 203-206], Г.Д. Санжеева [1963, с. 95-119, 169-180]. Считаем, что названия эти требуют уточнения.

Исходя из понимания сути наклонения, которая заключается в том, что наклонение – это грамматическая категория, выражающая отношение действия к действительности, верным будет утверждать, что окружающая говорящего реальная действительность не заключается только в одной модальности, которая в сущности является лишь одной из форм существования этой действительности. Поскольку действительность существует в пределах времени и пространства, то и язык своими формами отражает это существование. В данном случае глагол выработал в процессе эволюции языка, взаимосвязанной с речемыслительной деятельностью человека, группу специальных форм, выражающих отношение действий (состояний), производимых человеком, или происходящих независимо от него, к действительности в пределах времени. Эта группа специальных форм глагола, выражающих действия/состояния во времени (прошедшем, настоящем и будущем) как раз и составляет особое наклонение, темпоральное (временное) наклонение, которое в грамматиках принято называть индикативом или изъявительным наклонением. В связи с тем, что в нем больше выражена катего-

рия времени, а не модальности, то некоторые исследователи исключают его из состава наклонений.

Далее. Поскольку действия/состояния в реальной действительности осуществляются (происходят) в пределах конкретного времени в условиях каких-либо конкретных обстоятельств, разнообразие которых обусловлено самой действительностью, то язык, само собой разумеется, выработал группу специальных глагольных форм, выражающих эти условия и обстоятельства. Особенно это необходимо выразить, если происходят два или более действий/состояний и при этом одно или несколько зависят от другого (или других). Такие зависимые отношения одного действия от другого в монгольских языках обычно выражаются причастными или деепричастными оборотами, в том числе и обстоятельственными. Но в случае, если выработались специальные формы, которые имеют особые маркеры, указывающие на лицо или лица, совершающие это зависимое действие, т.е. спрягаемые по лицам и числам формы, то речь должна идти уже о самостоятельном наклонении. Такое наклонение должно называться адвербиальным (обстоятельственным). В бурятском языке в пределах данного наклонения речь фактически может идти об условных и уступительных глагольных формах. Так, например, одно действие может быть кем-либо выполнено при условии осуществления другим лицом другого действия. Например: *Шимни мүнөөдэр ажалһаа гэртээ эртэ харья һааш, бидэ уулзажа шадахабди* «Если ты сегодня с работы домой вернешься пораньше, мы сможем встретиться». Показателем условной формы обстоятельственного наклонения в бурятском языке является *-аа һаа*, которая имеет полную парадигму спряжения и отрицательный аспект: *-аа һаам*, *-аа һааш*, *-аа һаа* (иногда *һаань*), *-аа һаамнай (һаабди)*, *-аа һаат*, *-аа һаа*, с отрицанием: *-аагүй һаам* и т. д. В говорах вместо *һаа* может быть либо *хада*, либо *болбол* (например, окин. *һайнаар харюусаа болболһини, багша табые табиха* «если хорошо ответишь, учитель поставит пятерку»). Если одно действие совершается вопреки другому, то речь может идти об уступительной форме обстоятельственного наклонения. В бурятском языке оно образуется на базе условной формы, которая включает уступительную частицу *-шье*: *-аашье һаам*, *-аашье һааш* и т. д. Например: *Мүнөөдэр*

хура бороо ороошье наа, бидэ дача руу ошохомнай «Хотя сегодня и пойдет дождь, мы поедем на дачу».

Ирреальность действия в бурятском языке выражается спрягаемой составной глагольной формой, состоящей из причастия будущего времени на *-ха* и вспомогательного глагола *байха* «быть» в прошедшем времени. Парадигма спряжения следующая: *-ха байгааб, -ха байгааш, -ха байгаа, -ха байгаабди, -ха байгаат, -ха байгаад*. Например: *Мүнөөдэр сүлөөтэй болоо наа, бидэ танайда ерэхэ байгаабди* «Если бы сегодня было время, мы бы к вам пришли».

Таким образом, опираясь на понимание сути наклонения как грамматической формы, выражающей отношение действия к действительности, причем принимая широкий спектр этих отношений, включая не только модальность, т.е. отношение говорящего к предмету высказывания, в данном случае к действию, но и отношение ко времени действия, обстоятельству действия и к реальности действия, а также маркированность этой формы и ее спрягаемость, приходим к выводу, что в современном бурятском языке, как и в халхаском, и калмыцком, сложились следующие четыре наклонения со своими конкретными формами, выражающими различные виды отношений действия к действительности:

1. Темпоральное наклонение (изъявительное, индикатив, временное):

- а) формы прошедшего времени.
- б) формы настоящего времени.
- в) формы будущего времени.

2. Модальное наклонение:

- а) формы повеления (императив).
- б) формы увещевания.
- в) формы призыва.
- г) формы желания и воли.
- д) формы опасения и предостережения.

3. Адвербиальное наклонение (обстоятельственное):

- а) условная форма (форма условия действия).
- б) уступительная форма (форма уступки действия).

4. Ирреальное наклонение:

- а) сослагательная форма.

Предложенный здесь нами вариант схемы наклонений глагола монгольских языков не является окончательным и может быть уточнен, особенно это касается форм модального наклонения.

1.7. Глагол в говорах бурятского языка

1.7.1. Глагол в нижеудинском говоре

Система глагола в нижеудинском говоре в принципе такая же, как и в других бурятских говорах и литературном языке, да и вообще в северных монгольских языках, включающих, как известно, кроме бурятского еще халха-монгольский и калмыцкий (ойратские) языки. Нижеудинский глагол имеет те же общебурятские категории личных и неличных форм, залога и вида, причем с теми же показателями, о которых подробно сказано у Ц.Б. Цыдендамбаева, исследовавшего эти категории бурятского глагола в сравнительном освещении и пришедшего к выводу, что все они в общем-то общемонгольские и сложились в весьма отдаленную эпоху [Цыдендамбаев 1979, с. 79-142].

Систему причастий нижеудинского говора, опираясь на исследование А.А. Дарбеевой [1978, с. 122-123] и наши материалы, можно характеризовать следующим образом: данная система состоит из трех групп причастий – временных, видовых и модальных.

а) Группа временных причастий выражает только отношение ко времени и состоит из форм причастий будущего, прошедшего и настоящего-прошедшего времен.

Причастие будущего времени оформляется показателем $=ka/=k\acute{e}/=ko/=k\theta$, присоединяемым к основе глагола (ср. лит.-бур. $=xa/=x\acute{e}/=xo$, стп.-м. $=qu/=k\ddot{u}$). Это причастие определяет лицо или предмет по действию, которое обязательно совершится в будущем, например: *манда йиркэ кун* «человек, который придет к нам»; *энэ йуумэ анка кун* «человек, который возьмет эту вещь».

Причастие прошедшего времени оформляется тем же общебурятским показателем $=han...$, который имеет ту особенность в говоре, что в обыденной речи начальный согласный *-h* выпадает, как и в исходном падеже, хотя в то же время возмо-

жен вариант и с этим начальным *-h*, например: *шкоолоо дуудаһан коэно* «после окончания школы». А.А. Дарбеева утверждает, что полный вариант этого показателя употребляется лишь в фольклоре [1978, с. 122-123]. Нам же приходилось слышать полный вариант и в обычной речи. Таким образом, можно констатировать для нижеудинского говора оформление причастия прошедшего времени, которое определяет лицо или предмет по действию, происходившему или произошедшему в прошлом, показателями *=һан...* и *=аан...*, например: *караһан // караан* «видевший», *йабаһан // йабаан* «ходивший», *ошаһан // ошаан* «ходивший (куда-либо)». Общебурятский же показатель *-һан...*, как известно, имеет своим прототипом вариант *-сан...*, как и в монгольском и калмыцком языках (ср. х.-монг. *=сан/=сэн/=сон/=сөн*, калм. *=сн*), и восходит к архаичному варианту *=γсан/=gсen*, зафиксированному в старописьменном монгольском языке и в языках средневековых монгольских памятников типа квадратного письма, «Сокровенного сказания монголов» (1240 г.), «Мукаддимат ал-Адаб» (XIV в.).

Причастие настоящее-прошедшего времени на *=аа...* восходит к причастию настоящего времени на *=аа*, подобному аналогичному причастию халха-монгольского и калмыцкого языков (ср. например, х.-монг. *яваа* «идуший сейчас», *суугаа* «сидящий сейчас» и т. п., данный аффикс в халха-монгольском языке гармонирует с составом гласных основы глагола и имеет вид *=аа/ =ээ/=оо/=өө*, в калмыцком всего два варианта – *=а/=э*), имеющему своим прототипом форму *=γа/=ge*, зафиксированную в старописьменном монгольском языке. Особенностью бурятского языка, признаваемой всеми монголоведами, является то, что в бурятском языке данная форма перешла в разряд форм прошедшего времени индикатива [Цыдендамбаев 1979, с. 129-130], поэтому ее следует исключить из числа причастных форм современного бурятского языка, поскольку словоформы типа *ябаа*, *ерээ*, *һуугаа* означают уже не «идуший», «приходящий», «сидящий», а «ушел», «пришел», «сел; сидел». Аналогичная картина и в нижеудинском бурятском говоре [Дарбеева 1978, с. 122].

Время у этих причастий абсолютное, поскольку связано с моментом речи. В то же время согласно ситуации оно может быть и относительным.

б) Группа причастий с видовой характеристикой по кратности действия включает причастия однократное, многократное и постоянное. Время у этих причастий относительное.

Однократное причастие имеет показатель $=гша/ =гшэ/ =гшо$, как и в литературном бурятском языке и в других бурятских говорах. Нижнеудинский же говор имеет в отношении этого показателя ту особенность, что он, по свидетельству А.А. Дарбеевой, в говоре не употребляется, заменяясь везде многократным причастием на $=даг...$ [Там же, с. 123], то есть нижеудинцы говорят не *йабагша*, а *йабадаг* «идуший, ходящий» и т. п. В то же время мы часто встречали показатель $=гша...$, но только в сочетании с глагольно-предикативной частицей *һэн*, с которой он обычно сливается в один аффикс $=гшаан$, выражающий однократное прошедшее время, например: *йабагшаан* «ходил», *кэ-лэгшаан* «говорил». Бурятский аффикс $=гша...$ одного происхождения с х.-монг. и калм. $=гч$ и восходит к древнему аффиксу однократного причастия $=гчи$, зафиксированному в старописьменном монгольском и в средневековых монгольских языках.

Многократное причастие имеет в говоре показатель $=даг/ =дэг/ =дог$, как и в литературном бурятском языке, аналогичный халха-монгольскому показателю $=даг/ =дэг/ =дог/ =дөг$ и калмыцкому $=дг$, которые восходят к архаичному прототипу, зафиксированному в старописьменном монгольском языке в виде $=day/ =deg$ и в том же виде в средневековых монгольских языках. Данное причастие характеризует предмет или лицо по многократному, часто совершающемуся действию, например: *йабадаг* «часто ходящий», *йирдэг* «часто приходящий», *зөөдэг* «обычно, часто носящий», *болдог* «часто происходящий» и т. п. А.А. Дарбеева считает, что это причастие дает в говоре наибольшую частотность в употреблении [То же, с. 123].

Постоянное причастие имеет своим показателем в нижеудинском говоре $=ааша/ =ээшэ/ =оошо/ =өөшө$, как и в литературном бурятском языке. Оно определяет лицо или предмет по постоянно происходящему действию, по действию как постоянно присущему им признаку, например: *мэдээшэ* «знающий», *карааша* «видящий», *зөөгөөшө* «носящий, возящий». Это причастие имеет параллели в халха-монгольском языке в виде постоянного причастия $-аач/-ээч/-ооч/-өөч$, в калмыцком языке –

=ач/=эч, в принципе с тем же значением, что и в бурятском языке. Наиболее архаичный вариант этого причастия зафиксирован в старописьменном монгольском языке в виде -*γačil-gečī*.

в) Причастие на =маар/=мээр/=моор/=мөөр характеризует лицо или предмет по модальному признаку возможности совершить действие, например: *йабмаар газар* «такое место, куда можно было бы сходить», *үзмээр кино* «кино, которое следовало бы посмотреть», *зөөмөөр йүүмэ* «вещь, которую стоило бы отвезти». Это причастие говора соответствует литературному бурятскому причастию на =маар..., халха-монгольскому на =маар..., калмыцкому на =мар... и старомонгольскому =*mar/ =mer*.

А.А. Дарбеева считает, что причастия в нижеудинском бурятском говоре «... отличаются от причастий в литературном бурятском ... тем, что в них временное значение несколько заглушено и обозначаемый ими процесс воспринимается как обычно совершаемое действие вне соотнесенности его с определенным временем» [То же, с. 123].

Среди деепричастий нижеудинского говора представлены в общем те же по сути дела деепричастия, которые имеются и в литературном бурятском языке, а также других бурятских говорах и вообще монгольских языках. Особенностью говора здесь будет лишь то, что большинство этих деепричастных форм получает в говоре несколько иное фонетическое оформление [подробнее о деепричастиях в монгольских языках см.: Санжеев 1963, с. 140-168]. Здесь мы находим следующие деепричастия:

1) слитное деепричастие, имеющее показателем =*n* (ср. лит.-бур., х.-монг., калм. =*n*, стп.-м. =*n*), например: *би тэр шубууи алан алдабаб* «я чуть было не убил ту птицу»;

2) отрицательное деепричастие, образованное на базе этого слитного деепричастия =*n* и отрицания *үбоо/үбээ*, слившегося с ним в один аффикс =*нбоо/=нбээ*; иногда в этом аффиксе вместо *n*- употребляется *-л-* [о чем см.: Санжеев 1963, с. 238-239], например: *күренбээ бээгаа* «не достигали», *бэйэ бэйэдээ этэгэлбоо каак моожно жыыть?* «не доверяя друг другу, как можно жить?» [Дарбеева 1978, с. 196].

3) соединительное деепричастие, имеющее показателем =*жа/=жэ/ =жо* (ср. лит.-бур. =*жа/=жэ/=жо*, х.-монг., калм.

=дж/=ч, стп.-м. =*ju*/*ji*, =*ci*/*ci*), например: *хуужа бээнэ* «сидит», *йабажа кэптэнэмди* «живем», *кура оржо бээнэ* «дождь идет», *Улаан-Үдэдэ һонишоожо бээнэ мани зугаайи* «В Улан-Удэ удивлялись нашей речи». Данное деепричастие имеет в говоре целый ряд модификаций [Там же, с. 123-124], вызванных ассимилятивными процессами среди согласных, оказавшихся в различных положениях и комбинациях. Этими вариантами являются =*ша*/*шо*/*шэ*, =*ш*, =*ди*, =*ни*, например: *хурша бээнэ* «учится», *карша* «глядя», *гарша* «выходя», *каана-каана улат йатша кэптэнэ* «везде люди живут», *зугаальди бээнэ* «разговаривал», *өөн баряар дуульди шидна* «она может петь по-бурятски», *слуушальди хуукадам* «когда я сидела и слушала», *йууйи һаньни хуунаш?* «о чем думаешь?» (*һаньни* < *һаньди* < *һанади*), *долаан жилээ би ужээ куурдаш бээнэ* «с семи лет я уже играл (на музыкальном инструменте)»;

4) разделительное деепричастие, образуемое показателем =*aam*/*ээт*/*оот*/*өөт*, =*gaam*/*гээт*/*гоот*/*гөөт* (ср. лит.-бур., х.-монг. =*aad*/*ээд*/*оод*/*өөд*, калм. =*ад*/*эд*, стп.-м. =*γад*/*ged*), например: *йабаат* «уйдя», *йирээт* «придя», *ороот* «войдя», *хуугаат* «сев», *зөөгөөт* «отвезши»; *тийгээт* «потом, затем»;

5) продолжительное деепричастие с показателем =*һаар*/*һээр*/*һоор*/*һөөр*, зачастую теряющим начальный -*һ*- в положении после согласного, например: *кура ороор бээнэ* «а дождь все идет и идет», *тэрэ күбүүн йаба йабаһаар (йабаар) бээнэ* «а мальчик все идет и идет». Аналогичный показатель =*һаар*/*һээр*/*һоор*/*һөөр* представлен и в литературном бурятском языке [Грамматика бурятского языка, с. 288], а также в халха-монгольском – =*саар*/*сээр*/*соор*/*сөөр* и калмыцком языках – =*сар*/*сэр*, прототипом которых можно считать показатель =*γsaya*/*gseger*, зафиксированный в старописьменном монгольском языке [относительно существования этого деепричастия в других монгольских языках см.: Санжеев 1963, с. 154-155];

6) условное деепричастие с показателем =*бар*/*бэр*/*бор*/*бөр*, который отличается произнесением согласного -*р* вместо -*л* литературного бурятского =*бал*/*бэл*/*бол*/*бөл*, хотя встречается и вариант с -*л*, ср. также х.-монг. -*вал*/*вэл*/*вол*/*вөл*

=бал/=бэл/=бол/=бөл, стп.-м. =bal=a/=bel-e, в калмыцком языке этот аффикс отсутствует. Аффикс =бал... представлен и в других бурятских говорах: восточных и западных бурятских, хамниганском [Дарбеева 1978, с. 124], по нашим наблюдениям, и в присаянских, особенно в закаменском [Рассадин 1996, с. 73, 87]. В нижнеудинском говоре это деепричастие употребляется гораздо чаще, чем в литературном и восточных, а также западных говорах, поскольку в них оно заменяется составной формой -аа *haa...*, -аа *хадаа...*, -аа *болбол...*, ср., например: бур.НУ *шидбар* – вост.-бур. *шадаа хаа* «если сможет», бур.НУ *кэлбэр* – вост.-бур. *хэлээ хаа* «если скажет», бур.НУ *тиибэр // тиибэл* – вост.-бур. *тиигээ хаа* «если так сделает; коли так», *күдэлбэлинь* – вост.-бур. *хүдэлөө хаа* «если он будет работать» и т. п.

7) предельное деепричастие с показателем =тал/=тэл/=тол, например: *гартал* «пока не выйдет», *унтатал* «пока не уснет», хотя в то же время встречается и показатель =сар... [Дарбеева 1978, с. 124], например: *карсар* «пока не увидит», *кэптэсэр* «пока лежит», *күрсэр//күрэсэр* «пока не дойдет»; «до, вплоть до». При записи нижнеудинского говора нам приходилось фиксировать и вариант =тар/=тэр/=тор, который мог принимать при необходимости показатели принадлежности, например: *арбан динэтээ болторомни* «пока мне не исполнится девятнадцать лет». Встречался и вариант =са/=сэ/=со, но это главным образом от звукоподражательных глаголов, например: *зүгээ каньтинаса нииткэ* «пчела летит с жужжаньем». Этот аффикс используется и для образования наречий от прилагательных, например: *муу* «плохой» – *мууса* «плохо», *хээн* «хороший» – *хэгса* «хорошо». В литературном бурятском языке используется вариант с конечным согласным -р – =тар/=тэр/=тор, к которому тоже могут присоединяться показатели личной принадлежности [Грамматика бурятского языка, с. 287]. В халха-монгольском языке используется показатель =тал/=тэл/=тол/=төл, в калмыцком – =тл, в старописьменном монгольском – =tal-a/=tel-e. Такое разнообразие показателей данного деепричастия в нижнеудинском говоре может свидетельствовать лишь о его смешанном характере;

8) деепричастие цели с показателем =кайаа/=кэйээ/=койоо, который соответствует литературному бурятскому =хаяа/

=хэзэ/=хоёо, тоже образующему целевое деепричастие, например: бур.НУ *гаркайаа* – лит.-бур. *гархаяа* «чтобы выйти», бур.НУ *оркойоо* – лит.-бур. *орохоёо* «чтобы войти», бур.НУ *йиркэйээ* – лит.-бур. *ерэхээ* «чтобы прийти». Особенностью говора в данном случае является то, что эта форма используется еще вместо русского инфинитива, например: *машиин дээр гаркайаа наада* «надо взбираться на машину», *шкоолоо гэртээ ошкойоо наада* «из школы нужно идти домой». Совершенно правильно, на наш взгляд, Г.Д. Санжеев определяет генезис этой бурятской формы как сращение древнего причастия будущего времени на =*qui*/=*küi* и древнего же суффикса *-*a* дательного падежа, то есть схема образования бурятской формы выглядит так: =*qui* + *a*/=*küi* + *e* [Санжеев 1963, с. 163-164]. В старописьменном монгольском языке тоже встречаются случаи оформления целевых отношений в виде =*qui* + *a*, например: *qudaldajū abqui-a* «чтобы купить», наряду с использованием целевого деепричастия на =*r-a*, например: *abur-a* «чтобы взять», *surur-a* «чтобы спросить». В халха-монгольском языке целевое деепричастие оформляется показателем =*хаар*/=*хээр*/=*хоор*/=*хөөр*, в калмыцком – =*хар*/=*хэр*, которые образовались за счет оформления орудным падежом причастия будущего времени =*qu*, то есть =*qu* + *bar*/=*kü* + *ber*.

В нижнеудинском говоре бытует особая форма опасения с показателем =*кшакба*/=*киэкбэ*/=*кшокбо*, отсутствующая в литературном бурятском языке и восточных бурятских говорах. По свидетельству А.А.Дарбеевой, эта форма выражает «... опасение или предостережение, относящееся к совершению действия в будущем, например: *Бии унтакшакба* «Как бы я не уснул»; *Өөн ошокшокбо* «Как бы он не пошел туда»; *Шиин уукшакба* «Как бы ты не выпил!». Форма на =*кшакба*, обладая общим смысловым содержанием с формой опасения =*гшаб*, существующей в аларском и эхирит-булагатском говорах, отличается от последней тем, что, во-первых, не принимает личных показателей, а =*гшаб* употребляется во всех трех лицах обоих чисел ..., во-вторых, имеет другой фонетический облик. В нижнеудинском говоре имеется вторая форма опасения с суфф. =*лää*, соответствующая форме =*лай*, которая существует в большинстве бурят-

ских говором (но отсутствует в хоринском). Примеры: *мартлйаб* «как бы я не забыл», *карлйаб* «как бы я не увидел» [Дарбеева 1978, с. 109].

Среди повелительно-желательных форм нижеудинского говора, которые в основном соответствуют общебурятским, специфичными являются формы 3-го лица, имеющие показатели =*тагаак*/=тэгээк/ =*тогоок*, а также =*тагаан*/=тэгээн/=*тогоон*. Об этих формах 3-го л. А.А. Дарбеева пишет следующее: «В НУД суффикс =г применяется очень редко, основная форма повелительно-желательного наклонения – это =*тагаак* (=тэгээк). Примеры: *Өөн диртэгээк!* «Пусть он придет!»; *Бы күндэктыы эдэшэ нуутагааг!* «Не трогайте (ребенка), «пусть кушает!»; *Өнөөдөр ошкобээ, амартагаан* «Сегодня не пойдет, пусть отдыхает»; *Абааткадаа абааштагаак* «Если хочет взять, пусть забирает»; *хуртагаак* «пусть учится», *тамартагаак* «пусть купается». В нижеудинском говоре наблюдается вариация суффикса =*тагаак* ~ =*тагаан* с дифференциацией во временном аспекте: =*тагаак* (=тэгээк) содержит значение повеления, желания совершить какое-либо действие в будущем: *оон бы уйтагаак* «пусть он не скучает» (в будущем); *оон бы сукалдатагаак* «пусть он не сердится». Форма на =*тагаан* (=тэгээн) предполагает действие, которое должно совершиться в настоящий момент: *Пеэтиш бишзгээ зуртагаан* «Пусть Петя сейчас напишет письмо»; *нуусть уйлтагаан, гурбуулан нуутагаан* «пусть плачут (в данный момент), пусть втроем сидят»; *зуртагаан* «пусть пишет сейчас»; *Мэнэр айшимнйя зуртагаан* «Молчи, пусть гостья пишет (в данный момент)»; *Көөкйөө маамкадын абааштагаан* «Пусть сейчас отведет ребенка к матери». Вторым значением формы =*тагаан* является обозначение действия, мыслимого во временном аспекте, абстрактно, т.е. без соотнесения с конкретным временем. Примеры: *Уркээртнйя наран шарша бйятагаан, үүдээртнйя үбгэд һайдуут оршо бйятагаан! мүртнйя мэнгэн больди бйятагаан, каргуйтнйя калтан больди бйятагаан* «Пусть всегда сияет солнце в вашем доме, пусть всегда заходят к вам старики и высшие сановники, пусть дорога ваша будет всегда удачливой, пусть путь ваш будет без препятствий» [То же, с. 107-108].

По данным А.А. Дарбеевой, сходные с нижнеудинскими формы бытуют еще только в эхирит-булагатском говоре – *=тгайг/=тгээг* и баргузинском – *=тгаэг/=тгииг* [То же, с. 107]. По мнению Г.Д. Санжеева, они представляют собой слияние двух разных показателей 3-го л. данного склонения: **=туγai* и **=γ*, то есть бур.НУ *=тгааг*, эхир., барг. *=тгайг* < **=туγai* + *=γ* [Санжеев 1963, с. 115]. В других бурятских говорах и вообще монгольских языках подобного слияния этих форм нет.

Другие формы повелительно-желательного склонения в нижнеудинском говоре в общем совпадают с таковыми иных бурятских диалектов и литературного бурятского языка, а также прочих монгольских языков. В исследуемом говоре они лишь получили несколько отличное фонетическое оформление [Дарбеева 1978, с. 105-108]. Так, пропозитивная, или волюнтаривная, форма 1-го лица, имеющая в литературном бурятском языке показатель *=хуу/=хуу*, в нижнеудинском говоре утратила начальный *-h-* и звучит как *=уу/=үү*, например: *ошуу* (лит.-бур. *ошоһууб*) «пойду-ка я», *каруу* (лит.-бур. *хараһууб*) «посмотрю-ка я». Далее. Повелительно-пригласительная форма 1-го лица имеет формант *=ыи/=ии*, например: *тоолындэ!* «давай почитаем!» (ср. лит.-бур. *тоолоёбди!* «давай посчитаем!»), *карыбда!* (ср. лит.-бур. *хараябди!*) «давай посмотрим!». Он восходит к общемонгольской форме **=ja/*=je*. Здесь, как видно, выпал начальный *-j-*. Повелительная форма, или императив, для 2-го лица ед. числа в нижнеудинском говоре, как и вообще в монгольских языках, совпадает с основой глагола. Отличие в данном случае говора от литературного бурятского языка состоит в том, что в говоре основы глагола в этой форме теряют конечный гласный и звучат кратко, наподобие того, как это происходит в халха-монгольском и калмыцком языках, например:

<u>бур.НУ</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>калм.</u>	<u>стп.-м.</u>	<u>значение</u>
<i>ап</i>	<i>аба</i>	<i>ав</i>	<i>ав</i>	<i>ab</i>	возьми
<i>ош</i>	<i>ошо</i>	<i>оч</i>	<i>од</i>	<i>oči</i>	пойди
<i>кэл</i>	<i>хэлэ</i>	<i>хэл</i>	<i>кел</i>	<i>kele</i>	скажи
<i>тэп</i>	<i>таби</i>	<i>тавь</i>	<i>тэв</i>	<i>talbi</i>	поставь
<i>бот</i>	<i>бодо</i>	<i>бос</i>	<i>бос</i>	<i>bos</i>	встань
<i>дир//ийр ерэ</i>		<i>ир</i>	<i>ир</i>	<i>ire</i>	иди сюда

Как утверждает А.А. Дарбеева, в нижеудинском говоре при вежливой и в то же время настойчивой форме повеления 2-го лица ед. числа используется аффикс =ыыш/=иши, например: *ошыыш!* «иди!», *бодыыш!* «вставай же!». Этот показатель может принимать после себя усилительную модальную частицу таа, в результате чего образуется составной аффикс =ыыштаа/=ишиштаа, например: *ошыыштаа* «пожалуйста, сходи», *бодыыштаа* «пожалуйста, встань». Последний формант выражает особенно настойчивую просьбу, упрашивание [То же, с. 106]. Повелительная форма 2-го лица мн. числа в говоре звучит как =ктыы, почти как =гты в большинстве бурятских говоров и литературном языке и =хты в эхирит-булагатском говоре. В нижеудинском говоре этот показатель тоже не гармонирует, например: бур.НУ *дирэктыы* ~ *йирэктыы* «приходите» (ср. лит.-бур. *ерэгты* id.), бур.НУ *ошоктыы* «пойдите» (ср. лит.-бур. *ошогты* – id.). В халха-монгольском языке этой форме соответствует =гтун/=гтүн (*ирэгтун* – id., *очигтун* – id.), в калмыцком – =тн (*иртн* – id., *одтн* – id.). Г.Д. Санжеев возводит все эти показатели к более архаичной форме *=уин [1963, с. 103].

В качестве отрицательно-запретительной частицы при повелительно-желательном наклонении в нижеудинском говоре используются две частицы, ставящиеся в препозицию, – буу (с вариантами бүү, быы, б) д и битгыы. При этом первая частица более употребительна, особенно ее вариант быы. Варианты буу и бүү встречаются, по наблюдению А.А. Дарбеевой, преимущественно в речи старшего поколения. Примеры: *быы бот!* «не вставай», *быы мэнэр!* «не молчи!», *быы кудалдаш ап!* «не покупай!», *Быы гэлдэрэк!* «Пусть не трогает!», *Иигээт буу йаа!* «Так не делай!», *Буу тургэдэ, турйээгээ гэшкэкэш* «Не спеши, людей насмешишь» (букв. «Не спеши, стопчешь голенища»), *Бүү оштогоок!* «Пусть не ходит!», *Шингаар карандаашаа бүү дар!* «Не дави сильно на карандаш!», *Гол узээбээдээ годоһоо быы тээл!* «Не снимай унтов, не увидев реки!», *Быы дэмээрэктыы!* «Не волнуйтесь!». Вариант б используется в том случае, если основа глагола начинается с гласного. Образовался он при слиянии запретительной частицы буу/быы с анлаутным гласным основы. При этом от частицы остается один согласный б, гласный частицы растворяется в анлауте глагольной основы, в ре-

зультате чего в анлауте появляется долгий гласный, например: *боош* «не ходи» (< *буу ош*), *буун* «не упади» (< *буу ун*), *бааб* «не бери» (< *буу аб*) [Дарбеева 1978, с. 106, 117]. Бур.НУ *буу...* является общемонгольским по происхождению и имеет полные аналогии как в бурятском литературном языке и всех бурятских говорах, так и во всех монгольских языках, в которых она звучит как *буу/бу/бүү/бү* [Дарбеева 1978, с. 116, 118; Санжеев 1963, с. 118-119].

По утверждению А.А. Дарбеевой, «Частица *битгыы* практически выходит из употребления. Она изредка встречается в речи лиц старшего поколения. Например: *битгыы ан!* «не бери!», «не трогай!», *битгыы кхуу!* «не сиди!», *битгыы кэл тиши!* «не говори так!», *эннээ битгыы уу!* «не пей это!». Частица *битгыы*, кроме нижнеудинского говора, имеется еще в трех бурятских говорах: сартульском, цонгольском и хамниганском, т.е. в таких, носители которых этногенетически связаны с монголами. И в этих говорах она употребляется редко» [Дарбеева 1978, с. 117]. Запретительная частица *битгий* характерна для халха-монгольского языка, в котором она имеет преимущественное употребление в формах императива, употребляясь в повелительно-желательном наклонении наряду с *буу/бүү* [Тодаева 1951, с. 164, 166], например: *буу март* «не забудь», *бүү эндүүр* «не ошибайся», *битгий асга* «не проливай», *битгий яв* «не уезжай». В калмыцком языке употребляется частица *бичэ* с вариантами *бичкэ* ~ *бичгэ*, восходящее к *битегей* [Грамматика калмыцкого языка, с. 193]. О генезисе монгольской запретительной частицы *битгий* Г.Д. Санжеев писал следующее: «Относительно происхождения второй частицы отрицания Б.Я. Владимирцовым было высказано ныне никем не оспариваемое предположение о том, что она представляет собой консессивную форму вспомогательного глагола *бу-* (*бө-* ~ *бу-*) «быть»: *бутугеи* «пусть будет». Конечно, с семасиологической точки зрения трудно понять, как из положительной формы консессива древнейших монгольских диалектов с течением времени в некоторых современных монгольских языках могла получиться частица с отрицательным значением ... Однако другого, более удовлетворительного предположения об этимологии этой мон-

гольской отрицательной частицы высказать пока невозможно» [Санжеев 1963, с. 118-119]. Не отрицая этимологии, выдвинутой Б.Я. Владимирцовым и поддержанной Г.Д. Санжеевым, нам хотелось бы здесь высказать наше мнение по поводу происхождения монгольской запретительной частицы *битгий* (ср. стп.-м. *bitegei*). Мы предполагаем, что х.-монг. *битгий*, более архаичная форма которого **битегей* зафиксирована в старописьменном монгольском языке, образовалось за счет фонетического сращения выражения *бу тэгье* (в живом произношении звучащего как *бу тэгий*), означающего «давай, не будем так делать». Кстати, нечто подобное высказывал в свое время Алексей Бобровников [1849, с. 176]. В нижнеудинском говоре повелительно-пригласительная форма 1-го лица звучит как =*ыы* и именно она представлена в генезисе запретительной частицы нижнеудинского *битгыы*.

Бурятские формы повелительно-желательного наклонения в историко-сравнительном освещении были подробно рассмотрены Ц.Б. Цыдендамбаевым [1979, с. 135-140].

Формы изъявительного наклонения в нижнеудинском говоре в основном те же, что и в литературном бурятском языке и других бурятских говорах, в то же время они имеют общемонгольский характер. Так, в говоре зафиксированы следующие формы индикатива:

1) настоящее-будущее время с показателем =*на*/=*нэ*/=*но*/=*но*, например: *ошно* «пойдет», *гарна* «выйдет», *дирнэ* ~ *йирнэ* ~ *ирнэ* «придет», *кэлнэ* «скажет», *мэднэ* «знает», *зооно* «везет». Как и в императиве 2-го л. ед.ч., здесь тоже употребляется краткая форма основы без краткого конечного гласного основы. В литературном бурятском языке представлены соответственно словоформы *ошноно*, *гарана*, *ерэнэ*, *хэлэнэ*, *мэдэнэ*, *зөөнэ* с теми же значениями. В данном случае нижнеудинские формы напоминают скорее халха-монгольские и калмыцкие, в которых тоже стоят краткие основы. Ср. например, халха-монгольские соответствующие словоформы *очно*, *гарна*, *ирнэ*, *хэлнэ*, *мэднэ*, *дзөөно* и калмыцкие *одна*, *һарна*, *ирнэ*, *келнэ*, *меднэ*, *зөөнэ* с теми же значениями. В старописьменном монгольском языке соответственно представлены словоформы *ocinam* // *ocimui*, *γarunam* // *γarumui*, *irenem* // *iremui*, *kelenem* // *kelemui*, *medenem*

// *medemui*, *Јоҕенет* // *Јоҕетмуй*, то есть полногласные основы [подробнее об этой форме см.: Грамматика бурятского языка, с. 263-264; Цыдендамбаев 1979, с. 128-129; Санжеев 1963, с. 119-125; Грамматика калмыцкого языка, с. 206-211; Порре 1955, р. 261-263]. В нижеудинском говоре эта форма изменяется по лицам, то есть спрягается. Спряжение в говоре, как и в литературном бурятском языке и остальных бурятских говорах осуществляется за счет присоединения к показателю этой формы особых лично-предикативных частиц, произошедших от личных местоимений. Частицы эти следующие:

Ед. ч.

<u>бур.НУ</u>		<u>лит.-бур.</u>
1-е лицо	- <i>n</i> / - <i>m</i> (< - <i>b</i> < <i>би</i> – я)	- <i>b</i> (< <i>би</i>)
2-е лицо	- <i>ш</i> (< <i>ши</i> – ты)	- <i>ш</i> (< <i>ши</i>)
3-е лицо	–	–

Мн. ч.

1-е лицо	- <i>бди</i> / - <i>мди</i> (< <i>биди</i> < <i>бидэ</i> – мы)	- <i>бди</i> (< <i>биди</i> < <i>бидэ</i>)
2-е лицо	- <i>т</i> (< <i>та</i> – вы)	- <i>т</i> (< <i>та</i>)
3-е лицо	–	-(- <i>д</i>) (< <i>эдэ</i> – они).

В халха-монгольском языке и старописьменном монгольском подобного спряжения по лицам не происходит. Аналогичное бурятскому спряжение глаголов по лицам представлено в калмыцком языке, а из других языков также еще в дагурском и в дархатском говоре монгольского языка.

Сравним спряжение в этой форме бур.НУ *һуукайаа* «сидеть»; «жить»:

<u>бур.НУ</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>калм.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>значение</u>
<i>би һуунап</i> ~ <i>һуунам</i>	<i>би һуунаб</i>	<i>би суунав</i>	<i>би сууна</i>	я сижу
<i>ши һуунаши</i>	<i>ши һуунаши</i>	<i>чи суунач</i>	<i>чи сууна</i>	ты сидишь
<i>оон һууна</i>	<i>тэрэ һууна</i>	<i>тер сууна</i>	<i>тэр сууна</i>	он сидит
<i>бид</i>	<i>бидэ</i>	<i>бидн</i>	<i>биид</i>	мы
<i>һуунамди</i> ~ <i>һуунабди</i>	<i>һуунабди</i>	<i>суунавидн</i>	<i>сууна</i>	сидим
<i>та һуунат</i>	<i>та һуунат</i>	<i>тадн суунат</i>	<i>та сууна</i>	вы сидите
<i>өөт һууна</i>	<i>тэдэ һууна(д)</i>	<i>тедн сууна</i>	<i>тэд сууна</i>	они сидят.

В дагурском языке подобные лично-предикативные частицы сохранили гораздо большую связь с личными местоимениями [Тодаева 1986, с. 63]. Спряжение глагола *сау*= «сидеть» в дагурском языке будет выглядеть следующим образом: *бии сау-бэйбии* (// *саубэйбэе*), *шии саубэйшии* (// *саубэйшеэ*), *инн сау-бэй*, *баа саубэйбаа*, *таа саубэйтаа*, *аан саубэй*;

2) настоящее конкретное время, происходящее в момент речи, выражаемое аналитической конструкцией, составленной из значимого глагола, стоящего в форме соединительного деепричастия, и одного из служебных глаголов – *бээ*= (< *бээ*= «быть, находиться; стоять») и *кэптэ*= (< *кэптэ*= «лежать; ложиться»), которые указывают здесь лишь на нахождение субъекта в состоянии совершения какого-либо действия. Эта же аналитическая конструкция является в то же время формой выражения длительного вида. Особенно явственно этот вид проявляется в формах прошедшего и будущего времен. В настоящем времени она оформляет действие/состояние, протекающее именно в момент речи. Спряжение по лицам происходит по приведенному выше образцу, причем лично-предикативные частицы присоединяются непосредственно к служебным глаголам, стоящим в форме настояще-будущего времени с показателем =на... Примеры: *Би куурдаш бээнап* «Я играю на гармонии», *Ши каана хуржа бээнаш?* «Ты где учишься?», *Каана-каана улат йатша кэптнэ* «Везде люди живут». Спецификой нижнеудинского говора в данном случае является полная формализация глагола *кэптэ*= «лежать; ложиться» и использование его наряду с давно уже формализовавшимся глаголом *бээ*= для образования форм длительного вида и настоящего конкретного времени. А.А. Дарбеева считает его «... наиболее употребительным вспомогательным глаголом ... (в отличие от литературного бурятского языка и других говоров). .. Примеры: *Йамар улат йатша кэптнэ?* «Какие люди здесь бывают?»; *Кура оршо кэптнэ* «Дождь идет»; *Күлөө угааша кэптнэ* «Моет ноги». В этих примерах нет никакого намека на медлительность или затруднение в процессе действия (ср.: *Күн гүйди кэптнэ* «Человек бежит»). Глагол *кэптнэ* не утратил своего значения «лежать», но в сочетании с соединительным деепричастием он выполняет роль грамматического показателя в большей степени, чем *хэптэнэ* в литератур-

ном бурятском языке. Это объясняется тем, что *кэптнэ* в нижеудинском говоре сочетается с любым основным глаголом независимо от смыслового содержания последнего и не сращивается с ним, тогда как *хэптэнэ* в литературном бурятском, сочетаясь с немногими глаголами, придает им определенную смысловую направленность. Происходит это потому, что *хэптэнэ* даже в роли вспомогательного глагола не утратил своего смыслового значения и это мешает ему сочетаться с любым глаголом» [Дарбеева 1978, с. 110].

Такое развитие функции глагола *кэптэ*°, ставшего чисто служебным весьма активным элементом, можно объяснить, на наш взгляд, влиянием соседних саянских тюркских языков, с которыми в лице тофаларского языка активно контактировал нижеудинский бурятский говор, поскольку, как уже отмечалось выше, у нижеудинских бурят издавна были самые тесные связи с тофаларами. В саянских тюркских языках, в частности в тофаларском, как раз и наблюдается широкое использование в аналогичной аналитической конструкции для выражения настоящего конкретного времени в качестве служебного элемента именно глагола *чыът*° «лежать; ложиться», гораздо менее применяются глаголы *тур*° «стоять», *олур*° «сидеть», *чору*° «идти» [Рассадин 1978, с. 204-208]. По-тофаларски говорят, например, *бары чыътыры* «идет туда, уходит», *келі чыътыры* «идет сюда, приходит», *чип чыътыры* «ест», *чоруп чыътыры* «ходит». Здесь тофаларский глагол *чыътыры* (букв. «лежит») функционально полностью соответствует нижеудинскому бурятскому *кэптнэ* (букв. «лежит»).

В бурятском литературном языке и остальных бурятских говорах в качестве вспомогательного глагола используется *бай*°, то есть данная аналитическая конструкция выглядит как =*жа бай*°, например: *нуужа байна* «сидит», *ябажа байна* «идет», *хэптэжэ байна* «лежит», *орожо байна* «входит». Аналогичная конструкция представлена и в халха-монгольском языке, например: *суудж байна* «сидит», *явдж байна* «идет», *хэвтэдж байна* «лежит», *ордж байна* «входит». В калмыцком языке произошло фонетическое слияние деепричастия и вспомогательного глагола, в результате чего образовалась самостоятельная форма настоящего конкретного времени с показателем =*джана*

(=джэна), =чана (=чэнэ), которая спрягается по лицам, приняв лично-предикативные частицы, например: *йовджанав* «я иду», *йовджанач* «ты идешь», *шуурһн шуурчана* «бушует пурга» [Грамматика калмыцкого языка, с. 211]. Подобная же аналитическая конструкция для выражения конкретного настоящего времени была представлена и в старописьменном монгольском языке, в котором в качестве вспомогательных служебных элементов использовались словоформы *bayimui*, *amui*, *bui*, из которых первые два представляют собой форму настоящего-будущего времени на =*tui*... от глаголов *bayi*= «стоять, находиться; быть, пребывать», *a*= «быть», а *bui* – форма древнего причастия настоящего времени от недостаточного глагола *bö*=//*bö*= «быть; стать», причем эти вспомогательные глаголы взаимозаменяемы. Значимый глагол ставился в форму соединительного деепричастия, например: *yabuju bayimui* // *yabuju amui* // *yabuju bui* «идет». Кстати, по нашему мнению, именно древний монгольский служебный глагол *amui* (< *a*= «быть»), превратившись в дагурском языке в *aabэй* (< *aa*= «быть»), слился с деепричастием на -дж в негармонирующий показатель настоящего времени =*джаабэй*, например: *сауджаабэй* «сидит», *идэджаабэй* «ест» [Тодаева 1986, с. 66]. Как видно, эта аналитическая конструкция достаточно древняя в монгольских языках и везде выражает настоящее конкретное время;

3) прошедшее время с показателем =*ба*/=*бэ*/=*бо*, который восходит к общемонгольскому древнейшему аффиксу *=*ba*/=*be*, зафиксированному в этом виде в старописьменном монгольском языке всех периодов, в средневековых письменных памятниках. В современных монгольских языках он гармонирует по составу гласных глагольных основ. Г.Д. Санжеев поддерживает предположение об этимологической связи этого аффикса с тюркским =*p* (= *n*) и маньчжурским =*phi*, показателями деепричастия прошедшего времени в этих языках, в чем и усматривается первоначальная форма претеритного отглагольного имени в протоалтайских языках. Г.Д. Санжеев называет эту форму перфектным претеритом [подробнее об этой форме, ее распространении в монгольских языках и этимологии см.: Санжеев 1963, с. 129-130, 193-194].

В нижнеудинском говоре, как и в литературном бурятском языке и других бурятских говорах, эта форма спрягается по лицам при помощи тех же лично-предикативных частиц, что и в формах настоящего времени. При этом и здесь в говоре употребляются сокращенные глагольные основы без обычных для бурятского языка конечных кратких гласных. Примеры:

<u>бур.НУ</u>	<u>лит.-бур</u>	<u>калм.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>стп.-м.</u>	<u>значение</u>
<i>би орбоп</i>	<i>оробоб</i>	<i>орув</i>	<i>оров</i>	<i>oruba</i>	я вошел
<i>ши ор- бош</i>	<i>оробош</i>	<i>оруч</i>	<i>оров</i>	<i>oruba</i>	ты вошел
<i>өөн орбо</i>	<i>оробо</i>	<i>орв</i>	<i>оров</i>	<i>oruba</i>	он вошел
	<i>бид орбобди</i>	<i>орувди</i>	<i>оров</i>	<i>oruba</i>	мы вошли
	<i>оробобди</i>				
<i>та ор- бот</i>	<i>оробот</i>	<i>орут</i>	<i>оров</i>	<i>oruba</i>	вы вошли
<i>өөт орбо</i>	<i>оробо(о)</i>	<i>орв</i>	<i>оров</i>	<i>oruba</i>	они во- шли

гарба «вышел», *ошбо* «пошел», *ошбоп // ошобоп* «я ходил», *йирбэ* «пришел», *курбэ* «достиг», *дуудба* «закончил, завершил», *дуулба* «пел»;

4) прошедшее время на =аа..., восходящее к причастию настояще-прошедшего времени, как и в литературном бурятском языке и других бурятских говорах. Гармонирующими показателями данной формы везде в бурятском языке, в том числе и в нижнеудинском говоре, будут =аа/=ээ/=оо/=өө, -гаа/=гээ/=гоо/=гөө. Ср., например, бур.НУ *Би гараан табин кошоотко жилдэ* «Я родилась в 1952-м году»; *Би Шугуул дээр гараан* «Я родилась в Шугуле (с. Кушун)»; *Нээмайаа дууһаан Кандээлда* «Восемь классов я окончила в Солонцах»; *Бидэ нүкэртэйээ отпусаар йирһэн бээгаабди* «Мы с мужем приехали в отпуск»; *Дэшэн кошоотко жилдэ намээйа аармида абаа* «В 1942-м году меня взяли в армию»; *Би кураан шкоолдо* «Я учился в школе»; *Служишлээн солдаатом* «Я служил солдатом»; *Сээжээм карбаа* «Меня ранили в грудь»; *зөөгөө* «возил»; *ошообди* «мы пошли»; *болоо* «стал, сделался»; *долёогоо* «лизал».

Выше мы уже говорили, что это причастие уже приобрело статус прошедшего времени индикатива. Кстати, в «Грамматике бурятского языка. Фонетика и морфология» [с. 268] об этом сказано буквально следующее: «Данное причастие в бурятском языке употребляется преимущественно в предикативной позиции, часто и без связки, тем самым приближаясь по своей грамматической природе к формам изъявительного наклонения». В нижнеудинском бурятском говоре это очень частотная форма прошедшего времени. Используется она с лично-предикативными частицами, при помощи которых происходит спряжение, например:

Ед. ч.	Мн.ч.
<i>би гараан</i> (я вышел)	<i>бид гараабди</i> (мы вышли)
<i>ши гарааш</i> (ты вышел)	<i>та гараат</i> (вы вышли)
<i>өөн гараа</i> (он вышел)	<i>өөт гараа</i> (они вышли).

Анализируя генезис этой формы, Г.Д. Санжеев поддерживает мнение Г.И. Рамstedта: «Суффикс *-га* Г.И. Рамstedтом был идентифицирован, с одной стороны, с суффиксом тюркского деепричастия настоящего времени *-а*, и, с другой, с суффиксом же маньчжурского причастия прошедшего совершенного времени *-ка* ~ *-ха*, что в целом, по его мнению, позволяет говорить об алтайском праязыковом отглагольном имени» [Санжеев 1963, с. 137].

б) будущее определенное время с показателем $=ка / =кэ / =ко$, являющимся показателем причастия будущего времени, о котором подробнее сказано выше. Спряжение глаголов в данном времени происходит при помощи присоединения тех же лично-предикативных частиц, например:

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>би мэткэп</i> (я узнаю)	<i>бид мэткэбди</i> (мы узнаем)
<i>ши мэткэш</i> (ты узнаешь)	<i>та мэткэт</i> (вы узнаете)
<i>өөн мэткэ</i> (он узнает)	<i>өөт мэткэ</i> (они узнают).

Такое предикативное употребление формы причастия будущего времени с лично-предикативными частицами характерно

для всех бурятских говоров и литературного бурятского языка. В нижнеудинском говоре это тоже весьма частотная форма. Примеры: *Камар, нидэн, йуумыш мэткэ энэ мангат* «Нос, глаза, что хочешь знает этот русский»; *Биш ояать кхуркайаа ошкоч* «Я опять пойду учиться»; *Өөн февральда арбаа дүүркэ* «Она в феврале закончит десятый класс»; *Рабооча пчилаа раамуудаа татка, коорма зөөкэ* «Рабочие пчелы затягивают рамы, носят корм».

Следует отметить наличие в нижнеудинском бурятском говоре особой формы интенсива с показателем =*ыитти*, =*тти*, =*ти* / =*ть*, который присоединяется к основе глагола перед суффиксом наклонения. Употребляется этот показатель для выражения интенсивно-завершенного или завершаемого действия со всеми временами. Примеры: *эдиттикэ* «съест», *ууттика* «выпьет», *күртибэн* «я достиг», *залуу болтеэбди* «мы помолодели», *Уровень знаанинь тэкиэ большиттеэ* «Уровень их знаний сравнялся», *асрыиттиба* «принес», *Нэгэ тэрбэгэр картуус ашыиттеэн* «Я купила какую-то кургузую фуражку», *Ужээ халбар би нэрээ гээттинэм* «Уж если разведусь, то потеряю свое имя».

Как можно видеть из примеров, вариант этого показателя =*ыитти* не гармонирует с основой глагола. Ср. еще *абыиттеэ* «взял», *гарыиттеэ* «вышел», *йирыиттеэ* «пришел». Особенно явственно это проявляется с формой прошедшего времени на =*аа*...

В литературном бурятском языке этой нижнеудинской форме соответствует показатель =*жархи* / =*жэрхи*, произошедший от слияния соединительного деепричастия на =*жа* / =*жэ* и служебного глагола *орхи*=. Ср., например, лит.-бур. *асаржархиба* «принес», *ерэжэрхибэ* «пришел».

Из других бурятских говоров интенсив на =*атти*, =*тти* активен в присаянских говорах, например, в окинском: *хааттина* «закроет», *алдаттёоб* «я промазал», *тататтиба* «натянул»; в тункинском: *ябаттиба* «ушел», *ууттина* «выпьет», *хараттёо* «увидел», в которых, как мы предполагаем, он произошел за счет фонетического слияния и опрощения формы соединительного деепричастия на =*жа* / =*жэ* / =*жо* и служебного глагола *орти* (= *orki*=), соответствующего бур.-лит. *орхи*= [Рассадин

1996, с. 81, 86]. Представлена эта форма и в аларском говоре, о чем Н.Н. Поппе писал буквально следующее: «... Мы имеем глаголы, которые придают глаголам, к которым они относятся, совершенно особые оттенки значения. Так, например, большую роль играет глагол *орх'о-* (~ *орс'о* – или даже *ох'о* – ~ *ос'о* -) «бросать». В сочетании с деепричастием (преимущественно *converbum imperfecti*, см. § 153) он имеет значение заключения действия, окончательного совершения его, напр., *хајажа орх'о* «бросил» (совсем). Глагол этот часто сливается с деепричастной формой в одно целое, например: *нарһан орһотт'иб'о* «солнце зашло» (< **oruγad orkiba*)» [Поппе 1930б, с. 99-100].

Отрицательные формы времен изъявительного наклонения в нижнеудинском говоре образуются при помощи отрицательных частиц двух типов:

1) *-боо* (происходит от отрицания *үбэй // үбой // үбой* < *ügei*), которой в литературном языке соответствует отрицательная частица *-гүй*, восходящая к лит.-бур. *үгы* [Грамматика бурятского языка, с. 320-321]. Данная частица в нижнеудинском говоре присоединяется к окончаниям причастий и формам времен изъявительного наклонения, кроме формы прошедшего времени на *-ба...*, например: *Би каанаш йабаабоо* «Я никуда не уходил»; *Нэгэ жил һураабоо* «Один год я не учился»; *Битиикат мангаар шидакбоо* «Ребятишки по-русски не могут (говорить)»; *Мани эндэ кадмаа нэрээрынь нэрлэкбоо* «У нас здесь своего свекра по имени не назовут»; *Руускаараа кым мэднэбоо* «Я не знаю, как ее зовут по-русски»; *Миньтеэкэ басаган ишоо арбан дэрбэйээ дүүрээбөө, но табан табааткань удакбоо* «Моей дочери пока еще четырнадцать не исполнилось, но скоро будет пятнадцать»; *Кэндэш кэльдү үгнэбөө* «Никому не скажет».

Получившиеся отрицательные формы спрягаются при помощи лично-предикативных частиц, как и положительные формы. Например:

Ед. ч.

би мэднэбоо (я не знаю)
ши мэднэбоош (ты не знаешь)
өөн мэднэбоо (он не знает)

Мн. ч.

бид мэднэбообди (мы не знаем)
та мэднэбоот (вы не знаете)
өөт мэднэбоо (они не знают).

Судя по материалам Н.Н. Поппе, в аларском говоре представлено аналогичное отрицание, но в отличие от нижнеудинского говора в нем только в 1-м лице обоих чисел употребляются отрицания *-боон*, *-бообди*, в остальных же лицах и числах вместо долгого *-оо-* стоит долгий же *-ээ-*, например: *ябанабоон* «я не иду», *ябанабээш* «ты не идешь», *ябанабээ* «не идет», *ябанабообди* «мы не идем», *ябанабээт* «вы не идете», *ябанабээ* «не идут» [Поппе 1930б, с. 118].

2) Стоящие в препозиции к глагольным формам частицы *үли* и *эһэ*, при этом *үли* используется с формой настоящего-будущего времени, например, *үли мэднэ* «не знает», а *эһэ* – с прошедшим на *=ба...*, например, *эһэ ошбо* «не пошел». Эти нижнеудинские специфические частицы восходят к соответствующим древним монгольским препозитивным отрицательным частицам *ülü* и *ese*, которые представлены в этих же функциях в старописьменном монгольском языке [Бобровников 1849, с. 176-178]. Относительно этих нижнеудинских отрицательных частиц достаточно четко сказано у А. А. Дарбеевой, поэтому мы здесь полностью приводим ее описание: «К препозитивным в НУД относятся *үли*, *эһэ*, активно употребляющиеся почти во всех изолированных монгольских языках ... В современном монгольском языке *ул* употребляется редко, а в ЛБ и в ряде его говоров (аларском, тункинском, баргузинском) частица *үлэ*, полностью утратив свою функцию и уступив место постпозитивной частице отрицания *үгы* (*гүй*), зафиксирована только в сочетании с глаголом *мэдэхэ* «знать». Однако и в этом случае *үлэ* не выражает полного отрицания (например, *үлэ мэдээшэ болоод байна* означает «сделал вид, что не знает» (фактически – знает). Только в НУД отрицательная частица *үли* широко распространена и имеет значение полного отрицания. Примеры: *Нокоонь мани үли зуун* «Их собака нас не кусает»; *Тэрнээ ондоо ули мэднэм* «Кроме того, я ничего не знаю»; *Намда үли оросныы?* «На меня не похож?»; *Шиниисээн талкаар шинакада шара һээн үли гарна* «Когда саламат варишь из пшеничной муки, масло плохо вытапливается»; *Тани мэндүүрнэ гээт, мика үли шинабав, үндэгэ үли шинабав* «Так как Вы торопитесь, я не

сварила ни мяса, ни яиц»; *Пирашкии диндэ үли эднэптэ?* «Почему пирожков не кушаете?»; *Дуульди брэдһаар үли шидна* «По-бурятски петь не умеют»; *Уттрээн бид үли саснамди* «Мы рожь не сеем»; *Саарһандьыиш нэгэ круук үли мэднэм* букв. «В смысле грамоты я ни крючка не знаю»; *Каанаш үли мургэнэм* «Нигде и никому не молжусь».

Прекозитивной частице *үли* нижеудинского соответствует в литературном бурятском языке и его диалектах и говорах посткозитивная частица *гүй* (боэ), превратившаяся в постфикс. Примеры: *Дуулжаш үли шидашап, зугаалжаш үли шидашап* «Ни петь не умею, ни разговаривать не умею». Ср. в литературном бурятском: *Дуулжашье шаднагүйб, зугаалжашье шаднагүйб*.

Отрицательная частица *үли* имеет фонетический вариант *үйи*: *Би үйи ошном* «Я не бываю»; *Амандааш үйи кээшаан* «Он и в рот не брал»; *Үйи мэднэм ни ноомира афтообуса, ни кудаа йэ-эхать* «Не знаю ни номера автобуса, ни куда ехать»; *Мэнээ һуркадаа мангаттаа үйи дутна, ууровень знааний тэкиэ болоо* «Теперь в учебе они (дети) не отстают от русских, уровень знааний стал одинаковым».

Частица *үйи* образовалась от *ули* в результате чередования палатализованного *л'* со среднеязычным *ј* на основе общности по месту образования этих звуков. Правда, чередование *ј* и *л'* (в слове *колүүлан* вм. *којуулан* «вдвоем») редко встречается в нижеудинском говоре.

Частица *үйи* имеет в свою очередь варианты *үйү* и *йүү*. Частица *үйү* образовалась от *үйи* в результате регрессивной ассимиляции. Примеры: *Ошио үйү үгнэ* «Не хочет ехать»; *Үйү кэлнэ* «Не говорит»; *Мэнээ одоо ээнал улат?, үйү ээн* «Разве теперь люди боятся? Не боятся»; *Нурша үйү үгнэ* «Не хочет учиться».

Частица *йүү* представляет собой усеченный вариант от *үйү*. Примеры: *Кура йүү орно* «Дождь не идет»; *Үнгэдэ үйү ошно* «В Унгу не ездит»; *Намээ йи йүү зууна* «Меня собака не кусает»; *Би йүү мэднэб* «Я не знаю»; *Һартяак йүү олооп* «Грибов я не нашла».

Отрицание *йүү* в нижнеудинском говоре фонетически совпадает с вопросительной частицей *юуу* «что» ... В этом говоре ... вопросительная частица *юүү* нередко произносится как *д'үү*. Сами носители языка строго разграничивают их интонационно.

Таким образом, у частицы *үли* в нижнеудинском говоре в процессе развития появились фонетические варианты: *үли* > *үйи* > *үйү* > *йүү*. Наибольшая частотность употребления падает на *ули*, затем *үйү*, реже *йүү* и *үйи*. Частицы *үйи*, *йүү* чаще встречаются в речи молодежи и двуязычных русских.

Второй препозитивной частицей отрицания является *эһэ*: *Праанькаш ошкоол эһэ дуудба, нэгэш йүүма эһэ дуудба* «Пранька школы не кончала, ничего не кончала»; *Күдээ эһэ ош-боб* «В лес не ходила»; *Эбһэйээ соможо эһэ дуудбан, кура оро-от мишгэльтэ* «Не успел заготовить сено, дождь помешал».

Частица *эһэ* употребляется преимущественно с глаголами прошедшего времени, а *үли*, *үйи* – преимущественно с глаголами настоящего и будущего времени, т.е. они сохранили свои свойства сочетаемости с теми же временными формами глагола, которые были присущи им еще в более ранний период.

Однако и здесь наблюдается некоторое своеобразие в нижнеудинском говоре в связи с тем, что частицы *үли* и *эһэ* не всегда употребляются строго в определенном значении времени, т.е. *ули* может встретиться с глаголами прошедшего времени вместо ожидаемого настоящего времени, а *эһэ* – с формой настоящего времени вместо прошедшего. Правда, такое нарушение встречается преимущественно в речи молодого поколения.

Возможно, именно ослабление этого дифференцирующего признака у *үли* и *эһэ* послужило одной из причин некоторого затухания функций *эһэ* в нижнеудинском говоре и усиления функций *үли* с множеством фонетических вариантов.

В литературном бурятском языке *эһэ* встречается очень редко, лишь в некоторых фразеологических словосочетаниях с отрицанием *гүй*» [Дарбеева 1978, с. 117-121].

Поскольку нижнеудинский бурятский говор представляет собой язык лишь устного общения, и над ним не довлеет письменная устоявшаяся литературная форма, в нем обычны раз-

личные фонетические сращения различных форм. О некоторых из них уже говорилось выше, как, например, о сращении служебного глагола *орки*= с соединительным деепричастием =*жа*... значимого глагола. Исследовавшая этот процесс в нижнеудинском глаголе А.А. Дарбеева приходит к следующему выводу: «Разные фонетические варианты одного и того же сращенного слова имеют одно и то же значение. Вместе с тем существует смысловое различие между сращенными и несращенными формами одних и тех же знаменательных глаголов. Например: *абана* «берет», *абыыттина* «забирает»; *абака* «возьмет», *абыыттика* «заберет»; *абаба* «взял», *абыыттиба* «забрал»; *дуулна* «поет», *дуулыыттина* «запевает»; *дуулка* «будет петь», *дуулыыттика* «споет»; *дуулба* «пел», *дуултиба* «запел». Сращенные формы отличаются от несращенных и модально-грамматическим значением. В грамматическом плане сращенные формы выражают законченность, завершенность действия» [То же, с. 130].

Специфика нижнеудинского бурятского говора в области глагола проявляется также и в том, что в нем широко употребляются не имеющие аналогов в литературном бурятском языке формы, образовавшиеся за счет фонетического сращения предикативной частицы прошедшего времени *һэн* с рядом причастных и изъявительных форм. Сама эта частица этимологически восходит к форме причастия прошедшего времени *ауһан* от архаичного глагола **а*= «быть». Это причастие давно уже в истории монгольских языков превратилось в служебный элемент и участвовало в образовании аналитических форм глагола, присоединяясь к именным словам и другим причастиям знаменательных глаголов [Бобровников, с. 163-166].

В литературном бурятском языке «... *һэн*, являясь утвердительной частицей, сочетается с именами и причастиями, к ней могут присоединиться лично-предикативные частицы. Она представляет собой самостоятельное слово, в котором содержится утверждение о действии, уже совершившемся к моменту речи, например: *ябагша һэн* «имел обыкновение ходить», *байгаа һэн* «действительно стоял», *хэлэгшэ һэн* «обычно говорил». Следовательно, *һэн* в литературном бурятском языке сохранилась в функции частицы.

В нижнеудинском говоре происходит несколько иной процесс. Здесь наблюдается двоякая функция этой частицы. Во-первых, *һэн* встречается преимущественно в фольклоре, например: *Конин куригалаа һэн, маньтигар сагаан куса гараа һэн* «Овца объягнилась, появился белый, большеголовый барашек»; *Буркан шибуун газаань йабаа һэн* «По двору ходил голубь». В бытовой речи *һэн* почти не употребляется в качестве утвердительной частицы.

Другая функция *һэн* заключается в сращении *һэн* с сочетаемым глаголом и выпадении фарингального *һ* на стыке двух морфем. В итоге вместо *һэн* образовалась новая форма прошедшего времени *аан* с оттенком достоверности совершившегося действия, например: *гарнаан* (*гарна* + *һэн*) «заведомо вышел», *ошнаан* (*ошно* + *һэн*) «точно пошел», *д'ирнаан* (*д'ирнэ* + *һэн*) «точно пришел», *кэлнаан* «именно сказал» и т.д.

Сращение *һэн* с формой настоящего времени =на (=нэ, =но) образует очевидную форму прошедшего времени. Образования типа *кэлнаан* отличаются от форм прошедшего времени с суфф. =*ыиттеэ* тем, что последние (*кэлыиттеэ*) выражают неожиданно совершившееся действие в прошлом, а *кэлнаан* подчеркивает, что действие происходило в присутствии говорящего. Например: *Шүүдэр үбөө болбор кура орко гэжэ ур'эантит кэлэксаан* «Если нет инея, то будет дождь, – говорили прежде»; *Шидбар күдмэртэ устрооит гэнаан* «Он сказал, что устроит на работу, если сумеет».

Сращение *һэн* с формой причастия будущего времени тоже вносит изменения в семантику этой формы, указывает на возможность или желательность совершения действия в прошлом. Например: *Петя баашаат йиркаан* «Петя принес бы»; *Маам, би асрыттикаам!* «Мама, я бы принесла!»; *Мэнээ болсор бариттикаам!* «До этого времени я уже состряпала бы!»; *Эндэ ошооблаа клюоква олкааниш* «Если бы сюда пошла, нашла бы клюкву»; *иркааниш!* «пришел бы!»; *үскэаниш!* «увидел бы!».

Сращение *һэн* с глагольными формами встречается также и в других говорах, например в байкало-кударинском» [Дарбеева 1978, с. 131-132].

По нашим наблюдениям, в нижнеудинском говоре помимо отмеченных А.А. Дарбеевой сращений =*наан* и =*каан* весьма

употребительно также сращение =*кшаан*, образовавшееся за счет слияния однократного причастия на =*кша...* и предикативной частицы *һэн*, например: *йирэ́кшаан* «приходил», *йабакшаан* «ходил», *кэлэ́кшаан* «говорил», *һуу́кшаан* «сидел». Аналогичное слияние причастия на =*гша* / =*гшэ...* с предикативной связкой *һан* (< *ауһан* < **а* = «быть») в стяженную форму =*гшаан* (негармонирующую, ср., например, *йирэ́гшаан* «приходил») нам приходилось наблюдать в окинском говоре бурятского языка. При этом стяженная форма используется лишь в 3-м лице обеих чисел. В остальных же лицах применяется нестяженная аналитическая форма, например: *ши йирэ́гшэ һанши* «ты приходил», *би йирэ́гшэ һамби* «я приходил», *та йирэ́гшэ һанта* «вы приходили» [Рассадин 1996, с. 70].

Наличие в нижеудинских стяженных формах =*наан*, =*каан*, =*кшаан* широкого долгого твердоядного неогубленного гласного -*аа*-, который в данной форме не подвергается ни палатальной, ни губной гармонии, позволяет с большой долей вероятности предположить, что и в нижеудинском говоре здесь была предикативная связка **һан*, а не *һэн*, ибо иначе эти формы не могли бы без изменения употребляться и в мягкорядных словах.

Таким образом, произведенный выше краткий анализ основных специфических черт нижеудинского бурятского говора в области морфологии показал, что у него немало черт, сближающих его с эхирит-булагатским и хонгодорским ареалами бурятских говоров, а также с другими монгольскими языками, в том числе и с ойратскими. Влиянием со стороны соседних контактирующих тюркских языков саянской подгруппы можно объяснить развитие местоимения 3-го л. *оон* – он, она, а также полную грамматикализацию служебного глагола *кэптэ* (= < *кэптэ* = «лежать»).

1.7.2. Глагол в присаянских говорах

В области глагола окинский говор мало чем отличается от литературного бурятского языка и вообще от бурятского стереотипа. В нем бытуют те же глагольные категории и формы. Так, из неличных форм представлены деепричастия и причастия, из личных – временные формы и наклонения. Рассмотрим их подробнее.

Из причастий в окинском говоре употребительны следующие:

Причастие прошедшего времени, имеющее общебурятский аффикс *-һан* (*-һон*, *-һэн*, *-һон*), восходящий к общемонгольскому *-γсан* [Санжеев 1963, с. 137-138, 215-226]. Данное причастие и в говоре выражает действие, совершившееся до момента речи. Например: *үйһээр хэһэн түйсэ* «туес, сделанный из бересты», *машиндаһан сүү* «сепарированное молоко», *хатааһан урьмэн* «сушеные молочные пенки», *йирэһэн хүн явашоо* «пришедший человек ушел». Это причастие может выступать и в качестве сказуемого, но лишь в сопровождении предикативных связок, являясь по сути дела именной частью сказуемого. Встретились единичные случаи употребления его и в финитной функции, типа: мандза *номоёо тататһиһан* «он натянул свой лук». Обычно же это причастие употребляется со связкой юм, срастаясь с ней фонетически в форму *-һиима // -һиимэ* (< *һан // -һэн юмэ*). Например: *тэрэм-наэ йирһиимэ* «он пришел», *таабаз ошоһиима* «дедушка ушел». Встретилось это причастие и с другими предикативными связками: *би ябаһан бэлэйб* «я уехал».

Причастие будущего времени, имеющее общебурятский аффикс *-ха* (*-хо*, *-хэ*, *-хө*), восходящий к общемонгольскому *-қи* [Санжеев 1963, с. 130-131, 197-205]. Как и в литературном бурятском языке, в окинском говоре данное причастие, «употребляющееся в качестве любого члена предложения, выражает действие, имеющее быть совершенным после момента речи, и в своем предикативном употреблении применяется как с временными связками, так и без таковых. Кроме того, это причастие в качестве сказуемого сопровождается либо лично-предикативными частицами, что свойственно для всех предикативно употребляемых слов, в том числе и причастий, либо лично-притяжательными частицами, что присуще данному причастию» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 271]. Чаще всего в окинском говоре это причастие употребляется в атрибутивной и предикативной функциях. На его основе образуется будущее время, о чем будет сказано ниже.

Употребляясь в атрибутивной функции, данное причастие обозначает действие как признак, действие, которое совершается в будущем. При этом всегда присутствует оттенок достовер-

ности, категоричности, обязательности того, что действие произойдет. Например: *эдиxэ юүмэ* «пища» (букв. «то, что будет есть»), *ойоор угааха таряанха* «тряпка для мытья полов», *неэ хааха хуулга* «подойник», *дархалха гэр* «кузница».

Многочастное причастие, которое имеет аффикс *-даг* (*-дог*, *-дег*, *-дөг*), восходящий к *-day* [Санжеев 1963, с. 133-134, 206-209]. Оно «выражает действие, которое совершается каким-либо предметом часто или неоднократно в течение известного времени, уточняемого связкой (связка настоящего времени чаще всего опускается), или контекстом, если данное причастие применяется в несказуемой функции» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 275]. Основными функциями этого причастия являются атрибутивная и предикативная. Примеры на атрибутивную функцию: *үбнэ сабшадаг газари сабшалан гэхэ* «место, где обычно косят сено, называют покосом», *газар дорһоо дэбэржэ гардаг уһые булаг гэхэ* «воду, бьющую из-под земли, называют родником», *бэйээ магтадаг хүн* «хвостун» (букв. «человек, расхваливающий себя»), *мал хардаг хүн* «скотовод» (букв. «человек, карауляющий скот»), *яһа барьдаг хүн* «костоправ», *йирдэг хүн* «приходящий человек». Употребляясь в предикативной функции, это причастие выступает обычно в качестве именной части сказуемого. При этом в настоящем времени без связки. Например: *тэрэ хүн хэтэ энэ харгый руу ябадаг байгаа* «тот человек всегда ходил по этой дороге», *энэ хүн хэтэ һогтуу ябадаг* «этот человек всегда ходит пьяным», *сүү уудаггүй?* «ты молоко пьешь?», *мани эндэ тииж хэлдэггүй?* «у нас здесь так не говорят».

Однократное причастие, имеющее аффикс: *-гша* (*-гшо*, *-гшэ*, *-гшө*), восходящий к *-үсi* [Санжеев 1963, с. 134-136, 209-212]. Данное причастие «выражает действие, совершение которого представляется обычным для какого-нибудь предмета в течение известного времени... По своему значению и употреблению однократное причастие напоминает постоянное и многократное причастия» [Грамматика бурятского языка, 1962, с. 276]. Обычно это причастие выступает в роли атрибутива и предиката. В настоящем времени может употребляться и без связки. Примеры: *явагша хүн ябана* «ходящий человек идет», *йирэгшэ хүн* (наряду с *йирэдэг хүн*) «приходящий человек», *тэрэ хүн тэньшаа ябагша* «он все время там ходит», *Лобсон буряад хэл*

заагша баэна «Лобсон преподает бурятский язык», *мани эндэ тиижэ хэлэгшэл даа* «у нас здесь так ведь говорят».

Но по частотности употребления, пожалуй, первое место занимает это причастие в составе аналитической формы для выражения продолженного прошедшего времени, образующейся по модели: *-гша һан*. При этом связка *һан* (< **aysan* < **a-* «быть») не гармонирует с причастием. В 3-м лице обоих чисел обычно наблюдается фонетическое сращение *-гша* (*-гшо*, *-гшэ*, *-гшө*) и *һан* в одну форму *-гшаан*, которая тоже не гармонирует с глагольной основой. Примеры: *явагшаан* (< *явагша һан*) «ходил», *хэлэгшаан* (< *хэлэгшэ һан*) «говорил», *мэдэгшаан* (< *мэдэгшэ һан*) «знал». В других лицах употребляется несращенная форма. Полная парадигма спряжения, например глагола *йирхэ* «приходить», в этой форме будет выглядеть так:

<i>би йирэгшэ һамби</i>	я приходил
<i>ши йирэгшэ һанши</i>	ты приходил
<i>тэрэ йирэгшаан</i> (< <i>йирэгшэ һан</i>)	он приходил
<i>бидэ йирэгшэ һамбдэ</i>	мы приходили
<i>та йирэгшаан һанта</i>	вы приходили
<i>тэдэ йирэгшаан</i> (< <i>йирэгшэ һан</i>)	они приходили.

Причастие возможности, имеющее аффикс *-маар* (*-моор*, *мээр*, *-мөөр*), восходящий к *-таг* [Санжеев 1963, с. 132-133, 205-206]. Как и в литературном бурятском языке, в окинском говоре данное причастие «... обозначает действие, совершение которого оказывается возможным, допустимым или необходимым» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 277]. Причастие возможности также употребляется в качестве определения и сказуемого, обычно со связкой. Примеры: *абмаар бүд* «материя, которую стоит взять (в смысле купить)», *хармаар киноо* «кино, которое стоит посмотреть», *энэ киноо хармаар баэна* «это кино стоит (можно) посмотреть», *нөхөрнэз йирмээр баэна* «наш друг может придти».

Страдательное причастие, имеющее аффикс *-аатаэ* (*-оотоэ*, *-ээтэй*, *-өөтэй*). Оно употребляется обычно в качестве атрибутива и предиката и выражает действие, которому подвергается какой-нибудь предмет. Образуется от непереходных глаголов. Примеры: *тавяатэй морин* «конь, отпущенный пастись»,

уяатэй морин «привязанный конь», бүү аз, нохоэ уяатэй баэна «не бойся, собака привязана», бэшээтэй «написанный», алаатаэ шоно «убитый волк», бэлдээтэй хөнджил «приготовленное одеяло», үхэр идеэлээтэй «скот накормлен», зураг зураатаэ «рисунок нарисован», тэрэ юүмэ муу тавяатаэ баэна, унашуужаэ «та вещь плохо поставлена, как бы не упала».

Нет оснований выделять в говоре причастие настоящего-прошедшего времени с показателем *-аа* (*-оо*, *-ээ*, *-өө*), как это делается в литературном языке [То же, с. 268], поскольку оно фактически перешло в разряд финитных форм и на его базе образуется прошедшее время. (Кстати, аналогичное явление отмечается и в литературном языке, о чем см. Цыдендамбаев 1979, с. 129-130). Например: *аэлишад йирээ* «гости приехали», *наран гараа* «солнце взошло», *наран ороо* «солнце зашло». Парадигма спряжения глагола *йирхэ* «приходить» в этой форме выглядит следующим образом:

<i>би йирээб</i>	я пришел
<i>ши йирээш</i>	ты пришел
<i>тэрэ йирээ</i>	он пришел
<i>бидэ йирээбдэ</i>	мы пришли
<i>та йирээт</i>	вы пришли
<i>тэдэ йирээ</i>	они пришли.

Особенностью окинского говора является то, что, в отличие от литературного языка, здесь в сложном давнопрошедшем времени, образуемом по модели *-аа һан* (ср. лит.-бур. *-аа һэн*), связка гармонирует, превратившись тем самым в аффикс. Например: *ошооһон* «ходил», *хэлээһэн* «видел», *мэдээһэн* «знал», *болооһоон* «бывал», *хөрөөһөн* «замерзал», *харааһан* «видел».

Не встретилось в окинском говоре постоянное причастие с аффиксом *-ааша* (*-оошо*, *-өөшэ*, *-ээшэ*), широко представленное в литературном языке [Грамматика бурятского языка, с. 274], а также причастие завершено-прошедшего времени с аффиксом *-нхай* (*-нхой*, *-нхэй*) [То же, с. 270], являющимся в окинском говоре словообразовательным, образующим прилагательные от глагольных основ, типа *туранхаэ* «истощенный» (< *тураха* «исхудать»).

Из деепричастий в окинском говоре представлены следующие:

Соединительное деепричастие, имеющее здесь, в литературном языке, аффикс *-жа* в разных фонетических вариантах: *-жа* (*-жо*, *-жэ*), *-ж*, *-ш*, *-ч*, *-дж*, *-джи*. Восходит это деепричастие к *-ju* (< **ji* < **di*) [Санжеев 1963, с. 140-141, 229-232]. В окинском говоре оно очень употребительно и служит для обозначения сопутствующего действия, которое либо поясняет, каким образом совершается основное действие, либо протекает параллельно с ним [Грамматика бурятского языка 1962, с. 82]. Примеры: *мэни дуу азшальдж ошоо* «мой младший брат уехал в гости», *морин хатарч ямна* «конь рысит», *морин гүйдж ямна* «конь бежит», *һаньж ядаад баэнаб* «я не могу вспомнить», *дудч баэна* «заканчивается», *наадч баэна* «играет», *ниидч баэна* «летит», *хиш яважа йирээб* «я зря съездил», *хурч* (~ *хүрш*) *йирээб* «я дошел», *тииш хэлээрэй* «так скажи», *ябж ваэна* «едет», *газаа йихэ һальтин больджи баэна* «на улице сильный ветер», *гал носадж баэна* «огонь горит», *малгаяа ольдж ядаад баэна* «не может найти свою шапку».

Наличие вариантов *-ч*, *-дж*, *-джи* можно рассматривать как монгольское влияние.

Разделительное деепричастие, имеющее общемонгольский аффикс *-аад* (*-оод*, *-өөд*, *-ээд*), восходящий к *-уад* [Санжеев 1963, с. 141-144, 232-235]. В окинском говоре, как и в литературном языке, оно обозначает действие, предшествующее по времени основному [Грамматика бурятского языка 1962, с. 284]. Это причастие употребляется как самостоятельно, так и в составе аналитических форм для выражения прошедшего завершённого времени (модель: *-аад баэ-* «быть») или, по другой терминологии, законченного вида [Цыдыпов 1972, с. 67-86]. Примеры: *хорёод жэл болиоод баэна* «прошло около 20 лет», *мориндоо ашаагаа ашаад ямна* «навьючил груз на коня и едет», *би ошоод йирхэм* «я схожу», *хул унтраад баэна* «нога занемела», *мод руу абаад ябашаба* «унес в лес», *гараад явашоо* «вышел и ушел». Слитное деепричастие, имеющее аффикс *-н*, восходящий к *-н* [Санжеев 1963, с. 144-145, 235-239]. Оно обозначает «такое действие, которое сопровождает протекающее одновременно с ним основное действие, уточняя и поясняя, каким

образом оно совершается» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 285]. В речи это деепричастие употребляется намного реже соединительного. Чаще же всего оно используется в отрицательной форме с отрицанием *-гүй*, что характерно для всех остальных монгольских языков, в которых только это деепричастие имеет отрицательную форму [Санжеев 1963, с. 238-239]. Пример: *харан харан баэна* «посматривает», *та архи йихэ уунгүэ яваарагты* «вы не пейте много водки», *мэдүүлэнгүэ оробо* «незаметно вошел».

Условное деепричастие, имеющее аффикс *-бал* (*-бол*, *-бэл*), восходящий к *-bal* // *-bala* [То же, с. 145-152, 240-242]. Это деепричастие может принимать показатели личного притяжания, если имеются разные субъекты. В окинском говоре условное деепричастие с аффиксом *-бал* употребляется все же весьма редко. Встретилось оно в единичных случаях: *явбал* «если поедет», *хол ошвол* «если далеко уедет», *болбол* «если будет, если станет». Обычно же в ходу аналитическая конструкция, состоящая из знаменательного глагола, стоящего в форме прошедшего времени на *-аа*, и служебного элемента, каковым могут выступать либо *һаа* «если», либо *болбол* «если». Спецификой окинского говора является широкое употребление *болбол* в этой конструкции, примеры: *тэрээни асраа болболынь, би абха баэгааб* «если бы он принес, я бы взял», *тэрэмнаэ йирээ һаа (-йирээ болбол)* «если он придет», *мини йирээгүэ һаа, яваарагты* «если я не приду, вы поезжайте», *һазнаар харюусаа болболыни, багша таваз тавиха* «если хорошо ответишь, учитель поставит пятерку», *юумэ дуудаа болбол, йирыт, саэ уугыт* «если все закончено, идите, пейте чай».

Предельное деепричастие, имеющее аффикс *-сар* (*-сор*, *-сэр*) в отличие от литературного *-тар* (*-тор*, *-тэр*) [Грамматика бурятского языка 1962, с. 287]. В окинском говоре это деепричастие довольно активно, оно может принимать показатели принадлежности, но редко, в основном, употребляется без них. Примеры: *таназ йирсэр эндэ баэхаб* «до вашего прихода я здесь», *таназ явасар би йирхэб* «до вашего отъезда я приду», *март болосор* «до марта», *мини йирэсэр гэртээ һуужа баэ* «пока я не приду, сиди дома», *тииж баэсарынь* «тем временем», *ябаган ябасарынь* «когда (они) так шли пешком».

Продолжительное деепричастие, имеющее афф. *-һаар* (*-һоор*, *-һээр*, *-һөөр*), восходящий к *-γsaγar* [Санжеев 1963, с. 154-155, 242-244]. Как и в литературном языке, это деепричастие в окинском говоре обозначает действие, «с момента или совершения которого сразу же наступает другое действие, которое ... длительно продолжается» [Грамматика бурятского языка 1962, с. 288]. Примеры: *яба ябаһаар йирбэб* «я шел, шел и пришел»; *тэрэмнэз һууһаар л баэна* «он все еще сидит».

Предварительное деепричастие, имеющее в окинском говоре, как и в литературном языке [То же, с. 289], афф. *-мсаар* (*-мсоор*, *-мсээр*, *-мсөөр*). В монгольских языках для этого деепричастия нет единого показателя. В старомонгольском употреблялся аффикс *-тауца* [Санжеев 1963, с. 157-159, 244-245]. В окинском говоре *-мсаар* объединяет по сути дела два деепричастия: предварительное и последовательное, выделяемое в литературном языке с особым аффиксом *-хлаар* [Грамматика бурятского языка 1962, с. 289-190; Санжеев 1963, с. 155-157, 244-245]. Форму на *-хлаар* окинцы считают книжной, литературной и вместо нее дают *-мсаар*. В литературном языке тоже не четко разграничивается семантика предварительного и последовательного деепричастий, поскольку оба они обозначают те действия, которые предшествуют основному. Поэтому в последнее время выдвинуто мнение, что оба показателя *-мсаар* и *-хлаар* следует отнести к одному предварительному деепричастию, объединив два деепричастия в одном [Цыдыпов 1972, с. 40-41]. В окинском говоре оба аффикса, и *-мсаар* и *-хлаар*, употребляются в значении предварительного деепричастия. Причем *-хлаар* встретился в твердорядной негармонирующей форме. Это связано, видимо, с тем, что данный аффикс пришел в говор недавно из литературного языка. Предварительное деепричастие в говоре тоже может принимать показатели личной принадлежности. Примеры: *тани йирхэлаар би ябахаб* «я поеду, как только вы придете», *орохлаарам // оромсаарам* «едва я вошел, как только я вошел», *мини йирэмсээр*, *шабинар бодшобо* «едва я пришел, ученики встали», *явамсаарынь* «как только он ушел». В основном же, это деепричастие в говоре употребляется без показателей личной принадлежности:

би йирэмсээр
ши йирэмсээр
мани йирэмсээр
тани йирэмсээр

едва я приду
едва ты придешь
едва мы придем
едва вы придете

Заменное деепричастие, имеющее как и в литературном языке аффикс *-нхаар* [Грамматика бурятского языка 1962, с. 290; Санжеев 1963, с. 162-163, 248], употребляется в окинском говоре довольно редко. Встретилось оно единственным раз в поговорке: *нэрээ гутанхаар, яһаа хутарбал дээрэ* «чем честь потерять, лучше кости сломать».

Целевое деепричастие имеет, как и в литературном языке, аффикс *-хаяа* (*-хоёо*, *-хэээ*) [Грамматика бурятского языка 1962, с. 291-292], восходящий к *-qui-a* [Санжеев 1963, с. 163-164]. Оно обозначает действие, являющееся целью совершения основного действия. Это деепричастие никогда не принимает показателей личной принадлежности. Примеры: *номоо абхаяа йирээб* «я пришел взять свою книгу», *мөргөл хэхэээ ошоо* «отправился совершить моление». В окинском говоре целевое деепричастие в конструкции со вспомогательным глаголом *баэха* «быть» образует модальную форму намерения совершить действие (вместо литературной модели *-хаар бай-*). Примеры: *хура орохоёо баэна* «собирается дождь», *худанууд ябхаяа баэна* «сваты собрались ехать», *суглаан тархаяа баэна* «собрание вот-вот закончится», *будан болхоёо баэна* «пурга надвигается».

Не встретились в окинском говоре попутное деепричастие (афф.-*нгаа*), деепричастие образа действия (афф.-*мгашаа*) и деепричастие степени действия (афф.-*хыса*), представленные в литературном бурятском языке [Грамматика бурятского языка 1962, с. 290-292]. В качестве деепричастия образа действия в окинском говоре встретилась форма на *маг*: *һуумаг умтажа баэна* «спит сидя». Аффикс *-маг* здесь, видимо, имеет генетическую связь с литературным аффиксом *-мгашаа*.

В окинском говоре, как и в литературном языке, нет особо выделившегося уступительного деепричастия, которое представлено в других монгольских языках, например, в старописьменном монгольском (афф.-*баџи*), халха-монгольском и калмыцком (афф.-*вч*) [Санжеев 1963, с. 152-154]. В окинском го-

воре это деепричастие можно проследить лишь в некоторых служебных словах типа *гэбэшье* «хотя», *тиибэшье* «хотя» (ср. лит.-бур. *гэбэш*, *гэбэшье*, *тиибэш* «хотя»). Для выражения уступительности в окинском говоре, как и в литературном языке, широко употребляется уступительная частица *шье*, которая может иметь и краткий вариант *ш*. Как *ш*, так и *шье* присоединяются к аффик -*аа* в условной конструкции -*аа һаа*. Примеры: *йирээш* (-эшье) *үгый һаань*, *бидэ ябахабдэ* «хотя он и не придет, мы пойдем», *йирээш* (- *йирээшье*) *һаань* «хотя он и придет», *баряашье һаа* «хотя и поймает».

Личные формы объединяют категорию времени и наклонения.

Категория времени представлена формами настоящего, прошедшего и будущего времен.

Настоящее время имеет показатель -*на* (-*но*, -*нэ*, -*нө*), который соответствует литературному -*на* (-*но*, -*нэ*) [Грамматика бурятского языка 1962, с. 263], имеющемуся в остальных современных монгольских языках [Санжеев 1963, с. 123, 185-187], и старописьменному монгольскому -*туй*, -*нат* [То же, с. 122, 123-125]. В окинском говоре это время тоже применяется не только для выражения действия, которое происходит в момент речи и в течение того отрезка времени, о событиях которого рассказывается, но и для выражения будущего действия, а также действия, которое вообще является обычным или свойственным для какого-либо предмета или лица и может в момент речи не происходить. Примеры: *тэр йирнэ бииз* «он, наверное, придет», *намар бута дуудана* «осенью изюбр кричит», *һууна* «сидит», *хэбтэнэ* «лежит», *ямна* «идет», *абчинабдэ* «мы берем», *энэ хүн манда йирнэ* «этот человек всегда к нам приходит», *үйһэн түйсэдэ тоһо хэнэ* «в берестяной туес кладут масло», *бидэ өөдөө мэднэбдэ* «мы сами знаем». К аффиксу -*на* присоединяются показатели личной принадлежности. Схема показателей настоящего времени выглядит следующим образом:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е лицо - <i>наб</i>	- <i>набдэ</i>
2-е лицо - <i>наш</i>	- <i>нат</i>
3-е лицо - <i>на</i>	- <i>на</i>

Здесь в отличие от литературного языка 3-е лицо множественного числа имеет тот же показатель *-на*, что и единственное.

Прошедшее время образуется при помощи аффикса *-ба* (*-бо*, *-бэ*, *-бө*), имеющего не только общебурятский характер, но и общемонгольский, как и предыдущая форма. Соответствующим показателем прошедшего времени в других монгольских языках являются: стп.-м. *-ба*, х.-монг. и калм. *-в* [Грамматика бурятского языка 1962, с. 264-265; Цыдендамбаев 1979, с. 130-132; Санжеев 1963, с. 129-130, 193-194]. Данная форма выражает действие, совершившееся в недавнем прошлом, или действие, которое, начавшись незадолго перед моментом речи, завершается в момент речи. Примеры: *мартаттибаб* «я позабыл», *Дондог гарва* «Дондок (только что) вышел», *мэшэд оробо* – *ороз болиобо* «Плеяды взошли - поздно стало», *эдэ йирвэ!* «они уже идут сюда (т. е. они приблизились)», *зуутаад л хүн йирэбэ* «приехало около 100 человек», *һамганиһнь аэлда явашиба* «его жена ушла к соседке», *яба ябаһаар би хүрч йирбэб* «я шел, шел и дошел».

При обращении ко 2-му лицу эта форма в окинском говоре выражает предостережение: *һаэса һуу, унаваһ!* «сядь хорошо, упадешь!», *дүрбэһи* «смотри, не обожгись», *хаябаһ!* «смотри, не потеряй».

Для выражения прошедшего времени в окинском говоре употребляются форма на *-аа*, а также аналитическая конструкция с разделительным деепричастием *-аад баэна*, о чем уже говорилось выше.

Другие формы для выражения прошедшего времени типа литературных *-лай*, *-һхай* в окинском говоре не встретились. Исключение составляет предикативная связка *бэлэй* (от древнего глагола **бө* «быть», ср. стп.-м. *bölüge*).

Специальной формы для будущего времени в окинском говоре, как и в литературном языке, нет. Ее роль взяло на себя причастие будущего времени на *-ха*, употребляющееся здесь в финитной функции и поэтому принимающее показатели личной принадлежности. Парадигма спряжения при этом следующая (для удобства приводится только твердорядный вариант с гласным *а*:

	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Ед. число	<i>-хаб</i> (~ <i>-хам</i>)	<i>-хаһи</i> (~ <i>-хаһини</i>)	<i>-ха</i>
Мн. число	<i>-хабдэ</i> (~ <i>-хамнаэ</i>)	<i>-хат</i> (~ <i>-хатнаэ</i>)	<i>-ха</i>

Примеры на употребление этой формы: *тани йирэмсээр ябахаб* «я поеду, как только вы придете», *танаэ явасар би йирхэб* «до вашего отъезда я приду», *би тэрэ Буудалда нуухам* «я сяду на то место», *би ошоод йирхэм* «я схожу», *би тэндэ ошохоб* «я туда пойду», *ши хэзээ йирхэбиши?* «ты когда придешь?», *хаана ошохотнаэ?* «вы куда пойдете?», *уухашняал?* «ты будешь пить?», *мартаттихам* «я забуду», *би танаар ошоккыйб* «я с вами не пойду», *шамгүэ ябхамнаэ* «мы поедем без тебя», *тэрэмнаэ шухам йирхэ* «он обязательно придет».

Спецификой окинского говора, отличающей его от литературного языка, является употребление отрицания *-гүэ* (< *үгы*) в настоящем времени не с аффиксом *-на* (как в литературном языке, т. е. *-нагүй*), а с причастием будущего времени *-ха*, с которым *-гүэ* сливается фонетически, образуя форму *-ккый* (~ *-ккэй*). Применяется эта форма как в настоящем времени, так и в будущем. Например: *мани эндэ тиижэ хэлэккэй* «у нас здесь так не говорят», *мэдэккыйма* «он не знает», *манда юуш баэккэй* «у нас ничего нет», *хая, хутараккый* «бросай, не сломается», *би хэзээш йирэккэйб* «никогда не приеду», *би танаар ошоккыйб* «я с вами не пойду».

Нам кажется, что такая контаминация настоящего и будущего времени в одной отрицательной форме на *-ха* в окинском говоре объясняется монгольским влиянием, поскольку это как раз характерно для халха-монгольского языка, в котором форма *-хгүй* тоже выражает как настоящее время, так и будущее. Ср. х.-монг. *би юу ч мэдэхгүй* «я ничего не знаю», *энд юуч байхгүй* «здесь ничего нет», *манайд хэн ч ирэхгүй* «к нам никто не придет», *би тийш явахгүй* «я туда не пойду».

В прошедшем времени в окинском говоре употребительна отрицательная форма *-аагүэ* (вместо литературной *-багүй*). Например: *Аюуша намда юуш өгөөгүэ* «Аюша мне ничего не дал», *бидэ идеэлээгүэ* «мы еще не ели», *би хүдүе харашиье наам буудаагүэб* «хотя я и видел рябчика, не выстрелил». Неупотребительность формы *-багүй* тоже, видимо, следует объяснить монгольским влиянием, так как в халха-монгольском языке она тоже не используется.

Изклонений в окинском говоре представлены следующие, бытующие и в литературном языке :

Повелительное наклонение, обозначаемое:

а) императивной формой 2 л. ед. ч., образуемой чистой глагольной основой, например: *яба* «иди, уходи», *йирэ* «приходи», *ошо* «пойди», *мэдэ* «узнай»;

б) императивной формой 2 л. мн. ч., образуемой посредством аффикса *-гты*, присоединяемого к глагольной основе, например: *ябагты* «идите, уходите», *йирэгты* «приходите», *ошогты* «пойдите», *мэдэгты* «узнайте», *саэ уугты* «пейте чай»;

в) повелительно-просительной формой 2-го лица, которая образуется при помощи аффиксов *-ыш*, *-иш*, *-гыш* (в ед. числе) и *-ыт*, *-иит*, *-гыт* (во мн. числе), присоединяемых к глагольным основам. Примеры: *нэгэ аяглыш* «выпей же чашку чая», *баэгыш* «стой-ка», *баэгыт* «постойте-ка», *бодыт* «встаньте же», *саэлыт* «пейте же чай», *авыш* «возьми же», *һаныш* «вспомни же», *йирыш* «иди же сюда», *харуулыт* «покажите-ка».

Увещательное наклонение. создаваемое на основе форм:

а) для 2-го лица обоих чисел при помощи аффикса *-аараэ* (*-оороэ*, *-ээрэй*, *-өөрэй*), который может осложняться наращением дополнительных аффиксов *-и* (для ед. числа) и *-гты* или *-т* (для мн. числа). Примеры: *уугаарагты* «ну пейте же», *яваарагты* «ну уходите же», *ши бодоороэ* «ты подумай», *та бодоороэт* «вы подумайте», *манаэд йирээрэйш* «приходи как-нибудь к нам», *һазн яваараэ* «счастливого пути», *ши яваараэш* «поезжай-ка ты»;

б) для 3-го лица обоих чисел при помощи аффикса *-г*, например: *яваг* «пусть уходит, пусть уходят», *манаэда йирэг* «пусть он (они) к нам придет (придут)», *баэг* «пусть останется на своем месте».

Призывное наклонение, образуемое при помощи афф. *-я*, *-йи* (*-е*, *-ё*) иногда с наращением лично-предикативной частицы 1-го лица мн. числа *-бдэ*. Примеры: *ябаябдэ* «давайте пойдём», *манаар ябая* «пойдем с нами», *гурбуулаа явайи* «пойдемте втроем», *хэлэе* «давай скажем», *ошоод йирэе* «давай сходим», *городто ошоё* «давай съездим в город».

Желательное наклонение, образуемое путем прибавления к основе глагола афф. *-һаэ* (*-һоэ*, *-һэй*) часто с наращением лично-предикативных частиц 1-го и 2-го лиц обоих чисел. Примеры: *энэ хүн мини нүхэр болоһоэ* «хорошо бы этот человек стал моим

другом», *тэрэмнэ гэртээ баянэй даа* «только бы он был дома», *неэлтэй болоһэй* «только бы было открыто», *һальхин буу болоһоо даа* «хорошо бы не было ветра».

Волеовое наклонение, образуемое:

а) при помощи афф. *-һуу (-һүү)* для 1-го лица обоих чисел; в окинском говоре обычно без лично-предикативных частиц, пример: *би ошоһуу* «давай, я схожу», *би ууттиһуу* «дай-ка, я выпью», *би мэдэһүү* «дай-ка, я узнаю»;

б) при помощи афф. *-уужа (-үүжэ, -гуужа, -гүүжэ)* для 1-го, обоих чисел с обязательным наращением соответствующих лично-предикативных частиц *-б (-м)* или *-бдэ*. Примеры: *би мэдүүжэб* «я обязательно узнаю», *бидэ мэдүүжэбдэ* «мы обязательно узнаем», *би абуужаб* «я обязательно возьму», *би йируужэб* «я обязательно приду», *би һануужам* «я подумаю», *бидэ һануужабдэ* «мы подумаем».

Предостерегательное наклонение, образуемое от глагольной основы путем присоединения афф. *-уужа (-үүжэ, -гуужа, -гүүжэ)* для 3-го лица обоих чисел. При этом не требуется подстановки лично-предикативной частицы *-нь*. Примеры: *тэрэ юмэ муу тавяатаэ баэна, унашуужаэ* «та вещь плохо поставлена, как бы не упала», *намаэ мэдэжэ л бүү орхуюжа* «как бы меня не узнали». Для 2-го лица обоих чисел используется аффикс прошедшего времени *-ба* с соответствующей лично-предикативной частицей, например: *һаэса һуу, унаваши* «сядь хорошо, не то упадешь».

В качестве отрицания при всех повелительно-желательных формах в окинском говоре используется отрицательная частица *бүү* с фонетическими вариантами *бу, бү, буу*. Примеры: *манаэда л буу ороһоо даа* «только бы к нам не зашли», *бүү ш йирэг* «пусть он и не приходит», *буу ошо* «не ходи», *бүү йирэ* «не приходи», *энээндэ буу һуулгаараэ* «сюда не сажайте», *бүү не-эгээгээрэйгты* «не открывайте», *буу ябая* «давай не пойдём», *бүү мэдэжэ орхуюжа* «только бы не узнал, как бы не узнал», *галаа бүү хаягты* «не оставляйте костер».

Наблюдаются некоторые особенности в окинском говоре, по отношению к литературному языку, и в области видов. Так, наряду с внезапным видом, образуемым общебурятским аффиксом *-ша*, а в окинском говоре иногда также и *-чи* (например: *абшоо*

«взял», *абчинабдэ* «берем», *ябашаба* «ушел», *унашаба* «упал», *ороз болшобо*, *ороз болчиба* «стало поздно»), ограничительным видом, образуемым от глагольной основы при помощи аффикса -*д* и служебного глагола *гэ-* (например: *зэха умтад гээд явашоо* «немного поспал и ушел»), в окинском говоре широко представлен мгновенный вид, образуемый особым показателем *-тть-*, *-тти-*, развившимся из аналитической конструкции для выражения этого же вида *-жа орхи-*, сросшейся в литературном языке в *-жархи-*. Примеры: *өлэттёоб* «я проголодался», *орситтихэм* «он бросит», *хааттина* «закрывает», *сабишаттёоб* «я рубанул», *алдаттёоб* «я промазал», *гараа угааттихаб* «я вымою руки», *ууттигты* «выпейте», *хура ороттёо* «дождь пошел», *би шоно алаттёоб* «я убил волка», *тататтиба* «натянул», *хэттёо* «сделал», *эмэдтёо* «надел», *мартаттибаб* «я позабыл», *эттёо* «съел», *оёттиьон* «пошитый».

Эта форма придает окинскому говору заметное своеобразие и сближает его с остальными западными бурятскими говорами, в которых тоже широко представлена эта форма с тем же значением мгновенного вида.

У Д.А. Абашеева есть описание системы глагола тункинско-го говора [1965, с. 22-24]. Он находит эту систему достаточно сложной. Она состоит из личных и неличных форм. При этом неличные формы принимают самое активное участие в образовании личных форм изъявительного наклонения.

Неличные формы подразделяются на причастия и деепричастия. В тункинском говоре представлены в общем-то общебурятские формы. К ним относятся в принципе те же формы, которые описаны выше для окинского говора. Эти же причастия бытуют и в тункинском говоре. Так, все причастия группируются по ряду признаков. По отношению к категории времени выделяются причастия прошедшего времени с показателем *-һан* (*-һон*, *-һэн*, *-һөн*) и будущего времени с аффиксом *-ха* (*-хо*, *-хэ*, *-хө*). Примеры: *ябаһан* «ушедший», *ошоһон* «шедший», *ерэһэн* «пришедший», *үгэһэн // өгөһон* «давший»; *ябаха* «который уйдет», *ошохо* «который пойдет», *ерэхэ* «который придет», *үгэхэ // өгөхө* «который даст».

Историческое причастие настоящего времени на *-аа* в данном говоре, как и вообще в бурятском языке, перешло в разряд

изъявительных форм, оно стало выражать прошедшее время, о чем уже было сказано выше.

По видовой характеристике, в данном случае кратности действия, в бурятском языке, как и вообще в монгольских языках, сформировалась особая группа причастий, в которую входят причастие однократное с аффиксом *-гша* (*-гшо*, *-гшэ*, *-гшө*), многократное с аффиксом *-даг* (*-дог*, *-дэг*, *-дөг*) и постоянное с аффикс *-ааша* (*-оошо*, *-ээшэ*, *-өөшэ*). По своему значению эти причастия тункинского говора те же, что в литературном бурятском языке и окинском говоре. В тункинском говоре, в отличие от окинского, широко используется постоянное причастие. Однократное причастие в какой-то мере заменяет причастие настоящего времени и употребляется не только в атрибутивной функции, например, *ябагша хүн* «идуший человек», но и в предикативной, причем как со связкой, так и без нее для образования изъявительной формы настоящего времени, а со связкой *һан* – давнопрошедшего. Такое явление широко представлено в окинском говоре. Об этом было сказано выше. Для образования изъявительной формы настоящего времени используется, как и в других говорах, также многократное причастие. Примеры на употребление этих причастий: *адуу харагша хүн* // *адуу харадаг хүн* «человек, пасущий табун, табунщику», *мэдээшэ* // *мэдэгшэ* «знающий», *тоологшо* «считающий», *буудааша ангууша* «хорошо стреляющий охотник», *би фээрмэ дээрэ хүдэлэгшэб* «я работаю на ферме», *Доржо ошхоолдо һурана* «Доржи учится в школе», *Сэдэн холхоозын мал харадагыма* «Сыдэн пасет колхозный скот», *недондо би тэрэ фээрмэдэ хүдэлэгшаан* «в прошлом году я работала на ферме».

Кроме того, в тункинском говоре есть причастие возможности на *-маар* (*-моор*, *-мээр*, *-мөөр*): *Доржо ноөдөр йирмээр баэна* «Доржи может сегодня приехать», *абмаар юумэ байна* «вещь, которую можно купить», а также страдательное причастие с показателем *-гаатаэ* (*-оотоз*, *-ээтэй*, *-өөтэй*), например: *нохоэ уяатаэ баэна* «собака привязана», *үлгөөтэй* «подвешенный», *табяатаэ* «поставленный», *бэшээтэй* «написанный», *бэлдээтэй* «приготовленный», *идеэлээтэй* «накормленный», *хээтэй* «налитый, сделанный».

Система деепричастий в тункинском говоре такая же, как и в других бурятских говорах, в том числе в окинском и литературном бурятском языке. В принципе она носит общемонгольский характер. Отличия носят незначительный характер.

Судя по материалам Абашеева и по нашим наблюдениям, в тункинском говоре активно функционируют следующие деепричастия.

Сопутствующие: а) соединительное на *-жа* (*-жэ*, *-жо*) : *хаража* «смотря», *ошожо* «идя», *хэлэжэ* «говоря», иногда встречается оглушенный вариант *-ша* (*-шэ*, *-шо*), например: *гошишо* «вытекающая», *гарша* «выходя», *ошишо* «идя», иногда же произносится как *-ч*: *шубуун ниидч ямна* «птица летит»; б) слитное на *-н*: *үргэн бариха* «преподносить»; в) отрицательное на базе этого *-н* с показателями, имеющими фонетические варианты, например, *-нгүй*, *-нгэй*, *-нгүйгээр*, *-нгыйгээр*, *-нгэйгээр*, ср. *хэлэнгыйгээр* «не говоря», *хурангүй* «не спрашивая», *мэдэнгүй* «не зная»; г) разделительное на *-аад* (*-ээд*, *-оод*, *-гаад*, *-гээд*, *-гоод*) : *хараад* «посмотрев», *хэлээд* «сказав», *ороод* «войдя», *байгаад* «побывав».

Обстоятельственные: а) предельное на *-сар* (*-сэр*, *-сор*), соответствующее литературному и восточнобурятскому на *-тар* и окинскому на *-сар*. Это деепричастие может принимать как личное, так и безличное притяжания, например: *харасар* «пока не увидит», *ерэсэршни* «пока ты не придешь», *оросорни* «пока я не войду», *тиижэ байсраа* «пока так было»; б) предварительное на *-мсар* (*-мсэр*, *-мсор*), как и в окинском говоре, но только с кратким гласным в аффиксе: *харамсар* «как только увидел», *хэлэмсэр* «как только сказал», *оромсор* «как только вошел»; в) продолжительное с показателем *-һаар* (*-һээр*, *-һоор*) : *хараһаар* «все еще смотря», *хэлэһээр* «все еще говоря», *ошоһоор* «все еще идя». Кроме того, данное деепричастие имеет значение «с тех пор как...»: *Доржомнаэ Москваһаа бусажа ерэһээр хоёр жил болоод баэна* «С тех пор как наш Доржи вернулся из Москвы, прошло два года»; г) цели с показателем *-хаяа* (*-хэээ*, *-хоёо*) : *харахаяа* «чтобы посмотреть», *хэлэхэээ* «чтобы сказать», *ошохоёо* «чтобы пойти».

Личные формы глагола в тункинском говоре разделяются на повелительно-желательные и изъявительные.

Повелительно-желательные формы в тункинском говоре довольно разнообразны и, в основном, совпадают с окинскими. Так, императив для 2-го л. ед. ч. совпадает с основой глагола: *хара* «смотри», *хэлэ* «говори», *ошо* «иди», *нуу* «сядь». 2-е л. мн. ч. получает к основе аффикс – *гты*: *харагты* «смотрите», *хэлэгты* «говорите», *ошогты* «пойдите», *нуугты* «сядьте». Для смягчения горичности приказа и придания ему более вежливого характера, даже в какой-то мере просьбы, используются показатели *-иши* для ед. ч. и *-ыт*, *-иит* для мн. ч.: *харыш* «смотри-ка», *хэлыш* «скажи-ка», *ошыш* «пойди-ка», *нуугыш* «сядь-ка», *харыт* «смотрите-ка», *хэлыт* «скажите-ка». Употребляются с основой глагола в императиве и смягчающие модальные частицы *даа* и *лаа*: *нуу лаа* «садись же», *ябыт даа* «идите же».

Увещательная форма имеет показатель *-аараэ* (*-ээрэй*, *-оороз*), к которому могут присоединяться лично-предикативные част 2-го л. ед. и мн. чисел: *ши маргааша ябаараэши* «ты поезжай завтра», *та маргааша ябаараэт* «вы поезжайте завтра», *хожом манаэда ерээрэйши* «потом придешь к нам».

Форма обращения к 3-му лицу передается аффиксом *-г* для обоих чисел: *хараг* «пусть посмотрит», *хэлэг* «пусть скажет или скажут», *ошог* «пусть пойдет или пойдут». К этой форме могут присоединяться модальные частицы *даа*, *л даа*: *ерэг л даа* «пусть придет», *орог даа* «пусть войдет».

Повелительно-пригласительная форма для 1-го л. ед. ч. образуется посредством аффикса *-нуу* (*-нуу*) с добавлением частицы *-б*: *хараһууб* «посмотрю-ка, дай-ка я посмотрю», *хэлэһууб* «скажу-ка, дай-ка я скажу»; для 1-го л. мн. ч. используется этот же аффикс, но с добавлением частицы *-бди*: *хараһуубди* «посмотрим-ка, дайте-ка посмотрим», *хэлэһуубди* «скажем-ка, дайте-ка скажем». Для выражения приглашения совершить действие совместно во множественном числе употребляется также аффикс *-йи* или *-е*, например: *ябая // ябайи* «пойдем-ка, давай пойдём», *нууя // нууийи* «давай сядем», *хэлэе* «давай скажем».

В качестве отрицания при всех этих повелительно-желательных формах используется запретительная частица *бүү* с вариантами *бу*, *бү*, *буу*, т. е. как и в окинском говоре: *бүү яба* «не уходи», *бүү ябайи* «давай не пойдём», *галаа буу хаягты* «не оставляйте костер».

Изъявительные формы передают различные времена: настоящее, прошедшее и будущее. Для их выражения используются различные формы как одинарные, так и аналитические, в принципе те же, что и в окинском говоре.

Настоящее неопределенное время передается аффиксом *-на* (*-нэ*, *-но*), к которому присоединяются соответствующие лично-предикативные частицы. Парадигма спряжения глагола в этом времени выглядит следующим образом:

Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л. <i>-наб</i>	<i>-набди</i>
2-е л. <i>-наш</i>	<i>-нат</i>
3-е л. <i>-на</i>	<i>-над</i>

Примеры: *харана* «смотрит», *хэлэнэ* «говорит», *ошоно* «ходит», *хуранабди* «учимся», *хэнэт* «делаете», *шагнанаш* «слушаешь».

Настоящее определенное, конкретное время передается аналитической формой, образованной при помощи вспомогательного глагола *баэна* и соединительного деепричастия *-жа* значимого глагола: *ябажа баэна* «идет» (сейчас), *хэлэжэ баэна* «говорит», *ошожо баэна* «идет». При этом в тункинском говоре в быстрой речи обычно происходит фонетическое сращение компонентов этой аналитической формы в одно целое, что дает показатель *-жаэна*, т. е. говорят *ябажаэна* «идет», *хуужайна* «сидит», *хэлэжаэна* «говорит». Это явление сближает тункинский говор с эхирит-булагатским, в котором наблюдается аналогичное явление. Встречается оно, кстати, и в речи окинских бурят. Такое сращение характерно для языка ойратов.

Для тункинского говора, как и для окинского, характерно употребление при оформлении настоящего обычного времени причастия на *-гша*, что дает формы типа *ябагшаб* «я ухожу», *ши хэлэгшэш* «ты говоришь», *мэдэгшэбди* «мы знаем».

Отрицательной формой в настоящем времени выступает *-ккэй*, которая представляет собой фонетическое сращение причастия будущего времени на *-ха* и отрицательной частицы *:-гүй* *мэдэккэй* «он не знает», *мэдэккээб* «я не знаю», *мэдэккээш* «ты не знаешь».

Прошедшее время оформляется аффиксом *-ба* (*-бэ*, *-бо*) с лично-предикативными частицами, которые используются и в настоящем времени: *харабаб* «я смотрел», *харабаи* «ты смотрел», *хараба* «он смотрел», *харабабди* «мы смотрели», *харабат* «вы смотрели», *хараба* «они смотрели». Кроме того, для выражения прошедшего времени используется аффикс *-аа* с этими же личными частицами, например: *ошооб* «я ходил», *ошоош* «ты ходил», *ошоо* «он ходил», *ошообди* «мы ходили», *ошоот* «вы ходили», *ошоо* «они ходили». Выражает законченное прошедшее время и аналитическая форма, состоящая из вспомогательного глагола *баэна* (*байна*) разделительного деепричастия значимого глагола: *ябаад баэна* «он ушел», *ерээд баэнабди* «мы пришли», *нуугаад баэнат* «вы сели».

В качестве отрицательной формы в прошедшем времени здесь используется аффикс *-аа* (*-ээ*, *-оо*) с отрицательной частицей *-гуй*: *ерээгүй* «не пришел», *ябаагүй* «не ушел», *хэлээгүй* «не сказал».

Характерна для тункинского говора, как и для окинского, форма интенсива с показателем *-тти*, заменяющим литературную форму *-жа орхи*-, давшую *-жархи*, например: *ябаттиба* «ушел», *хэлэжэттибэ* «сказал», *ууттина* «выпьет», *барьтёо* «схватил», *хараттёо* «увидел».

В закаменском говоре система глагола построена по такой же схеме и содержит в общем те же формы, о которых сказано выше. Здесь представлены те же формы причастий и деепричастий с теми же фонетическими вариантами и особенностями употребления, поскольку язык закаменских бурят, как тункинских и окинских, сложился на базе языка хонгодоров. Поэтому и в закаменском говоре бытуют те же самые личные формы: повелительно-желательные и изъявительные. Этот говор тоже характеризуется отрицанием *-ккэй* для настоящего времени, например: *ойлоккээз* «я не понимаю», *мэдэккээш* «ты не знаешь», *зууккэй нохой* «некусачая собака». Здесь тоже отрицательное деепричастие имеет форму *-нгуй*, *-нгый*, *-нгий*, *-нгийгээр*, *-нгыйгээр*. Очень широко используется для выражения настоящего времени однократное причастие на *-гша*, а в отрицательной форме *-гшагүй* // *-гшавэй*, например: *би мэдэгшэб* «я знаю», *тэрэ хүн мэдэгшэвэй* «он не знает». Особенностью говора явля-

ется то, что предварительное деепричастие имеет форму не *-мсаар*, а *-хлаар* (*-хлээр*, *-хлоор*) : *Доржсо йирэхлээрэнь* «как только Доржи придет», *оихолооршни* «как только ты приедешь», *ябахалааршни* «как только уедешь». Иногда, наряду с этой формой, используется и конструкция с послелогом *адли* – подобно: *ябахатай адли* «как только ты уедешь». Как видно из примеров, в закаменском говоре эта форма может принимать частицы личного притяжания.

В закаменском говоре, как в окинском и тункинском говорах вместо литературной и восточнобурятской формы *-тар* деепричастие предела имеет показатель *-сар*: *хүрээсэр // хүрсэр* «пока доедет», *болосор // болсор* «пока не наступит» (например, осень), *тиим байсараа* «пока так было». Условное деепричастие в закаменском говоре достаточно часто оформляется аффиксом *-бал* (*-бэл*, *-бол*) : *ерэбэл* «если придет», *гэбэл* «если скажет», *таһарбал* «если порвется», *ошобол* «если пойдет». При этом параллельно с этой формой для выражения условных отношений используется и аналитическая форма, состоящая из служебного элемента *һаа* «если» и формы прошедшего времени на *-аа* значимого глагола, например: *ерээ һаа* «если приедет», *ябаа һааш* «если ты уедешь», *хэлээ һаамнаэ* «если скажем», т.е. как и в литературном бурятском языке. Уступительные отношения передаются особым уступительным деепричастием на *-башье* (*-бэшье*, *-бошье*) : *ерэбэшье* «хотя придет», *харабашье* «хотя посмотрит», *ошобошье* «хотя пойдет», которое в говоре употребляется параллельно с аналитической формой *-аашье һаа* (*-ээшье һаа*, *-оошье һаа*), например: *хэлэбэшье // хэлээшье һаа* «хотя и скажет».

2.1. Проблемы исторического словообразования монгольских языков

Хотя проблемы словообразования монгольских языков постоянно находились в сфере внимания монголоведов, начиная с самых первых их работ по грамматике монгольских языков, написанных в разное время, освещалось же ими, главным образом, синхронное для их времени словообразование, в основном аффиксальное. Разделы по словообразованию обычно включались в грамматики при рассмотрении морфологии тех или иных частей речи. Специальные работы по словообразованию монгольских языков появились сравнительно поздно и тоже касаются в основном синхронного словообразования. Примером могут послужить монографические исследования У.-Ж.Ш. Дондукова [1964, 1987, 1993], Д.А. Сусеевой [1978, 1985, 1993], Л. Болда [1986]. При этом лишь у Л. Болда находим к каждому аффиксу параллели из старописьменного монгольского языка и памятников средневекового монгольского языка, что позволяет сделать предположения относительно его развития. Историческое же словообразование монгольских языков до сих пор не стало предметом специального монографического рассмотрения. По традиции его касались в основном алтаисты [Котвич 1962, Рамстедт 1957, Рорре 1987], да и то лишь попутно, вскрывая историческую морфологическую структуру слов, добираясь до алтайских пракорней.

В отличие от тюркологии в монголоведении до сих пор нет ни сравнительно-исторических грамматик монгольских языков, ни этимологических словарей не только общемонгольского характера, но и отдельных монгольских языков. Этимологические словари дело, видимо, будущего, поскольку они невозможны без надежного исторического исследования монгольских языков, сравнительно-исторического исследования морфологической структуры общемонгольского лексического ядра, без выявления словообразовательных типов, моделей, действовавших на ранних стадиях эволюции монгольских языков, без установления ядра первичных корневых морфем. Появление отдельных статей

по этимологии тех или иных монгольских слов не спасает положения. В какой-то мере сдвигом в этой области, шагом вперед можно считать создание и опубликование в 1988 г. монголоведом из КНР Сэчэнчогтом [1988] корневого словаря монгольских слов, в котором он выводит корневые морфемы, опираясь на сравнительный материал из монгольских языков, привлекая также в необходимых случаях тюркские параллели. Хотя этот словарь и содержит богатый сравнительный материал и дает этимологии монгольских слов, он все же не решает всех проблем исторического изучения монгольских языков. Этих проблем пока достаточно много.

Так, например, одной из проблем исторического словообразования монгольских языков остается выявление древних продуктивных словообразовательных моделей. Только с учетом этих моделей становится возможным вычленение древних первообразных основ общемонгольского характера, что является другой немаловажной проблемой и имеет большое значение в плане алтаистики, поскольку на алтаистическом уровне более эффективным является сопоставление пракорней, а не современных словоформ. Далее. Поскольку процесс контактирования монгольских языков происходил и в древний период их развития, не менее значительной для истории монгольских языков является проблема адаптации заимствованных слов древним монгольским языком, так как адаптация предполагает подчинение, уподобление иноязычных слов нормам типичной морфологической структуры собственных слов, тем самым становясь свидетелем бытования в древности определенных словообразовательных стереотипов.

Здесь хотелось бы несколько подробнее остановиться на этих проблемах исторического словообразования монгольских языков. В связи с тем, что формы слов старописьменного монгольского языка являются самыми архаичными и в монголоведении принято негласно считать их за праформы, то и здесь мы будем рассматривать их как формы древнего монгольского языка и оперировать в основном ими.

Итак, выявление древних продуктивных словообразовательных моделей является одной из важнейших проблем исторического словообразования монгольских языков. Мы считаем,

что с этой проблемой тесно связана проблема морфологической адаптации иноязычных заимствований в древнемонгольскую эпоху, поскольку при освоении чужих слов использовались, разумеется, самые продуктивные словообразовательные модели.

Пожалуй, одним из самых продуктивных словообразовательных аффиксов древнего монгольского языка был аффикс *-sun* (*-sün*), который образовывал имена существительные как от именных слов, так и от глагольных. Г.И. Рамstedт писал об этом аффиксе: «Это очень популярное в монгольском языке окончание служит для подчеркивания конкретности значения слова; оно должно быть очень древнее, так как встречается во множестве наиболее употребительных имен, например: *usun* «вода» (ср. *u* «вода» в языке хуннов...), *jasun* «кость», *časun* «снег», *čisun* «кровь», *üsün* «волос»... Следует отметить, что согласные *-n*, *-r*, *-l*, *-s* в конце слога перед окончанием *-sun* выпадают, например: *dajin-sun*~*dajisun* «враг», *kimul-sun* ~ *kimusun* «ноготь», *ujil-sun*~ *ujisun* «кора березы», почему присоединение *-sun* к основе глагола и является только кажущимся» [1957, с. 199]. Г.И. Рамstedт, кроме того, отмечает, что «... в монгольском языке это окончание стало присоединяться как к заимствованным словам, так и к исконным самобытным именам уже довольно поздно... Если такой форме единственного числа, как *balgasun* «город», *narasun* «ель», *čigorsun* «кипарис» противостоят в качестве формы множественного числа *balyat*, *narat*, *čigot*, то эта неправильность в образовании является результатом того, что наряду с древними *balgan*, *naran*, *čigor* позднее были образованы формы на *-sun*» [То же, с. 200].

Здесь, как видим, Г.И. Рамstedт не совсем прав и в какой-то мере противоречит сам себе, с одной стороны, считая *-sun* древнейшим аффиксом, а с другой, утверждая, что он поздно стал присоединяться к словам с конечными согласными, которые впоследствии перед ним выпали. Если это верно, то где же тогда ранние монгольские формы на *-sun*? Противоречие здесь снимается, если мы примем во внимание, что *-sun* не конкретизирует значение слова, а является древнейшим словообразовательным аффиксом имен существительных. Впоследствии он стал олицетворять показатель имени существительного и прибавляться к различным предметно-именным словам как к не-

производным, так и производным. Тем самым аффикс как бы включал их в категорию имен существительных, поскольку бытовавший в монгольских языках показатель *-n*, прибавлявшийся к основам слов, включал эти слова в класс вообще именных основ, объединяя как имена существительные, так и прилагательные и числительные.

С учетом же бытовавшей в монгольских языках синкретичности основ имен существительных и прилагательных становится понятным использование показателя *-sun* как специального маркера основ имен существительных и отграничения их от прилагательных, за которыми осталась маркировка показателем *-n*, а также и за числительными и даже существительными, если они используются в атрибутивной функции. Этим объясняется исчезновение впоследствии в монгольском языке конечного *-n* у существительных в номинативной функции и его восстановление в атрибутивной. Так, напр., древнее монгольское *modun* «дерево, деревянный» дало в современном монгольском языке словоформы: *мод* «дерево», но *модон* «деревянный». Ср., напр., в предложениях: *Тэр модон байшангийн дэргэд өндөр мод ургаж байна* «Возле того деревянного дома растет высокое дерево»; *Дорж тэр хониноос гурвыг худалдаж авсан* «Из тех овец Дорж купил трех»; *Дорж тэр гурван хонийг худалдаж авсан* «Дорж купил тех трех овец».

Показатель же *-sun*, таким образом, отграничивает имена существительные от имен прилагательных, заменив во многих случаях этот *-n*. Но поскольку в монгольском языке при образовании форм множественного числа аффиксальным способом показатель множественного числа прибавляется к основе имени существительного, то маркеры имени древнейший *-n* или его заменитель *-sun* отбрасывались за ненадобностью, ибо право получить форму множественного числа имеет только имя существительное (и, разумеется, субстантивированные словоформы других классов слов). Только поэтому вместо *balyasun* «город» мы имеем форму *balyad* «города», *narad* «сосны» от *narasun* «сосна». В памятниках монгольского языка зафиксировано достаточное количество подобных форм: *nyyasun* «утка» →* *nyyad* «утки», *jiyasun* «рыба» →* *jiyad* «рыбы» [Сэчэнчогт 1988, с. 2382].

Поскольку показатель *-sun* вводил слова в класс имен существительных и являлся их типичным окончанием, по сути дела их маркером, то, естественно, он и прибавлялся в ту эпоху, когда у него был, так сказать, «расцвет», к словам, заимствованным из других языков, а также к собственным непроемным и производным именным словам, подкрепляя и утверждая их субстантивность. Поэтому в языке сосуществовали пары слов типа *del~delsün* «грива», *manggir~manggirsun* «дикий чеснок», *kimul~kimulsun* «ногти». Кроме того, возникли подчас двойные и даже тройные аффиксы, образовавшие существительные от глаголов: *qadayasun* «гвоздь» (от *qada-* «втыкать, вколачивать»), *jordasun~joryasun – joryadasun* «щепки» (от *jor* «строгать»).

Монгольский ученый Ш. Чоймаа, занимавшийся эволюцией аффиксальных морфем монгольского языка, тоже считает *-sun* древнейшей аффиксальной морфемой монгольского языка, отличавшейся когда-то «значительной продуктивностью, прошедшей большой эволюционный путь и дающей возможность для выяснения целого класса слов с конечным *-с* в современном монгольском языке» [1992, с. 204]. По его мнению, этот аффикс *-sun* (*-sün*) и его разновидность *-su* (*-sü*) образовали еще в древнем монгольском языке значительное количество слов, называющих растения и животных, их части, ткани, органы и выделяемые ими различные вещества [То же, с. 205].

По нашим наблюдениям, аффикс *-sun* не подчеркивал конкретное значение слова, как утверждал Г.И. Рамstedт, а образовывал слова с иным значением, если же не придавал новых значений, то просто вводил слова в класс имен существительных, как это мы видим в случаях типа *del~delsün* «грива». В большинстве же случаев он все же образовывал новые слова с иным значением, присоединяясь к именным и глагольным основам: *görüge* «охота, дичь» → *görügesün* «дикое животное, зверь, дичь, антилопа»; *aduyun* «табун лошадей, лошадь» → *aduyusun* «животное»; *yaqai* «свинья» → *yaqaisun* «дикая свинья». Немало случаев, когда, наличие или отсутствие аффикса *-sun* характерно лишь для конкретного монгольского языка или диалекта, семантика же слова при этом не изменяется. Ср., напр.: х.-монг. *дэл*, калм. *дел* – бур. *дэлхэн* «грива лошади»; х.-монг. *самар*,

лит.-бур. *хамар* — зап.-бур. *хамархан* «кедровые орехи», ойр.*самарсан* «кедр» [Цолоо 1988, с. 737]; х.-монг., лит.-бур. *мангир* — зап.-бур. *маньйахан* «дикий чеснок», калм. *мәңгирсн* «чеснок»; х.-монг., лит.-бур. *гутал*, вост.-бур. *гуталхан* «обувь»; х.-монг. *ялаа* — лит.-бур. *альяхан* «муха», бур. *илаахан*, калм. *иләсн* «мошка».

Опираясь на то, что аффикс *-sun* иногда придавал новому, образованному при помощи него слову более обобщенное, как бы абстрагирующее значение (см. выше развитие *adyusun* «животное» от *adyun* «табун, лошадь»), а также на то, что перед другими согласными сонорные согласные часто выпадают [Рассадин 1982, с. 153-156], мы можем произвести выявление словообразовательных моделей у слов с бывшей до этого затемненной внутренней морфологической формой. Так, напр., современные х.-монг. *загас*, бур. *загахан*, калм. *захсн*, даг. *джагус*, *джаус* «рыба» имеют соответствие в старописьменном монгольском языке в виде *jiyasun*. Наличие старописьменных словоформ: *jiyad* «рыбы» (мн.ч.), *jiyači(n)* «рыбак» наряду с *jiyasuči(n)* позволяет предположить, что форма *jiyasun* представляет собой слово с более обобщенным значением, образованное при помощи *-sun* от основы **jiya*. Эта основа имеет более конкретное значение, относящееся к названию какого-либо конкретного вида рыб (ср. упомянутую выше параллель развития семантики при словообразовании *adyusun* «животное» от *adyun* «табун, лошадь»). Учитывая закономерность выпадения сонорных перед другими согласными, мы можем предположить, что таким исходным мотивирующим словом в этой модели была лексема *jirya*, называвшая нельму, сибирского лосося (ср. совр. монг. *жарга* id.). Таким образом, здесь выявляется модель: *jirya* «лосось» + *-sun* → *jiryasun* «рыба». Впоследствии сонорный *-r-* перед *-y-* выпал и образовалась словоформа *jiyasun*, от которой развились современные *загас* и т.п. и которая получила фиксацию в старописьменном монгольском языке. От основы *jirya*, кроме того, при помощи аффикса *-qai*, образующего диминутивы (ср., напр.: *šibayun* «птица» + *-qai* → *šibayūqai* «пташка, маленькая птичка»), образовалось новое слово *jiryaqai* со значением «маленькая рыбка, малек, пескарь». Выпадения *-r-* в этой словоформе не произошло.

Аффикс *-sun*, будучи, видимо, одним из самых частотных показателей субстантивов, как и *-n* вообще имен, оформлял наряду с этим *-n* заимствованные слова, адаптируя их в класс монгольских имен. Ср., например: др.-тюрк. [Древнетюркский словарь 1969] *ariy* «чистый» + *-(u) n* → монг. **ariyun* → *ariyun* «чистый, священный»; др.-тюрк. *tariy* «посевы» + *-(a) n* → монг. **tariyan* → *tariyan* «посевы»; др.-тюрк. *siltay* «причина» + *-(a) n* → монг. **siltayan* → *siltayan* → *šiltayan* «причина, отговорка»; др.-тюрк. *balıq, balıy* «город» + *-sun* → монг. *balyasun* «город, развалины древнего города»; др.-тюрк. *balıq, balıy* «рыба» + *-sun* → монг. **balıyusun* → **baliyusun* → х.-монг. *balıyuc* «хариус» [Орос-монгол толь 1982, с. 781], ок.-бур. *balıyohan* «мелкий хариус»; др.-тюрк. *jayı* «враг» + *-sun* → монг. **dayısun* → *dayisun* «враг».

Одной из самых продуктивных моделей в образовании глаголов современного монгольского языка является аналитическая модель, использующая в качестве вспомогательного грамматического элемента глагол *хийх* «делать», которому в старописьменном монгольском языке соответствует *kikü* «делать». По этой модели образуется много глаголов от различных образных и звукоподражательных основ. Ср., напр.: *дуг хийх* «дремать» (букв, делать дуг, где дуг – образное слово); *год хийх* «выбегать», *тус хийх* «раздаться» – о глухом ударе; *луг хийх* «пульсировать, биться» – о сердце; *дун хийх* «греть»; *гүнгэр гангар хийх* «негромко разговаривать»; *хирд хийх* 1) «вспархивать» – о птице; 2) «вспыхивать» – об искре; 3) «журчать».

Зачастую в этой модели элемент *хийх* воспринимается уже как аффиксальный и сливается со значимой основой, образуя фонетически единую словоформу, что находит свое выражение в слитном написании всей словоформы; *дугхийх* «дремать», *годхийх* «выбегать», *дунхийх* «греть», *хирдхийх* «быть пораженным ужасом, страхом», *дүрсхийх* «воспламениться, вспыхивать». Это же слияние наблюдается и в системе видовых форм образных глаголов: *гяласхийх* «блеснуть, сверкнуть» (из *гялас хийх* от *гялайх* «блестеть, сверкать»), *хяламхийх*, *хялсхийх* «коситься, смотреть искоса» (из *хялам хийх*, *хялс хийх* от *хялайх* «косить глазами»), *явсхийх* «сходить ненадолго» (из *явсхийх* от *явах* «идти, ходить»). При этом в монгольских грамматиках выделяют даже особый аффикс *-схий-* для образования этой видо-

вой формы однократного мгновенного действия, настолько слились оба компонента.

В старописьменном монгольском языке все рассмотренные выше словоформы представлены как аналитические со вспомогательным глаголом *kikü* «делать»; *duy kikü*, *γod kikü*, *tüs kikü*, *dung kikü*, *čird kikü*, *kird kikü*, *dürs kikü*, *gilas kikü*, *kilam kikü*. Эта же модель прослеживается и в таких словоформах, как *уayakiqu*, *уayakikü* «что делать» (из *уayü kikü*, букв. «что делать»), *kerkikü* «как делать» (из *ker kikü* «как делать»).

В монгольских языках в качестве вспомогательного глагола в подобных моделях употребляется наряду с *хийх* «делать» и глагол *гэх* «говорить» (видимо, первоначально «издавать звук»): х.-монг. *чирд хийх*, *чирд гэх* «вспархивать»; «вспыхивать»; «журчать»; бур. *тад гэхэ*, х.-монг. *тас хийх* «стучать, грохотать»; х.-монг. *явсхийх*, бур. *ябад гэхэ* «немного походить»; х.-монг. *шав хийх*, бур. *шаб гэхэ*, калм., *шаб гих* «шлепнуть, издать шлепающий, хлюпающий звук». При этом в бурятском и калмыцком языках более активен глагол *гэхэ* (калм. *гих*) «говорить», а в халха-монгольском – *хийх* «делать». В старописьменном монгольском языке используются оба глагола – *kikü* «делать» и *gekü* «говорить»: *tas gekü* «производить шум, треск», *kird kikü* «ужасаться», *nird kikü* «издавать сильный треск».

Весьма показательно в этой связи сопоставление следующих, например, словоформ: бур. *нэрьехэ* (из **нэргэхэ*) «гремять, грохотать»; «ударять, бить с силой», калм. *ниргх* «шуметь, галдеть»; «гремять», староп.-монг. *nirgekü* «ударять» – о молнии; «громохвать, греметь, раскатисто грохотать», х.-монг. *ниргэх* «сверкать, ударять» – о молнии; «громить», в халхаском есть еще словоформы *нирхийх* «издавать сильный грохот, шум, гул», *нир нир хийх* «грохотать, греметь», *нир хийх* «грохотать», что говорит об активности глагола *хийх* и о сохранении производящей мотивирующей образной основы *нир*. Из приведенного сопоставления можно сделать вывод, что глаголы *нэрьехэ*, *ниргх*, *ниргэх*, *nirgekü* образованы от звукоподражательной образной основы *нир*, сохранившейся в халхаском языке. Глаголы образовались по модели *nir gekü*, имевшей первоначальное значение «издавать звук нир», где *нир* подражает грохоту, гулу. В халхаском наряду с моделью *nir gekü*, от слияния компонентов

которой образовался и халхаский глагол *ниргэх*, представлена еще модель *нир хийх*. Эти обе модели, в которых использовались глаголы *kikü* и *gekü*, в древности, видимо, были очень продуктивны, так как в старописьменном языке, как и в современных монгольских языках, имеется очень много глаголов, образованных по этим моделям от образных и звукоподражательных основ. Ср., напр., *jirgikü* ~ *jirgekü* «чирикать, щебетать» – о птицах, совр. бур. *жэръехэ*, *жэргэхэ*, х.-монг. *жиргэх*, калм. *жиргх* «щебетать, чирикать».

Обращает на себя внимание тот факт, что очень часто в старомонгольском языке к образным глаголам присоединен элемент *-gi-*, а не *-ge-* (корень глагола *ge-* «говорить»). Возможно, что на месте *-gi-* первоначально был элемент *-ki-* (корень глагола – *ki-* «делать»), который озвончил свой согласный либо в результате контаминации с *ge-*, либо в результате воздействия позиционно-комбинаторных фонетических условий. Таким образом, мы можем восстановить эту словообразовательную модель во многих современных глаголах. Например: х.-монг. *хуугих*, бур. *хууха* (из **хуугиха*), староп.-монг. *quugiqu* «выть, завывать» – о ветре (из *qui kikü*, *qui gekü*, что означало первоначально «делать куу» либо «произносить куу»); х.-монг. *шуугих*, бур. *шууха* (из **шуугиха*), калм. *шуугх*, староп.-монг. *šuiqu* «шуметь, галдеть» (из *šui kikü* или *šui gekü*); х.-монг. *шаагих*, бур. *шааяха* (из **шаагиха*), калм. *шаагх*, староп.-монг. *šagiqu* «шуметь» – о сильном дожде (из *ša kikü* или *ša gekü*). О слиянии, контаминации в подобных моделях элементов *ki-* и *ge-* делали в свое время предположение еще Алексей Бобровников [1849, с. 123] и Вл. Котвич [1902, с. 93].

В монгольских языках, в которых вообще чрезвычайно развита система образных слов, в очень большом количестве представлены образные глаголы, имеющие специфический показатель *-аи-*, *-ой-*, *-ий-*. Например: калм. *барвах* (из **барвайх*) «быть лохматым, взлохмаченным; быть отвислым»; «быть грубым» – о ткани; «быть окладистым» – о бороде, х.-монг. *барвайх* – «быть грубым» – о ткани; «быть окладистым» – о бороде, бур. *барбайха* «быть мохнатым, взлохмаченным», *барбиуха* «быть отличным, отвислым», староп.-монг. *barbayiqu* «быть грубым» – о матери; «быть окладистым» – о бороде. Лишь в бурятском языке

сохранилась мотивирующая образная основа *барба*, которая в повторенном виде употребляется в обстоятельственной функции: *барба-барба* – говорится о походке кого-л. лохматого и выражает зрительное восприятие чего-л. черного и движущегося в темноте; *баабгай барба барба гзихэлнэ* «шагает лохматый-прелохматый медведь». На этом примере видно, что образный глагол *barbayi*-образован от образной основы *barba* при помощи словообразовательного аффикса *-yi-*. Если пользоваться этой моделью, то все образные глаголы, имеющие *-yi-*, можно разложить на аффикс *-yi-* и образную производящую основу даже в тех случаях, если она не сохранилась ни в одном из современных монгольских языков. Таким способом мы можем находить и вычленять первообразные основы. Напр.: *angyayi*-«раскрываться, зиять» из **angya* + *-yi-* (ср. также *angya* «развилка», *angyarqai* «открытый, разинутый»; «щель», *angyaqai* «птенец»), где **angya* «образ чего-л. разверстого, зияющего пустотой, открытого»; *baysayi* – «собирается в пучок»; «быть пушистым, косматым» из **baysa* + *-yi-* (ср. *baysa* «кисточка»), где **baysa* «образ чего-л. пушистого, собранного в пучок»; *barjayi*- «становиться неровным, шероховатым» из **barja*+ *-yi-*, где **barja* «образ чего-л. с неровной шероховатой поверхностью».

Относительно словообразовательного элемента *-yi-* в такого типа глаголах Г.И. Рамстедт высказывался, что он восходит к *-gi-*, который после гласного перешел в *-yi-*. «Монгольские прилагательные на *-gir-*, – пишет он, – являются, вероятно, причастием на *-r* от этих глаголов на *-gi-*. Рано отойдя от парадигмы, эти прилагательные не участвовали вместе с глаголом в развитии – *gi-* в *-yi-*, которое имело место в системе глагола» [Рамстедт 1957, с. 155]. Далее он утверждает: «...Возникшие таким путем типы глаголов, выражающих состояние, на более позднем этапе развития языка характеризует в исходе основы *-ayi-* (*-eyi*), *-iyi-*, *-uyi-*, нынешнее *-ai-*, *-i-*. Позднемонгольские глаголы на *-ai-*, *-i-* составляют ныне весьма продуктивную группу и внутри языка и даже вызывают появление тюркских подражательных образований...» [То же, с. 178].

Здесь нам хотелось бы высказать одно предположение относительно происхождения этого элемента *-gi-*, перешедшего после гласных основ в *-yi-*. Мы считаем, что здесь *-gi-* представля-

ет собой не что иное, как суффигованную основу вспомога- тельного глагола *ki-* «делать» с озвонченным начальным *k-*, ко- торый мы наблюдали ранее, в связи с аналитической словообра- зовательной моделью: значимая образная основа + глагол *kikü* «делать» или *gekü* «говорить». Контаминация этих вспомога- тельных глаголов произошла, видимо, очень давно, поскольку они уже превратились в аффиксы *-gi-* и *-ge-*, что мы и видели в примерах. Таким образом, развивая эту мысль, вполне логично предположить, что упоминаемый Г.И. Рамstedтом элемент *-gi-*, давший *-yi-*, является не чем иным, как глаголом *ki-* «делать», превратившимся в моделях типа *angya ki-* (букв. «делать» *angya*), *barja ki-* (букв. «делать» *barja*) и т.п. в аффикс *-gi-*. По- скольку же это происходило в очень отдаленную эпоху, на уровне общемонгольского праязыка, то *-gi-* здесь успел перейти в *-yi-*, как это мы можем видеть и в современном бурятском языке, в котором обычен переход смягченного *-g-* в *-й-* (ср., напр., *тэрелхэ* из *тэргэлхэ* «убегать», *бааяха* из *баагиха* «клу- биться», *елыхэ* из *гилийх* «быть гладким»). Следовательно, все эти образные глаголы на *-yi-* в итоге тоже восходят к аналитиче- ской словообразовательной модели с глаголом *ki-*, превратив- шимся в аффикс.

Если допустить реальность существования в древнем мон- гольском языке аналитической словообразовательной модели *R ki-*, что в общем-то не вызывает сомнения, в которой *R* пред- ставляет собой рему, значащую основу, а *ki-* – служебный эле- мент (глагол «делать»), развившуюся впоследствии в модель *R + ki- → R + -gi- → r + -yi-*, то, используя эту модель, удалось бы вскрыть внутреннюю форму очень большого количества гла- голов и выявить первообразные производящие мотивирующие основы.

Так, например, используя эту модель, можно предполо- жить, что указательные глагольные местоимения *eyi-* «этак де- лать» и *teyi-* «так делать», равно как и *inge* «этак делать» и *cinge* «так делать», а также вопросительные глагольные местоимения *uyaki-* «что делать» и *kerki-* «как делать» (ср. также бытующую в старописьменном монгольском языке не слившуюся фонетиче- ски форму *ker kikü* «как делать, как поступить») образованы по этой модели от первообразных основ указательных местоимений

*e «этот, это, эта», *te «тот, то, та», *in «этот», *ċin «тот», вопросительных *yaŋu* «что», *ker* «как». Развитие словоформ шло по схеме: *e ki- → *eki → *egi → eyi-; *te ki- → *teki → *tegi- (ср. совр. х.-монг. *тэгэх* «так делать») → *teyi-*; *in ge- → *inge- (ср. совр. х.-монг. *ингэх* «этак делать»); *ċin ge- → *ċinge-* (ср. совр. х.-монг. *чингэх* «так делать»). Основы местоимений *e, *te, *in, *ċin выявляются, кроме того, и в других производных от них словоформах: *ende* «здесь», *tende* «там», *eši* «сюда», *teši* «туда», *edüi*, *tedüi* «столько» (ср. *kedüi* «сколько»), ср. также бур. *тээ тэрэ*, монг. *тээ тэр* «вон тот», бур. *тээ тэндэ* «вон там», где *te сохранилось в виде *тээ*; *inadu* «здесь», *ċinadu* «там», *inaŋsi* «сюда», *ċinaŋsi* «туда», *inaru*, *ċinaru* «до, прежде чем».

Таким образом, выявление древнейших продуктивных словообразовательных моделей будет способствовать в то же время установлению внутренних форм производных слов и выявлению первичных корневых морфем, что представляет собой назревшую неотложную задачу сравнительно-исторической монголистики, задачу в наше время вполне посильную и разрешимую.

2.2. Сравнительно-исторический аспект изучения системы словообразования бурятского языка (на примере нижнеудинского говора)

2.2.1. Корневые условно-непроизводные основы

Словарный состав современного бурятского языка, как и любого другого, распределяется по частям речи, количество которых в монгольских языках, в том числе и в бурятском, в разные периоды развития монголоведения определялось по-разному. Разрабатывая этот вопрос, нами была обоснована и предложена своя схема частей речи монгольских языков [Рассадин 2003, с. 3-13]. Поскольку классификация частей речи, а по сути дела лексико-грамматических групп слов, которые имеют одну функцию на уровне языка и совершенно иную на уровне речи, то за основу деления при этой классификации нами был принят критерий языковой (но не речевой) функции слов. Языковая же функция разных лексико-грамматических групп слов различна и обусловлена типом лексического значения. Так, выделяется довольно боль-

шая в количественном отношении группа слов, называющая предметы, свойства, качества и признаки этих предметов, их количество, их действия и состояния, а также обстоятельства, при которых происходят эти действия/состояния. Такие слова, объединяемые одной номинативной (назывной) функцией, составляют единую группу назывных слов. Другие, ничего не называя, лишь указывают на эти предметы, качества, количества, действия и обстоятельства, образуя группу указательных слов. Эти две группы объединяет наличие у них вещественных лексических значений, поскольку слово – это единство формы и значения. Назывные и указательные слова, обладая однотипным значением, объединяются в один класс – класс знаменательных слов. Слова только из этого класса могут выполнять сходные речевые функции – выступать в роли тех или иных членов предложения. При этом назывные слова непосредственно выполняют эти функции, а указательные, замещая в речи соответствующие назывные слова, окказионально принимают их лексические значения и речевые функции.

Другие же слова, имея иные типы лексических значений, не могут выполнять этих функций. Так, ряд лексем, обладая грамматическим значением на уровне языка, выполняет на уровне речи служебные функции, являясь лексическим средством выражения различных грамматических отношений между знаменательными словами. Эти лексемы объединяются в класс служебных слов. Некоторые из них образовались за счет лексикализации и грамматикализации различных грамматических форм знаменательных слов и поэтому внешне могут с ними совпадать. Однако это не повод их объединять. Здесь не должно быть никакой путаницы, ибо тип значения и синтаксические функции у них совершенно разные. Например: бур. *болон* в одном случае представляет собой форму слитного деепричастия глагола *болохо* «быть; стать», а в другом – является сочинительным союзом «и», образованным от этого деепричастия. Хотя внешне и по происхождению они совпадают, но на языковом и речевом уровнях сейчас это слова, входящие в разные классы.

Группа слов и устойчивых словосочетаний, обладая модальным языковым значением, на уровне речи выражают лишь отношение говорящего к предмету высказывания и относятся ко

всему высказыванию. Они не могут выполнять роль членов предложения. Такие слова объединяются в класс модальных слов. Основу этого класса составляют различные частицы.

Есть в монгольских языках, в том числе и в бурятском, слова, которые ничего не называют, ни на что не указывают, ни грамматических, ни модальных значений не имеют. Единственная их роль в языке — средствами языка выражать разные эмоции и волеизъявления, побуждения, а также всевозможные, слуховые и зрительные, образы, воспринимаемые человеком извне. Обычно в монголоведении принято объединять такие слова в одной части речи — «Междометия», хотя это совершенно разные слова: первые выражают чувства и эмоции, вторые — образы. Вследствии такого их различия мы разделяем их на два класса: класс аффектных слов и класс изобразительных слов.

Таким образом, в современном бурятском языке все слова распределяются нами по пяти классам — знаменательные, служебные, модальные, аффектные и изобразительные слова. Внутри каждого класса существует своя внутренняя классификация. Группы субстантивов (существительных), адъективов (прилагательных), нумеративов (числительных), вербов (глаголов) и адвербов (наречий) входят в состав лишь назывных знаменательных слов.

По своей внутренней морфологической форме, например, субстантивы, как и слова современного бурятского языка, относящиеся и к другим группам назывных знаменательных слов, могут быть как непроизводными, так и производными, образованными при помощи различных словообразовательных моделей. Ряд этих моделей продолжают активно использоваться в современном бурятском языке. Их подробный анализ выполнил У.-Ж.Ш. Дондуков [1964; 1983].

Поскольку некоторые словообразовательные модели были активны в глубоком прошлом и давно уже омертвели и могут быть установлены только этимологическим путем, то в современном бурятском языке имеется немало субстантивов, внутренняя форма которых сейчас неизвестна и не может быть установлена на базе современного бурятского словообразования. Кроме того, имеются лексемы, пришедшие в разное время в бурятский язык из других языков. Морфологическая форма

этих слов соответственно тоже не может быть выявлена на основе бурятского языка, так как в них представлены словообразовательные модели тех языков. Поэтому среди словарного состава современного бурятского языка, а конкретно – субстантивов, мы выделяем, помимо производных так называемые условно-непроизводные субстантивы, которые состоят из трех групп: 1) непроизводные корневые основы, у которых наблюдается совпадение корневой морфемы и основы слова; 2) условно-непроизводные корневые основы, содержащие омертвевшие словообразовательные модели, а их корневые морфемы можно установить лишь этимологическим путем; 3) заимствованные слова с иноязычной внутренней морфологической формой.

При этом слоговой состав всех этих непроизводных слов может быть совершенно различным. Так, они могут быть односложными, например: *аб* «чары, колдовство», *эд* «вещь, имущество; товар», *эм* «лекарство», *бүд* «ткань, мануфактура», *гар* «рука; руки», *хул* «нога; ноги», *хүн* «человек», *хун* «лебедь», *һүн* «молоко», *бөө* «шаман», *тоо* «количество, число; цифра», *дайн* «война», *сай* «чай»; двусложными, например: *аман* «рот, уста», *ара* «зад, задняя сторона, северная сторона», *арад* «народ», *оро* «северный олень», *орон* «кровать; постель», *ордон* «ставка, резиденция; дворец», *модон* «дерево», *буха* «бык», *тугал* «теленок», *хуса* «баран», *хонин* «овца», *шоно* «волк», *одон* «звезда», *нюдэн* «глаза», *шүдэн* «зуб», *шэхэн* «уши», *шүлэн* «бульон, суп», *тэргэ* «телега»; многосложные, например: *удаган* «шаманка», *хутага* «нож», *загаһан* «рыба», *харсага* «ястреб», *азарга* «жеребец», *онголо-онголи* «кедровка», *нугаһан* «утка». При этом следует отметить, что самой многочисленной, если не преобладающей, является группа двусложных субстантивов. Второй слог многих из них составляет элемент *-һан/-һэн/-һон*, восходящий к древнемонгольскому словообразовательному аффиксу *-sun...*, образовавшему в древности большое количество существительных, утративших ныне свою внутреннюю морфологическую форму и ставших условно-непроизводными. К ним можно отнести, например, такие бурятские слова, как *уһан* «вода», *үһэн* «волосы на голове человека», *тоһон* «масло», *саһан* «снег», *шуһан* «кровь», *яһан* «кость», *дэлһэн* «грива лошади».

Много двусложных слов, которые имеют в своей структуре дифтонги, как например, *хайрсаг* «ящик», *хайша* «ножницы», *дайхан* «враг», либо долгие гласные, например: *хуурсаг* «ящик, ларец, шкатулка; гроб», *галуун* «гусь», *шубуун* «птица», *шулуун* «камень», *ямаан* «коза», *буруун* «телка-двухлетка», *үнеэн* «корова», *тэмээн* «верблюды», *эмээл* «седло», *жолоо* «поводья», *хазаар* «узда», *хашаан* «загон для скота». Все они имели в прошлом многосложную структуру, которая трансформировалась в двусложную с долгим гласным в результате выпадения интервокальных согласных и образования вторичной долготы гласных. Например: *тэмээн* образовалось из **тэмэгэн*, *шулуун* — из **чилагун*, *жолоо* — из **джируга*, *ямаан* — из **имаган* и т. п.

Внутреннюю форму условно-непроизводных основ имен существительных можно установить лишь путем этимологического анализа, используя внутреннюю реконструкцию. Восстановленные корневые морфемы во многих случаях либо восходят к алтаистическому фонду, либо являются древними заимствованиями. Но в любом случае решающее значение имеет здесь этимологический анализ.

При этимологизации слов современного бурятского языка перед исследователем встает сразу несколько проблем, связанных с рядом существенных моментов. Прежде всего с тем, что бурятский язык входит в семью монгольских языков и тем самым наследует основные черты строя общемонгольского языка, выраженные в общих элементах бурятского и остальных современных монгольских языков не только в фонетике и грамматике, но и в лексике, в наличии ядра общемонгольской лексики. Кроме того, при наличии заимствованных элементов, проникших в монгольские языки еще на общемонгольском уровне, они в основном сохраняются и в современных монгольских языках. Далее. В длительном процессе распада общемонгольской языковой общности и формирования современных монгольских языков на промежуточных стадиях образовывались языковые ареалы, в рамках которых и происходило формирование современных монгольских языков. Первоначально — восточного и западного ареалов. Восточный ареал был связан, видимо, с киданьским этносом. Языком-потомком этого ареала считается современный дагурский язык. Западный ареал представлял первоначально

языки тех монгольских племен, которые перемещались на запад, в сторону Центральной Азии, где вступали во взаимодействие с обитавшими там тюркскими племенами. Во взаимодействие вступали соответственно и языки. Данный ареал впоследствии распался на северо-западный и юго-восточный. При этом северный ареал составляли языки монгольских племен, получивших название шивей. В недрах этого ареала формировались современные баргу-бурятские, ойратские и халха-монгольские языковые группы. В южном ареале формировались языки, легшие в основу современных монгольских языков Внутренней Монголии КНР – чахарский, хорчинский, бааринский, ордосский и т.п.

Отдельную историю формирования представляют собой так называемые периферийные монгольские языки – могольский (язык афганских моголов), монгорский, баоаньский, дунсянский и язык желтых уйгуров (КНР). Эти языки образовались в послеюаньский период, после распада монгольской империи Юань. На их формирование сильное влияние оказали тибетский язык и китайские диалекты, с которыми в течение многих столетий, начиная с XIII-XIV вв., контактировали языки тех монгольских племен, которые в качестве военной силы сопровождали монгольских наместников, управлявших завоеванными провинциями. После распада империи эти монгольские племена остались на завоеванных прежде землях и частично смешались с местным населением, частично сохранились, удержав тот вариант средневекового монгольского языка, на котором говорили их предки в ту отдаленную юаньскую эпоху. Лишенные в течение многих столетий контактов с коренными монгольскими племенами эти «периферийные» монголы сохранили в своих языках многие черты средневековых монгольских языков.

Таким образом, как мы видим, бурятский язык имеет единого языка-предка с ойратским и халха-монгольским языками, что необходимо учитывать при этимологизации слов современного бурятского языка.

Необходимо учитывать также и то, что в процессе своего длительного формирования монгольские языки испытывали влияние со стороны различных языков как родственных, так и неродственных – тюркских, тунгусо-маньчжурских, китайско-

го, тибетского, иранских, что нашло свое выражение в наличии разнообразных заимствований из этих языков. Само собой разумеется, что эти элементы не могут быть этимологизированы на почве монгольских языков, поскольку образованы по собственным моделям. Поэтому одной из основных проблем этимологизации слов бурятского языка является выявление заимствованных элементов и исключение их из процесса этимологизации. В то же время в ряде случаев выявить ранние заимствования удастся только после определения праформ слов. В этой связи немаловажной проблемой является определение заимствованного характера слова, что можно сделать только опираясь на достаточно четкие критерии, особенно если это касается заимствований в разные эпохи из родственных языков, каковыми считаются алтайские языки. Поэтому зачастую довольно трудно определить истинный характер этимологизируемого слова — является ли оно исконно монгольским или заимствовано либо из тюркских языков, либо из тунгусо-маньчжурских. При этимологизации слов бурятского языка эту проблему придется решать постоянно, так как алтайские языки развивались в течение многих столетий (если не тысячелетий) во взаимодействии на достаточно ограниченной территории.

Кроме того, при установлении происхождения того или иного бурятского слова необходимо учитывать и те фонетические законы, по которым происходило историческое развитие звукового строя бурятского языка и согласно которым изменялось и исследуемое слово, его праформа.

Изучение иноязычного влияния на развитие монгольских языков в отечественном монголоведении началось давно. Так, еще акад. Б.Я. Владимирцов издал ряд основополагающих работ, в которых положил начало изучению иноязычных элементов в монгольских языках: тюркских [Владимирцов 1911, с. 153-184], арабских [Владимирцов 1930, с. 73-82], иранских [Владимирцов 1925, с. 331-340]. О том, что эти работы и до сих пор не утратили своего большого значения для сравнительно-исторической монголистики, писал в свое время Г.Д. Санжеев [1958, с. 22-28].

Работа по выявлению иноязычного влияния на монгольский язык велась и в самой Монголии, результатом чего является ряд

статей, а также кандидатских диссертаций, в которых изучены, например, тибетские [Жамбалсурен 1961] и санскритские [Сухбаатар 1992] элементы в монгольском языке. Результаты подобных исследований подытожены в «Словаре иностранных слов монгольского языка» [Сухбаатар 1997], включающем около 1100 слов, вошедших в монгольский язык из других языков. Теперь, опираясь на этот словарь, стало возможным уточнить круг собственно монгольских элементов в качестве материала для этимологических изысканий.

Если выявление заимствований из иноструктурных языков, как, например, из арабского, тибетского, китайского, индоевропейских, в том числе из санскрита и русского, в общем-то не представляют особых затруднений, то определение слов и грамматических элементов, взятых из родственных алтайских языков, является делом трудным. Хотя тюрко-монгольскими языковыми отношениями занимались многие, но лишь у отдельных исследователей можно найти критерии, согласно которым они отличают тюркские слова от монгольских. При этом только у А. Рона-Таша находим более или менее четкие критерии выделения явных тюркизмов в монгольских языках, причем относящихся к разным эпохам развития тюркских языков [Рона-Таш 1974]. Среди последних работ по установлению подобных критериев можно назвать исследование С.С. Харьковской [1988, с. 75-82]. Нами были предложены критерии явных монголизмов среди тюрко-монгольской языковой общности, т.е. стало возможным отграничить монголизмы от тюркизмов [Рассадин 1980, с. 5-7]. Проводилась нами работа и по выявлению тюркских лексических элементов в монгольских языках [Рассадин 1970, с. 52-58; 1983, с. 70-89].

Менее всего изучены взаимоотношения монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Из отечественных работ здесь следует назвать основополагающее исследование Г.Д. Санжеева, посвященное выявлению общих элементов монгольского и маньчжурского языков [Санжеев 1930], где он сопоставил не только общие лексемы, но и фонетические и морфологические элементы. Нами тоже было высказано свое мнение о наличии тунгусо-маньчжурских элементов в монгольских языках [Рассадин 1989, с. 145-152].

Работа по выявлению иноязычного влияния на бурятский язык проводилась и в Бурятии. Здесь прежде всего следует назвать исследование Ц.Б. Цыдендамбаева, в котором он установил тюркизмы, китаизмы, тибетизмы, маньчжуризмы и эвенкизмы, а также русизмы, составившие специфику языка дореволюционных бурятских исторических хроник и родословных [Цыдендамбаев 1972, с. 463-553]. Тюркизмы, эвенкизмы, монголизмы, тибетизмы и русизмы в современных бурятских диалектах выявил С.Б. Будаев [1978, с. 172-211]. Можно назвать также отдельные статьи, посвященные определению тех или иных иноязычных элементов в современном бурятском языке: русских [Цыдендамбаев 1978а, с. 49-54; Дондуков 1974], тибетских [Хазуев 1978, с. 96-107], эвенкийских [Цыдендамбаев 1978, с. 79-95; 1981, с. 70-91; Рассадин 1987, с. 178-183; 1989, с. 145-152], тюркских [Рассадин 1969, с. 129-134; 1987, с. 170-178; 1988а, с. 62-75]. Нами тоже делались попытки выявления иноязычных элементов в бурятских говорах [Рассадин 1977, 1985, 1988, 1992, 1996, с. 132-158]. При рассмотрении отдельных лексико-семантических пластов бурятской лексики в сравнительно-историческом освещении мы обращали внимание и на тюркское и тунгусо-маньчжурское влияние [Рассадин 1981, 1984, 1987а].

При этимологическом изучении собственно монгольской лексики нами обращалось внимание на некоторые проблемы, которые при этом необходимо было решать [Рассадин 1995, 1997, 1997а]. Эти же проблемы встанут и при этимологизации слов бурятского языка, который сохраняет общемонгольские словообразовательные модели и в котором тоже действовали исторические общемонгольские фонетические процессы [Рассадин 1982, с. 115-165]. Таким образом, лексемы общемонгольского характера удастся этимологизировать только на общемонгольском уровне, учитывая как общемонгольские словообразовательные модели, так и общемонгольские закономерности исторического фонетического развития.

Мы можем продемонстрировать это на примере этимологизации бурятского слова *нюһан* «слизь из носа, сопля» со скрытой внутренней морфологической формой. В других монгольских языках ему соответствуют: х.-монг. *нус*, калм. *нусн*, стп.-м.

nisun id. При этом в отношении внутренней морфологической структуры старомонгольская форма по сути дела совпадает с современными. Это может говорить лишь о том, что к моменту фиксации древнего монгольского языка уйгурским письмом более древние архетипы этих монгольских слов давно уже трансформировались и приобрели формы, близкие к современным. Однако анализ современных вариантов этих словоформ говорит, что бур. *нюхан*, например, может восходить именно к прототипу *nisun*, а х.-монг. *нус* и калм. *нусн* – к более архаичной форме **nisun* с твердорядным **i*, перед которым отсутствовала палатализация предшествующего согласного. Иначе говоря, здесь мы наблюдаем более ранний перелом древнего **i*, в то время как в бурятском – более поздний перелом, уже на стадии **i*, после того, как произошло слияние **i* и **i* в одном *i*, перед которым уже развилась палатализация согласного в твердорядном слове.

Далее необходимо решить одну из основных проблем на начальном этапе этимологизации – установление гнезда однокоренных слов. При этом учитываются закономерности как фонетического развития, так и семантического. В случае со словом *нюхан* это будут: в бурятском языке *-нёсхой*: *нюхата нёсхой* (фольк.) «сопляк», *нёлбоһон* «слёзы, слеза; плевок; слюна», *нёлбохо* «плевать, плюнуть», *нилар-нилар* «об ощущении слизи, скользкого, тягучего», *нилдайха* «быть клейкой и вязкой – о жидкости», *нилдагар* «липкий, клейкий, тягучий; жидковатый – о тесте; мягкий, студенистый», *нисайха* «быть клейким или кашицеобразным, слизистым; быть приплюснутым», *нилхагар* «студенистый; расплывшийся», *нюлаг* «молоки у рыб», *нюлгар* «слизистый, скользкий», *нилсагай* «новорожденный», *нилха* // *нялха* «новорожденный; дитя, младенец»; в халха-монгольском – *нусгай* «сопливый; сопляк; насморк», *нулимс* «слёзы; слеза», *нулимдас* «плевок», *нулимах* «плевать», *нялалдах* «прилипнуть друг к другу» (взаимн. от *нялах* «размазывать»), *нялга* «молоки у рыб», *нялганах* «быть липким, тестообразным», *нялцайх* «быть клейким, слизистым», *нялцагай* «липкий, клейкий, слизистый», *нялцгар* «что-либо мягкое, тестообразное, слизистое», *нялзрай* «новорожденный», *нилха* «новорожденный»; в калмыцком – *нусха* «сопляк», *нульмен* «слёзы; плевок», *нульмх* «плевать», *нилх* «новорожденный»; в старописьменном монгольском

языке – *nisuqai* «сопливый, сопляк», *nilbuqu* // *nilmuqu* «плевать», *nilbusun* // *nilmusun* «слеза; слюна», *nilbudasun* «плевок», *nilyu* «молоки у рыб», *nilcuuyima* «немного клейкий, липкий», *nilcayaqu* «приклеивать», *nilqa* «новорожденный»; в языке «Мукаддимат ал-Адаб» – *nilbusun* «слеза, слёзы», *nilbuqui*, *nilbuba*, *nilbuqsan* «плевок», *nilqa* «новорожденный»; в языке «Сокровенного сказания монголов» – *nisun* «сопли», *nilbusun* «слёзы», *nilqa* «новорожденный»; в языках монголов Внутренней Монголии КНР – *нул*//*нусу* «сопли», *нулимс* // *нульмас* // *нулмусу* // *нолбос* // *нолмос* «слеза, слёзы», *нялх* «новорожденный»; в дагурском языке – *нёмбос* «слеза»; в монгорском языке – *нилбусе* «слеза», *нумпу*= «плевать», *нумпусе* «плевок; слюна»; в дунсянском языке – *нумбусун* «слюна», *нигусун* «слеза»; в баоаньском языке – *нэмсон* «слеза». Как можно видеть из всего приведенного выше материала, везде прослеживается в разных фонетических вариантах (*нил*=//*нёл*=//*нял*= // *нул*= // *нуль*- // *нол*= // *нём*= // *нум*= // *нэм*=) древний корень **nil*= с более архаичным вариантом **nil*=, имевший, видимо, более общее значение «испускать слизь из носа или изо рта», а также «испускать жидкость из глаз». Поэтому значения производных слов неустойчивы по языкам и варьируют от «плевка» до «слёз», а также до любой липкой жидкости.

Учитывая закономерность выпадения сонантов **l* и **r* перед шумными согласными [См.: Рассадин 1982, с. 153-156], действовавшую достаточно интенсивно в прошлом и живую ныне в ряде монгольских языков и диалектов (ср., например, стп.-м. *mölsün* > бур. *мульхэн*, х.-монг. *mөс*, калм. *mөсн* «лёд»; стп.-м. *moyilsun* > х.-монг., вост.-бур. *мойл*, зап.-бур. *мойһон* «черёмуха»; стп.-м. *ayilcün* > х.-монг. *айлчин*, вост.-бур. *айлшан*, зап.-бур. *айшан* «гость»; стп.-м. *manggir* // *manggirsun* > х.-монг., вост.-бур. *мангир*, зап.-бур. *маньяһан* // *маньдиһан* «дикий лук»), можно предположить, что и в словоформе **nīsun* перед **s* некогда был и затем закономерно выпал сонант **l*, который представлен в восстановленном выше нами архаичном корне **nil*=, от которого вполне могло быть образовано слово **nīlsun* со значением «выделения, слизь из носа», что не противоречит семантике этого глагольного корня. Возможно, еще на стадии **i* архетип **nīlsun* утратил **l* и преобразовался в **nīsun*, который

затем перешел в *nisun*. Таким образом, бур. *нюхан*, х.-монг. *нус* и калм. *нусн* вполне реально можно возвести к архетипу **nīlsun* и включить в гнездо слов с корнем **nīl=*.

Если взять гнездо слов: бур. *ундан* // *умдан* «питье, напиток»; х.-монг. *унд* // *умд* «напиток», *ундаа* «напиток, питье»; калм. *ундасн* «жажда», *умср* «влажный; талый – о снеге», *умсрх* «увлажняться»; стп.-м. *umda* // *umdayan* «напиток; жажда», а также общемонгольский глагол **umba=* «плавать в воде, плыть по воде» (ср. стп.-м. *umbaqu* «плыть по воде», х.-монг. *умбах* «брести по воде», бур. *умбаха* «плавать, купаться; брести по воде или снегу», дагур. *умпаа=*, дунс. *умба=* «купаться»), то здесь вычленяется пракорень **um=*, имеющий семантику «глотать воду, пить». От этого корня, по всей вероятности образовано слово **umsun* «вода» (т.е. то, что пьют), давшее в современных монгольских языках рефлексы бур. *уһан*, х.-монг. *ус*, калм. *усн*, дунс. *усу* «вода» и т.п. Таким образом, и здесь прослеживается закон выпадения сонантов, о котором сказано выше. О реальности предположения архетипа **umsun* для названия воды в древнемонгольском языке свидетельствует на алтаистическом уровне наличие тунгусо-маньчжурской параллели в виде глагола *om=* // *um=* «пить» [См.: Сравнит. словарь тунг.-маньчж. языков, т. 2, с. 266].

Большой проблемой при этимологизации слов бурятского языка и выявлении непроемных субстантивов является вычленение пласта собственно бурятской лексики и определение в нем заимствованных элементов.

Так, непроемыми для бурятского языка являются, само собой разумеется, такие заимствованные слова, как, например, *эд* «вещь, имущество; товар», восходящее к др.-тюрк. *ed id.*, *тэмээн* «верблюд» – из др.-тюрк. *tebe id.*, *тугал* «теленка до года» – из тюрк. *tuγiř id.* < тюрк. *toγ=*~*tuγ=* «рождаться», *буруун* «телка» – из др.-тюрк. *buzayu* «теленка по второму году» (в древнем болгаро-хазарском ареале была ротацирующая форма **birayu*, сохранившаяся в чувашском *пырау id.*), *буха* «бык» – из др.-тюрк. *buqa id.*, *хонин* «овца» – из др.-тюрк. *qojin~qoj id.*, *хуса* «баран» – из др.-тюрк. *qoç~qoçqar id.*, *алтан* «золото; золотой» – из тюрк. *altun id.* < тюрк. **al+ tun* «металл красного цвета», *оро* «северный олень» – из эвенкийского *оро id.*, *онго-*

ло-онголи «кедровка» — из эвенк. *онголо* id. К слову сказать, в современном бурятском языке пласт непроемких основ, являющихся заимствованными словами из различных языков, довольно внушителен.

Бесспорным положением является то, что ядром лексической и словообразовательной систем любого языка обычно считаются корневые непроемкие основы, представляющие тот базис, на котором зиждется все словообразование. Есть такие основы и в бурятском языке, причем как в литературном языке, так и в территориальных вариантах народного разговорного языка (иначе говоря, говорах). Так, например, если основу бур.НУ *кирөөдэжэ* «пилить пилой» нельзя считать непроемкой, поскольку она представляет собой глагол, образованный при помощи аффикса =дэ от именной основы *кирөө* «пила», то такие основы, как *гал* «огонь», *гар* «рука», *гэр* «дом», *кул* «ноги», *нидэн* «глаза», *уһун-угун* «вода», *загаһан* «рыба», *микан-мякан* «мясо» и т. п., не имеющие своей внутренней формы в современном языке, должны быть отнесены к разряду непроемких. Однако таковыми они будут лишь с точки зрения современного языка, утратившего производящие основы, которые, если они есть, могут быть вскрыты, выявлены этимологическим путем на историческом ретроспективном (диахроническом) уровне. Поэтому отнесение подобных основ к непроемким должно быть чисто условным. Именно с данной точки зрения эти основы предлагается называть условно-непроемкими. Ниже хотелось бы продемонстрировать на ряде примеров из самого своеобразного бурятского говора — нижеундинского — справедливость данного тезиса. При этом данное положение характерно и для всех остальных бурятских говоров и литературного языка.

Так, бурятская лексема *загаһан* «рыба» бесспорно входит в основной словарный фонд монгольских языков и относится к общемонгольским словам, появившимся еще в общемонгольский период, поскольку бытует во всех живых монгольских языках и письменных памятниках, незначительно разнясь лишь фонетически. Ср., например, варианты данного слова: бур. *загаһан* (в говорах: *загаан*, *загуун*, *загууан*), старобаргут. *дзагуу*, новобаргут. *загуһу*, х.-монг. *дзагас*, калм. *захен*, внутр.-

монг. *джагас*, *дзагас*, *джагат*, ордос. *джагусу*, дагур. *джагас*, *джагус*, *джаус*, дунс. *джагасун*, монгор. *джагасе*, баоан. *джалгасон*, *джилгасон*, *джиласон*, стп.-м. *ǰγasun*, MNT, ЛР *ǰqasun*, МА *ǰγasun*, ИМ *ǰγasu(n)*. Принято считать, что наиболее архаичной формой слова «рыба» является *ǰγasun*, то есть та, которая зафиксирована в старомонгольском языке и средневековых письменных памятниках.

Словоформа *ǰγasun* легко разлагается на элементы *ǰγa-* и *-sun*. При этом *-sun* является одним из древнейших общемонгольских словообразовательных аффиксов, образывавшим еще в прамонгольском языке имена существительные от имен и глаголов [об этом аффиксе, например, см.: Рамстедт 1957, с. 199-200; Чоймаа 1992, с. 204-205; Болд 1986, с. 96-98; Рассадин 1995, с. 122-125]. Элемент *ǰγa-* можно найти в стп.-м. *ǰγacin* «рыбак», бытующем здесь параллельно с *ǰγasucin*. О древности данной словоформы свидетельствует «Сокровенное сказание монголов» 1240-го года (§ 109), в котором есть слово *ǰqacin* «рыбак» наряду с *ǰqasu(n)* «рыба» [Rachewiltz, p. 28, 44, 108, 248]. Сэцэнцогт приводит форму множ. числа *ǰγad* «рыбы» и возводит слово *ǰγasun* к *ǰγan* «рыба», не давая дальнейшей этимологии [Secensoγtu 1988, t. 2382]. Элемент *ǰγa-*, прослеживаемый в словоформах *ǰγan* «рыба», *ǰγad* «рыбы», имеет реальную историю и может быть возведен к **ǰrγa*, сохранившемуся в виде стп.-м. *ǰrγa* «сибирский лосось» и х.-монг. *джарга* «нельма» (ср. также х.-монг. *яргай дзагас* «лосось»). Таким образом, прототипом для *ǰγasun* можно считать **ǰrγasun*, подвергшееся впоследствии процессу фонетического опрощения за счет выпадения сонанта *-r-* перед шумным ротовым согласным, что довольно часто происходило в истории развития монгольских языков [подробнее см.: Рассадин 1982, с. 153-156].

О реальности образования словоформы **ǰrγasun* «рыба» от основы **ǰrγa* «сибирский лосось, нельма» свидетельствует су-

ществовавшая в истории монгольских языков закономерность образования при помощи аффикса *-sun* слов с более обобщенным, более абстрактным значением от основ, называвших конкретные предметы или существа, как например: *aduγun* «табун лошадей; табунная лошадь» + *-sun* > *aduγusun* «животное» [Рассадин 1985, с. 124].

От основы **ǰirγa*, кроме того, при помощи аффикса *-qai*, образующего диминутивы (ср., напр: *sibaγun* «птица» + *-qai* > *sibaγuqai* «пташка, маленькая птичка»), образовалось новое слово *ǰirγaqai* «маленькая рыбка, малек, пескарь», давшее современные бур. *жараахай*, х.-монг. *джараахай* с теми же значениями. Выпадения *-r-* в этой словоформе не произошло.

Произведенный нами сравнительно-сопоставительный анализ лексики бурятского языка и его говоров позволил выделить в ее составе следующие условно-непроизводные корневые основы (на примере нижеуединского говора).

2.2.1.1. Имена существительные

1. Общемонгольского характера : *ада*¹ «злой дух», *ака* «старший брат», *аман* «рот», *амин* «жизнь», *анир* «звук; голос», *ара* «задняя часть; спина; северный склон», *аса* «деревянные вилы», *бүһэ~бүһү~бэһэ* «пояс, кушак, ремень», *бэйэ* «тело», *гал* «огонь», *ган* «летний зной», *гар* «рука», *годли* «стрела», *годон* «камус, шкурка с лап животного», *гуули* «медь, бронза», *гэр* «дом, изба», *дала* «лопатка», *дик~жик* «лукавство, хитрость», *дил~жил~йил~жэл* «год», *диньжи~гиньжи* «цепь», *дуран* «желание, хотение; любовь», *дуун* «песня», *дэгэл* «зимняя шуба; пальто», *дэрэ* «подушка, подъязголовье», *жолоо* «детское темя, родничок», *зол* «счастье, удача», *зун*

¹ Ввиду громоздкости мы опускаем здесь сопоставительный материал по монгольским языкам, который почти весь можно найти в издании «Мэн гу йу ну йу йань ци дянь» (Фонетический словарь основ монгольских языков), Циньхай, 1990, содержащем сопоставительный материал к более чем 2600 общемонгольским словам. Приводимые здесь корневые основы нижеуединского говора даем в алфавитном порядке. К основам алтаистического характера тюркских, тунгусо-маньчжурских и иных параллелей здесь не приводим, ибо такой задачи в данном разделе не было.

«лето», *ирэ* «острие», *ишэ* «черенок», *йара* «язва, болячка», *кабар* «весна», *када* «гора; скала», *камар* «нос», *камсий* «рукав», *кана* – «стена», *карам* «жалость», *кашир* «щека», *кем* «мера величины», *коп* «сплетня», *кормээ~кормөө* «подол, пола», *копто* «сундук; ящик; гроб», *коро* «яд», *кото~котон* «стайка, хлев», *көпиш* «тетива лука», *кудал~кудул* «ложь, вранье, обман», *кужар* «солончак», *кура* «дождь», *күй* «ножны», *кул* «нога», *күндил~күнджил* «одеяло», *күн* «человек», *күшүн~күшэн* «сила; неподатливость предмета», *кэсэ* «бубен шамана», *кэтэ* «огниво, кресало», *кээр* «открытое поле, степь», *манан* «туман», *мангар* «похмелье», *микан~мякан* «мясо», *мотин* «древесная жевательная сера», *мүр* «след; прокос», *мэкэ* «обман, хитрость», *намар* «осень», *наран* «солнце», *наһан* «возраст», *нидэн~нүдүн* «глаз; глаза», *ному~нума* «лук» (оружие), *нуга~нугу* «луг», *нуур* «озеро», *нүкүн~нүкэн* «яма; могила», *нэкээ* «овчина», *одон* «звезда», *ооһор* «1) веревочка, бечевка; 2) тетива лука», *өбөл~өбэл~үбэл* «зима», *өдөр~өдэр~үдэр~эдэр* «день», *өө* «лес», *өөкөн* «твердый жир, сало», *өри~үри* «долг», *сукал~сукул* «гнев, ярость», *так* «полка», *тал* «поляна», *тилэ* «граница, межа», *тилэн* «бархат, плис», *торко* «бочка, кадушка, квашня», *тулан~тулун* «таймень», *түрээ~түрээ* «голенище», *тэмдэк* «знак, примета», *үгэ* «слово», *үнүр* «запах», *үтин~өтин* «дочь; девочка; девушка», *үүдэн* «дверь; ворота», *үүлэн* «облако», *үүр* «гнездо; логово; муравьиная куча», *үс* «мясо, заготовленное на зиму», *үһэн~үһүн~һүн* «молоко», *һам* «гребень, расческа», *һара~һар~хара~хар~харан* «луна; месяц», *һомо~һума~кхума* «1) пуля; 2) заряженный патрон; 3) стрела», *һөөр~һөйр* «глухарь», *һөни~хүни* «ночь», *һүүшэ~хүүшэ~күшэ* «долото», *шидэн~шүдэн* «зуб; зубы», *шугуй* «роща; смешанный лес», *шүһүн* «кровь», *шүрэ* «коралл», *эбэр* «пазуха», *экэ* «мать», *эм* «лекарство», *эмэ* «женщина; жена; баба», *энгэр* «верхний лацкан шубы, пальто», *эрди~эрийи* «берег», *эртин* «дверной косяк», *эрэ* «мужчина; муж».

2. Бурятского ареала (этих слов нет в других монгольских языках) : *бооколдой* «черт», *гэшээһэн* «ива», *дагатка* «невыделанная шкура для подстилки», *карша* «доска, плаха», *кашарик* «бычок-двухлетка», *көөкээ* «младенец, ребенок», *куукэшиэ~куканчаа* «мокрица», *мугуй* «деревянная колотушка», *сатига*

«болячка», *тирэм* «брючный пояс», *уйоган* «пепел», *үмтэлэк* «конопля», *һээн I* «лужа», *һээн II* «сыворотка», *шингүрүүһэн* «шишка хвойных деревьев», *эмээршэн* «ветер-верховик», *ээрмэһэн* «полынь».

3. Западно-бурятского ареала : *бөөшэ* «обруч бочки», *дүли* «камни очага», *зари* «домашний северный самец-олень», *зэт-кэр* «черт», *кашар* «наледь», *кээба* «маленькая лодка», *мураа* «брага», *утуркээ* «половина», *һалдаа-һалдээ* «женское платье национального покроя».

4. Специфически нижнеудинские : *аагээ* «паук», *алга* «шов у штанов», *альджиргана* «название какой-то ягоды», *бөөркүүк* «филин», *зальбер* «скребок для чистки коня», *кала* «чайка», *мергээн* «марево», *миндага* «бобр», *миран* «склон горы», *монзо-окээ* «пескарь», *омсок* «губы», *өөмөк* «мочка уха», *пальнаа* «пырей», *саксук* «жарки, огоньки, купальница» (название цветка), *шүндүүр* «Иван-чай».

2.2.1.2. Имена прилагательные

1. Общемонгольского характера: *акта* «кастрированный, выложенный», *бага* «маленький», *боро* «серый», *бүдүүн* «толстый» (о круглом), *бэлэн* «готовый», *бэркэ* «1) ловкий; 2) сильный», *бэшэ* «1) другой, иной; 2) не (приименное отрицание)», *гүн* «глубокий», *дикэ-йикэ-икэ* «большой», *дулаан* «теплый», *дүлээ* «глухой», *забаан* «постный», *залуу* «молодой», *зэрим* «некоторый», *зузаан* «толстый (о плоском)», *зэн* «правильный, верный», *кара* «черный», *който* «задний», *коло* «1) дальний, далекий; 2) далеко», *кооһон* «пустой», *курдан* «быстрый, скорый», *курса* «острый», *куурээ* «сухой», *куушан* «прежний, старый (о вещах или событиях)», *күкү-күкэ-көкө* «1) синий; 2) голубой; 3) зеленый», *күкишэн-көкишөн* «старый (о человеке, животном)», *күндэ* «1) тяжелый; 2) дорогой; 3) почетный», *күндэлэн* «поперечный», *күнгэн* «1) легкий; 2) дешевый», *күрүн-күрэн* «коричневый», *күүтэн-киитэн* «1) холодный; 2) холодно», *муу* «1) плохой; 2) плохо», *намтар* «низкий», *нэрин* «тонкий» (о круглом), *нимгэн* «тонкий» (о плоском), *нисэгэн* «голый, без одежды», *ногоон* «зеленый», *нөөтон* «мокрый, влажный», *нэгөө* «другой», *окор* «короткий»,

ондоо «другой, иной», *сэсэн* «умный, мудрый», *тарган* «жирный», *түргэн* «быстрый», *түү кээ* «сырой; незрелый», *тэкиэ* «1) ровный; 2) плоский, 3) одинаковый», *уйтан* «узкий», *ута-уту* «длинный», *уу* «широкий, просторный», *үлүүр~элүүр* «1) здоровый, не больной; 2) трезвый», *үргэн* «широкий», *үткэн~үткүн* «густой», *һээн* «1) хороший; 2) хорошо», *һокор* «слепой», *һонин* «интересный», *һула* «слабый», *шинэ* «новый», *шингэн* «жидкий», *эксэ* «крутой, отвесный, обрывистый», *элэн* «голодный», *эмдэр* «высокий», *эрезэн* «пестрый», *эркэ* «избалованный, изнеженный».

2. Бурятского ареала : *калтан* «гладкий (о дороге)», *тирзага* «злой», *тиһоотээ* «вредный», *эрэнгэ* «веселый».

2.2.1.3. Глаголы

1. Общемонгольского характера : *акша*= «ужиматься, съживаться, уменьшаться (в объеме)», *ал*= «убивать», *алда*= «1) промахиваться; 2) модальный глагол со значением «чуть было не...», *алка*= «шагать», *амар*= «отдыхать», *ани*= «зажмуривать, закрывать (глаза)», *ангэдэ*= «разевать (рот, пасть, клюв)», *ан*= «брать, взять; получать», *арзэдэ*= «ощеривать (зубы)», *атка*= I «1) проливать, выливать (жидкость); 2) просыпать, рассыпать (что-л. сыпучее)», *атка*= II «сжимать, схватывать (горстью)», *ээ*= «бояться, пугаться», *альти*= «бить, колотить», *балга*= «глотать», *бэдэ*= «1) стоять; 2) пребывать, находиться; 3) останавливаться ; 4) вспомогательный глагол», *бэри*=~*бэр*= «1) держать; 2) ловить; хватать; 3) строить; 4) вручать; 5) стряпать, печь хлеб», *бол*= «1) стать, сделаться, превратиться; 2) быть», *боли*=~*боль*= «переставать», *боо*= «перегораживать (реку)», *бот*= «вставать, подниматься (на ноги)», *буда*= «красить; пачкать», *бусал*= «кипеть», *буу*= «спускаться, слезать, опускаться», *бүдэр*= «спотыкаться», *бэдэр*= «искать, разыскивать», *гар*= «1) выходить (наружу); 2) всходить (о растениях); 3) всходить (о небесных светилах); 4) лезть, взбираться (наверх); 5) рождаться», *гэака*= «удивляться», *гол*= браковать, *гожсо*= «течь, литься», *гуй*= «просить», *гууж*= «линять», *гүү*=~*гүй*= «1) бежать; 2) мчаться галопом», *гүр*= «плести, сплетать», *гэ*= «говорить; сказать», *гэтэ*= «подкрадываться,

скрадывать», *гэшкэ*= «топтать», *гээ*= «терять», *даа*= «поднимать, осиливать», *даара*= «мерзнуть, зябнуть», *дака*= «следовать за..., идти следом», *данта*= «ковать; отбивать косы», *дар*= «1) придавливать сверху, прижимать; 2) побеждать, осиливать», *дати*= «повторять», *дида*= «не мочь», *диил*= «побеждать», *дир*=~*йир*= «приходить», *дут*= «не доставать, не хватать», *дуут*= «кончать, заканчивать», *дүүр*= «1) наполняться; 2) исполняться (о возрасте)», *жий*=~*жиу*= «вытягивать ноги», *жирга*=~*дирга*= «наслаждаться, быть счастливым», *заа*= «указывать, показывать», *зала*= «направлять, нацеливать», *зати*= «приказывать, распоряжаться», *зээ*= «бродить, шляться; гулять», *зээл*= «жевать», *зобо*= «мучиться», *зөө*= «возить, носить, перетаскивать», *зуу*= «брать зубами; кусать», *зүй*= «сшивать», *зүткэ*= «тянуть тащить (с усилием)», *зүү*= «прицеплять, нацеплять, прикалывать», *идэ*=~*ид*= «есть, съесть», *илга*= «выбирать», *йаба*=~*йап*=~*йам*= «идти, пойти, уйти», *йаһа*= «делать, налаживать; ремонтировать», *каа*= «закрывать», *када*= «жать (хлеб)», *каза*= «кусать, откусывать», *кайа*= «бросать, кидать», *кака*= «подавиться», *кама*= «подметать», *каняа*= «кашлять», *кара*=~*кар*= «1) смотреть, наблюдать; 2) караулить; 3) пасти (скот)», *карээ*= «прыгать», *карба*= «1) стрелять (стрелами); 2) застрелить; 3) ранить», *ката*= «сохнуть, засыхать, пересыхать», *катар*= «бежать рысью, рысить», *катка*= «колоть, ткнуть», *кээл*= «плавиться. таять», *коно*= «1) ночевать; 2) садиться (о птицах, самолете и т.п.)», *көлбөр*= «кататься, валяться по земле (о лошади и т.п.)», *көөр*= «всплывать на поверхность; сплывать (о молоке и т.п.)», *кулуу*= «воровать», *кус*= «лягать», *кутка*= «мешать, размешивать, перемешивать», *куш*= «крыть, покрывать (например, дом)», *күдэл*= «1) двигаться, шевелиться; 2) работать, трудиться», *күкэ*= «сосать грудь (о ребенке)», *күли*= «вязать, связывать», *күлээ*= «ждать, ожидать», *күндэ*= «трогать, дотрагиваться», *күр*= I «достигать, доходить», *күр*= II «остывать; замерзать», *күс*=~*күсэ*= «1) гнаться; 2) догонять», *күшэ*= «застывать, затвердевать», *кэ*= «1) делать, изготавливать; 2) класть внутрь, лить внутрь, насыпать, наливать», *кэл*=~*кэлэ*= «говорить, сказать», *кэмэл*= «грызть», *кэнтэ*= «1) лежать; 2) ложиться, 3) вспомогательный глагол», *малта*= «копать, выкапывать», *мартта*= «забы-

вагъ», *мукари*= «катиться», *мушки*= «выкручивать, скручивать, выжимать (скручиванием)», *мүльди*= «грызть, обглаживать», *мүргэ*= «1) молиться; 2) креститься», *мэд*~*мэдэ*= «знать, ве-
дать», *наада*= «играть», *неэ*~*нээ*= «открывать», *нёмнё*= «пле-
вать», *нид*= «летать», *нор*~*норо*= «промокать», *нүү*= «коче-
вать; переселяться», *нэкэ*= I «ткать», *нэкэ*= II «1) требовать,
взыскивать; 2) преследовать», *нэр*= «перегонять (брагу или ку-
рунгу на вино)», *нюу*= «прятать», *няйтаа*= «чихать», *оз*= «це-
ловать», *ой*~*ойо*= «1) шить; 2) вязать (напр., носки)», *ол*=
«находить», *ор*= «1) входить внутрь; 2) идти вниз; 3) идти (об
осадках)», *орди*= «взвиваться (вверх)», *орти*= «бросать, ки-
дать; оставлять», *ош*~*ошо*= «пойти, поехать, уходить», *сад*=
«наестся, насытиться», *сапша*~*сапши*~*сапса*= «1) рубить; 2)
косить (сено)», *сас*~*саса*= «сеять; сажать (картофель)», *сээ*=
«белеть», *соти*= «бить, колотить», *сус*= «расплетать», *таа*=
«угадывать, отгадывать», *тар*= «уходить, расходиться (напр.,
с собрания)», *тарма*= «грести», *тат*~*тата*= «тянуть, та-
щить; задегивать (напр., занавеску)», *тээл*= «снимать (одеж-
ду)», *тэби*~*тэп*= «1) ставить, класть; 2) отпускать (напр.,
коня пастись)», *тибэ*= «жевать жвачку», *тилэгэ*= «коситься»,
тирга= «стричь, обстригать, срезать», *токто*= «переставать;
останавливаться», *томо*= «сучить (нитки), вить (веревки)»,
тор~*торо*= «зацепиться; запнуться», *төөрэ*= «заблудиться»,
туда= «попадать (в цель)», *тулга*= «упираться», *тур*= «то-
щать», *турии*= «пробовать, испытывать», *туу*= «гнать (скот и
т.п.)», *түкөөр*= «собираться, намереваться», *түльти*= «тол-
кать, подталкивать», *түрэ*= «рождаться», *түү*= «собирать»,
тюһа= «1) скоблить; 2) брить», *угаа*= «мыть; стирать (белье)»,
уйа= «привязывать», *уна*= I «садиться верхом», *уна*= II «па-
дать», *унта*= «спать», *унтар*= «онеметь, затечь», *урат*= «течь
(о реке и т.п.)», *ургу*= «расти, произрастать», *ури*= I «звать,
приглашать», *ури*= II «теребить шерсть», *урит*= «успевать»,
уу= «пить», *үк*~*үгэ*= «давать», *үгэһэ*= «идти против течения»,
үжи= «гнить, тухнуть», *үс*~*үзэ*= «1) видеть; смотреть; 2)
пробовать», *үкү*~*үкэ*= «умирать», *үлгэ*= «повесить, подве-
сить», *үлээ*= «дуть», *үлэ*= «оставаться», *үмкэ*= «есть с жадно-
стью», *үньжи*= «дневать», *үшиэ*= «обдирать, сдирать (кору),
снимать (шкуру)», *үр*= «тереть, растирать», *үргэ*= I «подни-

мать», *үргэ*= II «испугаться, отпрянуть», *үтэл*= «состариться», *үүт*= «скучать», *һаа*= «доить», *һаба*=~*хаба*= «1) бить (шерсть); 2) махать (крыльями); 3) брызгать (о дожде)», *һал*= «расставаться; разводиться», *һана*= «1) думать; 2) вспоминать, помнить; 3) намереваться, хотеть», *һандаа*= «ломать», *һарбаэ*= «протягивать (руку)», *һокто*= «пьянеть», *һор*= «высасывать», *һуна*= «вытягиваться, удлиняться», *һур*=~*һура*= «1) спрашивать, 2) учиться», *һуу*= «1) сидеть; садиться; 2) жить», *шаа*= «1) забивать (гвоздь); 2) стучать (кулаком)», *шаба*= «замазывать (глиной)», *шака*= «1) прижимать; 2) притеснять; 3) откармливать», *шар*=~*шара*= «1) жарить, поджаривать; 2) сиять (о солнце)», *шит*=~*шида*= «1) мочь; 2) уметь», *шидэ*= «швырять, бросать», *шигна*=~*шигнэ*= «слушать», *шил*=~*шилэ*= «неметь, онеметь, затечь», *шилгаа*= «проветривать», *шимда*= «торопиться, спешить», *шин*=~*шина*= «варить», *шир*= «стежить, простегивать», *шүү*= «выигрывать», *шэмкэ*= «брать щепотью», *шээ*= «мочиться», *эбэт*=~*эбдэ*=*үбэт*= «болеть», *эль*=~*эли*= «парить (о коршуне)», *эльбэ*= «гладить», *эльгээ*= «отправлять», *элэд*= «голодать», *эмдэ*= «ломать», *эмэд*= «надевать», *эрийи*= «кружить», *эс*=~*эсэ*= «уоставать; изнемогать», *эскэ*= «кроить, выкраивать», *этэгэ*= «доверять».

2. Бурятского ареала: *аньди*= «сильно пахнуть», *дур*= «гореть», *зокол*= «зудеть», *кэд*= «тесать», *котир*= «извиваться», *сонкор*= «прыгать», *тилгэ*= «упаковывать», *шильти*= «просеивать».

2.2.1.4. Наречия

1. Общемонгольского характера : *арээ* «едва, еле-еле», *бэркэ* «хорошо, здорово», *дикэ*~*йикэ* «очень», *далда* «сзади», *камта* «вместе», *коло* «далеко», *окто* «совсем, совершенно», *одоо* «сейчас», *орөө*~*орээ* «поздно», *үни*~*өни* «давно», *өөдэ* «вверх на гору», *өөра* «близко», *тон* «очень; совсем, совершенно», *уруу* «вниз под гору; вниз по реке», *үтэр* «быстро», *һайа* «недавно, только что», *шидар*~*шидэр* «близко, поблизости», *эксэ* «совершенно», *эртэ* «рано».

2. Бурятского ареала : *газаа* «на дворе, на улице, снаружи», *зүг* «зря; даром, затак», *мэнээ* «сейчас, теперь», *мэтэр* «быст-

ро», *кэдшан* «как, каким образом, кодо, *кужа~күжэ* «всегда, постоянно», *угаа* «очень», *эгээн* «самый, наи...»

Как можно видеть из приведенного выше материала, условно-непроизводные основы общемонгольского характера занимают в словообразовательной системе нижеудинского бурятского говора превалирующее место, хотя и основы бурятского ареала, особенно имена существительные, составляют заметный слой. Их очень мало в составе прилагательных и глаголов и чуть больше среди наречий.

2.2.2. Аффиксальное словообразование

Кроме приведенных выше непроизводных корневых основ, в словарном составе нижеудинского говора имеется немало лексем, образованных на базе непроизводных корней, а также производных основ при помощи особых словообразовательных аффиксов присоединяемых к ним. При этом образование новых слов при помощи аффиксов происходит как от именных, так и от глагольных основ, иногда и от наречий. Рассмотрим ниже несколько подробнее этот аффиксальный процесс словообразования.

2.2.2.1. Образование имен существительных

Поскольку аффиксальный способ словообразования, как и сами словообразовательные аффиксы, сложились в монгольских языках в процессе их эволюции достаточно давно и представляют собой уже устоявшиеся системы, обнаружить что-либо новое в этом плане в нижеудинском бурятском говоре не удалось. Данный способ образования новых имен существительных, как впрочем и иных частей речи, происходит и в говоре по общеизвестным словообразовательным моделям при помощи общемонгольских в основном аффиксов.

От именных основ существительные образуются при помощи следующих аффиксов:

-*шиа* (варианты: *-шио*, *-шии*), ему соответствуют: лит.-бур. *-бша/-бшо/-бшэ*, х.-монг., калм. *-вч*, стп.-м. *-bcil/-bcin*; этим аффиксом образованы слова: бур.НУ *касатшиа* «1) уши у зимней шапки-ушанки; 2) ремешок у недоуздка (< *касар* «щека; боковая

поверхность чего-л.))», ср. лит.-бур. *хасабша* «1) уши у шапки; 2) ремешок у недоуздка; 3) защитный забор у юрты; 4) прито-лока двери», х.-монг. *хацавч~хатавч* «стык решетчатой стены и двери у юрты; нижняя часть решетчатой стены по обеим сторо-нам двери у юрты», стп.-м. *qasabci* «боковой косяк у дверей и окон; веревя у ворот»; бур.НУ *курапша* «наперсток (< *курган* «па-лец»))», ср. лит.-бур. *хурабша*, калм. *хурвч*, х.-монг. *хуруувч*, стп.-м. *quruibci* «наперсток»; бур.НУ *коолопшо* «1) бусы; 2) шейное украшение женщин (< *коолоэ* «горло»))», ср. лит.-бур. *хоолобшо* «ожерелье, женское украшение», х.-монг. *хо-оловч~хоолойвч* «салфетка, нагрудник», стп.-м. *qoyulibci~qoyulayibci* «ошейник у шлема; воротничок у платья; ошейник»; бур.-НУ *төөтши* «гусеница-землемер, пяденица (< *төө* «пядь»))», ср. закам., окин., тунк. *төөбшэ хорхой* «гусени-ца, капустный червь», х.-монг. *төөч хорхой~төөлүүр хорхой*, стп.-м. *togeci qoruiqai* «гусеница-землемер» [подробнее об этом аффиксе см.: Рамстедт 1957, с. 204-205; Дондуков 1964, с. 11; 1993, с. 31; Болд 1986, с. 26-28];

-сгаэ (варианты: -сгыы, -сгээ), ему соответствуют: лит.-бур. -сгай/-сгэй; этим аффиксом образованы слова: бур.НУ *кара-асгаэ* «ласточка (< *кара* «черный»)», ср. лит.-бур. *хараасгай id.*; бур.-НУ *тирөөсгээ* «пустельга (< *тирөө* «пила»)», ср. лит.-бур. *хюрөөсгэй – id.*; бур.НУ *күкэсгыы* «синичка (< *күкэ* «синий»))», ср. бох. *хүхэсгэй id.*; эти слова и данный аффикс присущи только бурятскому языку и нигде больше не встречаются [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 25-26];

-ша/-шэ (варианты: -шол/-шө), ему соответствуют: лит.-бур. -ша/-шэ/-шо, х.-монг., калм. -ч, стп.-м. -си; этим аффиксом обра-зуются слова, называющие лиц по их деятельности, приверженности, склонности, привычке и т.п., как например, бур.НУ *көлһөншө* «батрак (< *көлһөн* «1) пот; 2) плата, оплата»))», ср. лит.-бур. *хүлһэншэ* «наемный работник, батрак; наемник, най-мит», стп.-м. *kolusuci* «наемный работник, поденщик»; бур.НУ *модошо даркан* «плотник (< *модон* «дерево»)», ср. лит.-бур. *модошо дархан id.*, х.-монг. *модоч* «плотник, столяр», калм. *модч* «плотник», стп.-м. *moduci* «столяр, плотник»; бур.НУ *ар-тинша* «пьяница (< *артин* «водка, вино»))», ср. лит.-бур. *архи-нша*, х.-монг. *архинч~архич*, калм. *аркнч*, стп.-м. *arakinci – id.*;

этот общемонгольский аффикс имеет алтаистический уровень [подробнее о нем см.: Рамстедт 1957, с. 208-210; Дондуков 1964, с. 14-16; 1993, с. 27-31; Болд 1986, с. 11-14];

-шан/-шэн (варианты: *-шон/-шөн*) – эволюционная разновидность рассмотренного выше афф. *-ша*; ему соответствуют: лит.-бур. *-шан/-шэн/-шон*, х.-монг. *-чин*, стп.-м. *-cin*; этим аффиксом образованы в говоре слова типа бур.НУ *эгшан* «гость (< *ээл* «двор, юрта; семейство»)», ср. лит.-бур. *айлшан*, зап.-бур. *азшан*, х.-монг. *айлчин*, стп.-м. *ayilcin* – id. [подробнее об этом аффиксе см.: Рамстедт 1957, с. 208-210; Дондуков 1964, с. 17-18; 1993, с. 27-31; Болд 1986, с. 11-14];

-хан/-хэн (варианты: *-хон/-хөн*), ему соответствуют: лит.-бур. *-хан/-хэн/-хон*, х.-монг. *-с*, калм. *-сн*, стп.-м. *-sun/-sun*; этим общемонгольским аффиксом еще в древности было образовано множество слов типа бур.НУ *годоһон* «унты; обувь (< *годон* «камусы, шкурки с лап животных)», ср. зап.-бур. *годоһон* «унты», калм. *һосн* (~*һодсн*) «обувь»; упомянутое выше слово бур.НУ *загаһан* «рыба (< **ǰrγasun* – id. < *ǰrγa* «сибирский лосось, нельма)». При этом в протобурятском языке данный аффикс был, видимо, более активен, поскольку он наличествует во многих бурятских словах там, где его нет в иных монгольских языках, например: бур.НУ, лит.-бур. *гэшүүхэн* «ветвь, ветка, сучок», ср. х.-монг. *гишүү*, стп.-м. *gesiguii* «ветка; сучок; хворост»; бур.НУ, лит.-бур. *дэлхэн* «конская грива», ср. х.-монг. *дэл*, калм. *дел*, стп.-м. *del* – id.; бур.НУ *мөөһон*, зап.-бур. *моэһон*, лит.-бур. *мойһон* «черемуха», ср. х.-монг. *мойл*, стп.-м. *toyil* – id.; бур.НУ *үрһэн*, лит.-бур. *үрэхэн* «семена; семя», ср. х.-монг. *үр*, калм. *үрн*, стп.-м. *ure* «плод, семя, зерно». Немало случаев, когда слова, оформленные аффиксом *-sun*, встречаются лишь в бурятском и калмыцком языках, как например: бур.НУ *дилааһан*, лит.-бур. *альяһан*, *ялааһан* «муха; мухи», калм. *илэсн* «мошка, мошкара», ср. х.-монг. *ялаа*, стп.-м. *ilaγa* «муха; мухи»; бур.НУ *кашарһан*, лит.-бур. *хашарһан*, калм. *хачрсн* «рыбья чешуя (ср. тунк. *хашар* – id.)». В то же время слов с аффиксом *-sun* в бурятском ареале встречается больше в западных говорах, включая и нижеудинский говор, ср. например: бур.-НУ *гасуурһан*, зап.-бур. *хасуурһан* – лит.-бур. *хасуури*,

хасуургана, х.-монг. *гачуур~гацуур*, стп.-м. *γасиур-а* «ель»; бур.НУ, зап.-бур. *хамархан* – лит.-бур., вост.-бур. *хамар*, х.-монг. *самар*, калм. *самр*, стп.-м. *samur* «кедровый орех» [подробнее об этом аффиксе см. выше];

От глагольных основ имена существительные образуются при помощи следующих аффиксов:

-*уур/-үүр*, ему соответствуют: лит.-бур., х.-монг. -*уур/-үүр*, калм. -*ур/-үр*, стп.-м. -*γур/-gur*; в говоре часто данный вариант аффикса употребляется вместо другого общемонгольского аффикса -*уул/-үүл* < -*γул/-gül*; этим общемонгольским аффиксом в нижеудинском говоре образовано множество слов, таких, как *аэлгуур~аэлгуур* «огородное пугало» (< *аэлга*= «пугать»), *барюур~бэрүүр* «ручка, рукоятка, держалка» (< *бэри*= «держат; хватать»), *бүлүүр* «мутовка для сбивания масла» (< *бүли*= «пахтатать»), *гэшкүүр~гишкүүр* «ступенька у крыльца, лестницы» (< *гишкэ*= «шагать, наступать ногой»), *кадуур* «серп» (< *када*= «жать серпом»), *каруур* «сторож» (< *кара*= «караулить, присматривать»), *каткуур* « жало пчелы» (< *катка*= «колоть, жалить»), *континуур* «колокольчик» (< *контина*= «звенеть, брякать» < *кон* «подражание звяканью металлического предмета»), *күшүлгүүр* «дверной крючок» (< *күшүлгэ*= «быть закрытым на крюк» – о двери), *мануур* «пастух» (< *мана*= «пасти скот; караулить»), *тармуур* «грабли» (< *тарма*= «грести граблями»), *тирмуур* «скребок» (< *тирма*= «скрести»), *түльтюур* «пихло» (< *түльти*= «пихать, толкать»), *харуур* «рубанок» (ср. лит.-бур., х.-монг. *харуул* id. < х.-монг. *хара*= «строгать рубанком»), *хоруур* «мундштук» (< *хоро*= «сосать, всасывать»), *шаньтинуур* «колокольчик, бубенчик» (< *шаньтина*= «звенеть» < *шан* «подражание тонкому металлическому звуку»), *шилтьюур* «сито» (< *шилти*= «просеивать»), *эрюур* «водоворот» (< *эри*=~*эрди*= «крутиться, вертеться»). Этот же аффикс возможен и в составе слова *кажуур* «коса для сенокосения». Следует отметить, что в восточных говорах и в литературном бурятском языке, как и в других монгольских языках, более употребителен подобный же аффикс, но с согласным -л в ауслауте. Ср. например, лит.-бур. *барюул*, х.-монг. *бариул*, калм. *бэрүл* «ручка, рукоятка»; лит.-бур., х.-монг. *харуул*, калм. *харул* «рубанок», хотя и в этих языках есть немало слов с аффиксом -*уур*, например: лит.-бур.

тулхюур, х.-монг. *тулхуур*, калм. *тулкүр* «ключ, отмычка»; лит.-бур., х.-монг. *тармуур* «грабли»; лит.-бур. *хадхуур*, х.-монг. *хатгуур*, калм. *хатхур* «жало; шип». В бурятском ареале слова с аффиксом *-уур* вместо *-уул* характерны для западной группы бурятских говоров, поэтому в данном отношении нижеудинский говор следует западнобурятской норме, ср., например, зап.-бур. *барюур* «ручка, рукоятка», *эрьюур* «водоворот», *харуур* «сторож» и т.п. [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 35; 1993, с. 56-57; Болд 1986, с. 53-55];

-аа/-ээ, *-га/-гэ* (варианты: *-оо/-өө*, *-го/-гө*), ему соответствуют: лит.-бур. *-аа/-ээ/-оо/-өө*, *-га/-гэ/-го*, х.-монг. *-аа/-ээ/-оо/-өө*, *-га/-гэ/-го/-гө*, калм. *-а/-э*, *-h*, стп.-м. *-γa/-ge*; этот общемонгольский аффикс, бывший в свое время весьма продуктивным в древнемонгольском языке, образовал в нижеудинском говоре множество производных основ, таких, как *hалаа* – «зубья увил» (< **hалага* < *hала* = «разделяться»), *сомоо* «стог, скирда» (< **сомого* < *сомо* = «стоговать, скирдовать»), *элеэ* «коршун» (< **элигэ* < *эли* = «парить» – о птице), *күлигэ* «сноп» (< *күли* = «связывать»), *эрдюулгэ* «вертикально стоящая вращающаяся кожемялка» (< *эрдюул* = «заставить вращать» < *эрди* = «вращаться»), *шибэгэ-шүбэгэ* «шило» (< **шибэ* = **шүбэ* =, ср. стп.-м. *sibi* = «колоть, прокалывать насквозь») [подробнее об этом аффиксе см.: Рамстедт 1957, с. 188-189; Дондуков 1964, с. 29, 32; 1993, с. 45-46, 48; Болд 1986, с. 45-47, 63-64];

-аан/-ээн, изредка *-ган/-гэн* (варианты: *-оон/-өөн*, *-гон/-гөн*), ему соответствуют: лит.-бур., х.-монг. *-аан/-ээн/-оон/-өн*, *-гаан/-гээн/-гоон/-гөөн*, калм. *-ан/-эн*, стп.-м. *-γan/-gen*; данный общемонгольский аффикс, будучи некогда весьма продуктивным в древнемонгольском языке, образовал и в нижеудинском говоре множество именных основ типа *суглаан* «собрание» (< **суглаган* < *сугла* = «собирать»), *шакаан* «насилие, принуждение» (< **шакаган* < *шака* = «нажимать»), *утаан* «дым» (< **утаган* < *ута* = «дымить»), *уряан* «приглашение» (< **уриган* < *ури* = «приглашать»), *идээн* «еда» (< **идэгэн* < *идэ* = «есть, кушать»), *сатилган* «молния» (< *сатил* = «сверкать»), *тииргэн* «большая деревня» (< *тиир* = «утаптывать») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 29-30; 1993, с. 46-47; Болд 1986, с. 63-64];

-һан/-һэн (варианты: *-һон/-һөн*), ему соответствуют: лит.-бур. *-һан/-һэн/-һон*, х.-монг. *-с*, калм. *-сн*, стп.-м. *-sun/-sun*; этот общемонгольский аффикс был очень продуктивным в древнемонгольском языке и образовал в свое время множество основ как от глаголов, так и от существительных, ср. например, бур.НУ *элэһэн* «1) песок; 2) зола» (< *элэ*= «протираться, истираться»), *күүһэн~күүйһэн* «пуп, пупок» (возможно, < **күлиһэн* < *күли*= «перевязывать»), *көлһөн* «пот» (< **көлөрһөн* < *көлөр*= «потеть»), *көөһон* «пена» (< **көөрһон* < *көөр*= «всплывать, переливаться через край» – о кипящем молоке и т.п., ср. *көө*= «пухнуть, набухать, разбухать»), *саһан* «снег» (< **са*, ср. *сай*= «белеть», *сагаан* «белый») [подробнее об этом аффиксе см. выше; см. также: Рамstedт 1957, с. 199-200; Дондуков 1964, с. 28; Болд 1986, с. 96-98; Рассадин 1995, с. 122-125; Чоймаа 1992, с. 203-212];

-са/-сэ (варианты: *-со/-сө*), ему соответствуют: лит.-бур. *-са/-сэ/-со*, х.-монг., калм. *-ц*, стп.-м. *-са/-се*; этим общемонгольским аффиксом образованы такие нижеудинские бурятские слова, как *бэаса* «1) скала, утес; голец; 2) скала-отстой для кабарги, изюбра» (< *бээ* = «стоять; пребывать, находиться»), *кадаса* «покос» (< *када*= «косить, жать»), *мараса* «солонцы» (< *марья*= «1) подкрадываться, красться; 2) нацеливаться»), *онгосо* «лодка» (< *онгоз*= «зиять пустотой, быть пустым, полым»), *тирмаса* «маленькие куски мяса для супа» (< *тирма*= «крошить, мелко резать») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 35-36; Болд 1986, с. 38-39];

-лан/-лэн (варианты: *-лон/-лөн*), ему соответствуют: лит.-бур. *-лан/-лон/-лэн*, х.-монг. *-лан/-лэн/-лон/-лөн*, калм. *-лң*, стп.-м. – *lang / -leng*; этим общемонгольским аффиксом в говоре образовано немного слов типа *зоболон* «мученье, мука, страдание» (< *зобо*= «мучиться, страдать»), *зулуһан* «летник, летовка» (метатеза от **зуһулан* < *зуһу*= «проводить лето, летовать») [подробнее об этом аффиксе см.: Рамstedт 1957, с. 202-203; Дондуков 1964, с. 39; Болд 1986, с. 50-53];

-лга/-лгэ (варианты *-лго*, изредка *-лган/-лгон/-лгэн*), ему соответствуют: лит.-бур. *-лга/-лго/-лгэ* // *-лган/-лгон/-лгэн*, х.-монг. *-лга/-лго/ -лгэ/-лгө* // *-лага/-лого/-лэгэ/-лэгээ/-логоо* // *-лаг/-лэг/-лог/-лөг*, калм. *-лһн*, стп.-м. *-lγa/-lge*; этот общемонгольский аф-

фикс в нижнеудинском говоре не очень активен в отличие от литературного бурятского, монгольского, калмыцкого и других монгольских языков; в изучаемом говоре он образовал относительно немного слов типа *гуйлга* «подарок» (< *гуй*= «просить», ср. лит.-бур. *гуйлга* «просьба; прошение», зап.-бур. *гуйлга* «подарок»), *кутариилга* «калач» (ср. лит.-бур., эхир. *хотируулга*, барг. *хитаруулга* «калач» < *хотир*= «извиваться»), *идилгэ* «взятка» (< *иди*= «есть, кушать»), *тээлган* «весеннее (в мае) молебствие духам-покровителям» (< *тээ*= «приносить жертву») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 33-34; 1993, с. 54-55; Орловская 1961, с. 31-32; Болд 1986, с. 73-76];

-лта/-лтэ/-лто (ср. лит.-бур. *-лта/-лтэ/-лто*, х.-монг., калм. *-лт*, стп.-м. *-lta/-lte*); общемонгольский аффикс, образовавший в говоре единицы слов типа *боолто* «женская коса» (< *боо*= «обязывать») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 34; 1993, с. 55; Орловская 1961, с. 32; Болд 1986, с. 31-33];

-бар/-бэр/-бор/-бөр (ср. лит.-бур. *-бар/-бэр/-бор*, *-барул/-бэрил/-бори*, х.-монг. *-вар/-вэр/-вор/-вөр*, *-бар/-бэр/-бор/-бөр*, калм. *-вр*, стп.-м. *-buril-büri*); общемонгольский аффикс, образовавший в говоре единичные слова типа *угаабар* «запястье» (< *угаа*= «мыть»), *шибаагар* «окно» (метатеза от *шигаабар* < *шигаа*= «смотреть, наблюдать в щель»), *долёбор* «указательный палец» (< *долёо*= «лизать, облизывать»), *нээбэр* «замок» (< *нээ*= «открывать») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 31, 37; Орловская 1961, с. 36-37; Болд 1986, с. 36-38];

-мар/-мэр/-мор/-мөр (варианты: *-марул/-мэрил/морил/-мөри*), ему со-ответствуют: лит.-бур. *-мар/-мэр/-мор*, *-марул/-мэрил/морил/-мөри*, х.-монг. *-мар/-мэр/-мор/-мөр*, стп.-м. *-muri/-müri*; общемонгольский аффикс, образовавший в говоре немного слов типа *күдмэр~күдмэри~көдмөр~көдмөри* «труд, работа» (< **күдэлмэри* < *күдэл*= «1) двигаться; 2) трудиться, работать»), аналогичного образования, видимо, и слово *түүмэр~түүймэр* «лесной пожар» (< **түлимэр* < *түли*= «гореть», ср. также по аналогии *күүхэн* «пуп, пупок» < **күлихэн* < *күли*= «завязывать», чередование *-й-* и палатализованного *-ль-* отмечается в говоре и в корневых словах типа бур. НУ *гүликэн* // лит.-бур. *гүйхэн*, х.-монг. *гөехэн* «мелкий, неглубокий») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 40; Орловская 1961, с. 37];

-дал/-дэл/-дол/-дөл (ср. лит.-бур. -дал/-дэл/-дол, х.-монг. -дал/-дэл/-дол/-дөл, калм. -дл, стп.-м. -dall/-del); общемонгольский аффикс, образовавший немного слов типа *һуудал* «жизнь» (< *һуу*= «1) сидеть; 2) жить»), *бээдал* «положение» (< *бээ*= «быть, находиться»), *үкүдэл* «черт» (< *үкү*= «умирать», ср. лит.-бур. *үхэдэл* «1) труп; 2) могила; 3) упырь, черт», х.-монг. *үхдэл* «мертвец, труп; падаль») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 32; 1993, с. 61; Орловская 1961, с. 37; Болд 1986, с. 66-68];

-дан/-дэн/-дон/-дөн (ср. лит.-бур. -дан/-дэн/-дон, х.-монг. -д, калм. -дн, стп.-м. -dun/-dün); общемонгольский аффикс, образовавший в говоре единичные слова типа *инээдэн* «смех» (< *инээ*= «смеяться»), *каняадан* «кашель» (< *каняа*= «кашлять») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 38; Орловская 1961, с. 39; Болд 1986, с. 29-31];

-шан/-шэн/-шон/-шөн (совпадает с афф. -шан/-шэн..., о котором см. выше); общемонгольский аффикс, образовавший в говоре немногочисленные слова типа *эбэшэн-үбүшэн* «болезнь» (< **эбэтшэн* < *эбэт*= «болеть»), *кулуушан* «вор» (< *кулуу*= «воровать»);

-ри (ср. лит.-бур. -ри/-ра, х.-монг. -р, -рь, калм. -р, стп.-м. -rī); общемонгольский аффикс, образовавший в говоре единичные слова типа *бээри* «местоположение» (< *бээ*= «быть, находиться») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1993, с. 57-59; Орловская 1961, с. 34; Болд 1986, с. 47-48];

-за/-зэ/-зо/-зө (ср. лит.-бур. -за/-зэ/-зо, х.-монг., калм. -з, стп.-м. -ǰа/-ǰе); общемонгольский аффикс, образовавший в говоре единичные слова типа *олзо* «находка» (< *ол*= «находить») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 38-39; Орловская 1961, с. 39; Болд 1986, с. 83];

-гаэ/-гээ/-гээ/-гоэ (ср. лит.-бур. -гай/-гэй/-гой, х.-монг. -гай/-гэй/-гой/-гөй, калм. -һа, стп.-м. -ǰai/-gei); общемонгольский аффикс, образовавший в говоре единицы слов типа *капсагээ* «небольшие скалы», ср. лит.-бур. *хабсагай* «скала, утес; каменные гольцы», зап.-бур. *хабсагай* «предгорье; ущелье», х.-монг. *хавцгай*, стп.-м. *qabciǰai* «ущелье; отвесные скалы» < *qabci*= «сжимать с боков» [подробнее об этом аффиксе см.: Болд 1986, с. 23, 49-50];

-каэ/-кээ/-кээ/-коэ (ср. лит.-бур. -хай/-хой/-хэй, х.-монг. хай/-хой/-хэй/-хий, калм. -ха/-хэ/-кэ, стп.-м. -qai/-kei); обшемонгольский аффикс, образовавший в говоре слова типа *калкээ* «крапива» (< *кала*= «обжигать»), *эрбээкээ* «бабочка» (< *эрбэлзэ*= «порхать»), *коркээ* «червяк» (< *коро*= «прятаться») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 36; Болд, с. 78-80];

-к (ср. лит.-бур., х.-монг., калм. -г, стп.-м. -γ/-g); обшемонгольский аффикс, образовавший в говоре немного слов типа *бишик* «письмо» (< *биши*= «писать»), *будак* «краска» (< *буда*= «красить») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 31-32; 1993, с. 47-50; Орловская 1961, с. 35; Болд 1986, с. 68-69];

-л (ср. лит.-бур., х.-монг., калм. -л, стп.-м. -l); обшемонгольский аффикс, образовавший в говоре немного слов типа *жиргал~джиргал* «счастье» (< *жирга*= «быть счастливым»), *дуһаал* «капля» (< *дуһаа*= «капать») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 33; 1993, с. 53-54; Орловская 1961, с. 30-31];

-м (ср. лит.-бур., х.-монг., калм. -м, стп.-м. -m); обшемонгольский аффикс, образовавший в говоре единичные слова типа *током* «потник под седло» (< *токо*= «седлать») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 40; 1993, с. 50-51; Орловская 1961, с. 38; Болд 1986, с. 69-71];

-н (ср. лит.-бур., калм. -н, стп.-м. -n); обшемонгольский аффикс, образовавший слова типа *наадан* «1) игра, забава; 2) ток, нерест» (< *наада*= «играть»), *зүүн* «игла» (< *зүү*= «прикалывать»), *кэлэн* «язык» (< *кэлэ*= «говорить»), *көкөн* «женская грудь» (< *көкө*= «сосать грудь») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 40];

-р (ср. лит.-бур., х.-монг., калм. -р, стп.-м. -r); обшемонгольский аффикс, образовавший немного слов типа *шабар* «1) грязь; 2) почва» (< *шаба*= «обмазывать, лепить»), *кабдар* «опухоль» (< *хабда*= «опухать»), *үрээр* «благопожелание» (< *үрээ*= «благопожелать») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 41; 1993, с. 57-59; Орловская 1961, с. 34; Болд 1986, с. 47-48].

В говоре встретился также аффикс -үүнкэ в составе слова *дүрүүнкэ* «стельки сапог» (< *дүр*=~*дүрэ*= «всовывать, вклады-

вать»). В литературном бурятском языке этому слову соответствует *дүрэмхэ*, образованное от того же глагольного корня, имеющего общемонгольский характер (ср. х.-монг., калм. *дүр* =, стп.-м. *dürü* = «всовывать, вкладывать»).

Кроме того, встречается немало случаев, когда аффиксы используются в комплексе, в различных сочетаниях из двух и даже из трех аффиксов.

Примерами двухсоставных аффиксов могут послужить:

-*ааша/-ээшэ/-оошо/-өөшө* (варианты: -*гааша/-гээшэ/-гоошо/-гөөшө*; < -*аа/-гаа* + =*шан*); ему соответствует лит.-бур. -*аашан/-ээшэн/-оошон/-өөшэн*, -*гаашан/-гээшэн/-гоошон/-гөөшэн*, х.-монг. -*аач/-ээч/-ооч/-өөч*, -*гаач/-гээч/-гооч/-гөөч*, калм. -*ач/-эч/-һач/-һэч*, стп.-м. -*үәсi/-geсi*; общемонгольский аффикс, образовавший в говоре немного слов типа *кадааша* «жнец» (< *када* = «жать, косить»), *угаагааша* «умывальник» (< *угаа* = «мыть») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 31; Орловская 1961, с. 36; Болд 1986, с. 35-36];

-*уушан/-үүшэн* (< -*уу/-үү* + -*шан/-шэн*; ср. лит.-бур., х.-монг. -*уу/-үү*, калм. -*у/-ү*, стп.-м. -*үи/-gü* + -*сi*); этим аффиксом в говоре образованы единичные слова типа *ангуушан* «охотник» (< *агна* = «охотиться»), ср. лит.-бур. *ангууша*, х.-монг. *ангууч*, калм. *аңһуч*, стп.-м. *ангуисi* – id.; в литературном бурятском языке есть похожий аффикс -*ууша/-үүшэ*, при помощи которого образуются прилагательные от существительных, напр., *шогууша* «шутливый, насмешливый» < *шог* «шутка, насмешка» [подробнее см.: Дондуков 1964, с. 96];

-*уулга/-үүлгэ* (< -*уу/-үү* + -*лга/-лгэ*, но, возможно, здесь сочетание аффиксов -*уул/-үүл* + -*га/гэ*, ср. лит.-бур. -*уулга/-үүлгэ*, -*уурга/-үүргэ*,

х.-монг. -*уул/-үүл*, калм. -*ул/-үл*, стп.-м. -*үул/-gül*, все составные части данного сложного аффикса носят общемонгольский характер, о чем см. выше); этим аффиксом образованы единичные слова типа *абируулга* «лестница» (< *абир* = «лезть вверх»), которое, кстати, характерно для западного ареала бурятских говоров, ср. зап.-бур. *абируулга* – id., хотя сам глагол носит общемонгольский характер, ср. лит.-бур. *абир* =, х.-монг. *авир* =, стп.-м. *абир* =, *абар* =, калм. *эвр* = «карабкаться вверх, залезать наверх, взбираться»; о бурятских аффиксах -*уу/-үү*, -

уул/-үүл, -уур/-үүр, -уурга/-үүргэ см.: [Дондуков 1964, с. 35, 41, 42], о х.-монг. -уул/-үүл, -уур/-үүр см.: [Орловская 1961, с. 33, Болд 1986, с. 53-55, 80-82];

-далга/-дэлгэ/-долго/-дөлгө (здесь можно предположить сочетание аффиксов -дал и -га, о каждом из которых см. выше); этим аффиксом образованы единичные слова типа *боодолго* «прясло у снопа» (< *боо*= «обвязывать»), которое тоже, кстати, представлено лишь в западных бурятских говорах, ср. зап.-бур. *боодолго* «1) связка, сверток; пук; сноп; 2) обруч», ср. также х.-монг. *боодлого*, стп.-м. *boᠣudaly-a* «сноп», глагол при этом носит общемонгольский характер, ср. лит.-бур., х.-монг., калм. *боо*=, стп.-м. *боуи*= «обвязывать»;

Древнейший общемонгольский аффикс *-sun*, образующий имена существительные как от имен, так и от глаголов, тоже зачастую употребляется в паре с другими аффиксами, например:

-ааһан/-ээһэн/-ооһон/-өөһөн (после долгих гласных и дифтонгов используются варианты: *-гаһан/-гээһэн/-гоһон/-гөөһөн*; < *-аа/-га* + *-һан*, ср. лит.-бур. *-ааһан/-ээһэн/-ооһон/-өөһэн*, х.-монг. *-аас/-ээс/-оос/-өөс*, калм. *-асн/-эсн*, стп.-м. *-yasun/-gesün*); общемонгольский сложный аффикс, образовавший в говоре имена существительные типа *даагаһан* «жеребенок двухлетка» (< *даа*= «1) поднимать что-л. очень тяжелое, осилить; 2) быть самостоятельным»), *кадааһан* «гвоздь» (< *када*= «вбивать гвоздь, вколачивать, приколачивать»), *шибээһэн* «заездок, плотина на речке для ловли рыбы» (< *шибэ*= «перегораживать»); кстати, словоформа *даагаһан* отмечается только в нижеудинском говоре, в прочих бурятских говорах и монгольских языках представлена словоформа, образованная аффиксом *-ган* от того же глагола, ср. лит.-бур. *дааган*, х.-монг. *даага*, стп.-м. *dayaγan*, калм. *дааһн* «жеребенок двухлетка», словоформа *шибээһэн* «заездок», кроме нижеудинского говора, имеет свою параллель еще только в западных бурятских говорах в виде *шэбээһэн* с тем же значением «заездок (для ловли рыбы)», в других монгольских языках здесь прослеживается односложный аффикс *-аа/-ээ*, ср. лит.-бур. *шэбээ*, х.-монг. *шивээ*, стп.-м. *šibege*, калм. *шивэ* «крепость, укрепление» [подробнее об этом сложном аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 37; Орловская 1961, с.35; Болд 1986, с. 58-60];

-ууһан/-үүһэн (< -уу/-үү + -һан/-һэн, о каждом из этих аффиксов см. выше, сочетание данных аффиксов характерно лишь для исследуемого говора); этим аффиксом образованы основы типа *сапшууһан* «кошенина, свежескошенная трава» (< *сапша*= «косить; рубить»);

-даһан/-дэһэн/-доһон/-дөһөн (< -да + -һан, ср. лит.-бур. -*даһан/-дэһэн/-доһон*, х.-монг. -*дас/-дэс/-дос/-дөс*, стп.-м. -*dasun/-desün*); этим общемонгольским сложным аффиксом в говоре образованы слова типа *орёодоһон* «колечко, перстень» (< *орёо*= «обматывать»), *сапсадаһан* «щепка при колке дров» (< *сапса*= «рубить, колоть»; ср. ниже бур.НУ *сапшуудаһан* «щепка») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 32-33; Орловская 1961, с. 34; Болд 1986, с. 61-63].

Примерами трехкомпонентных аффиксов могут служить сложные аффиксы типа:

-аадаһан/-ээдэһэн/-оодоһон/-өөдөһөн (< -аа + -да + -һан, ср. лит.-бур. -*аадаһан/-ээдэһэн/-оодоһон/-өөдэһэн*, х.-монг. -*аадаc/-ээдэс/оодос/-өөдөс*, стп.-м. -*γadasun/-gedesün*); этим аффиксом образованы такие слова, как *калаадаһан* «заплата, заплатка» (< *кала*= «чинить, латать»), *ойоодоһон* «шов» (< *ойо*= «шить») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 29; Орловская 1961, с.34];

-уудаһан/-үүдэһэн (< -уу + -да + -һан, данное сочетание аффиксов встречается лишь в говоре); этим аффиксом образованы такие слова, как *сапшуудаһан* «щепка при колке дров» (< *сапша*= «рубить; косить»).

Кстати, в других монгольских языках, в том числе и в бурятском литературном языке, в этих случаях используются другие аффиксы, ср. лит.-бур. *халааһан*, калм. *халасн* «заплата»; лит.-бур., х.-монг. *оёдол*, калм. *уйдл* «шов»; лит.-бур. *сапшадаһан*, х.-монг. *цавчдас* «щепка».

Как можно видеть из приведенного выше материала, все аффиксы именного словообразования в нижеудинском говоре являются по своей природе общемонгольскими, лишь аффикс -*сгай* используется только бурятским языком для образования названий птиц. Особенностью говора в данном случае является то, что, творчески реализуя словообразовательные модели, нижеудинский говор вместе с другими западными говорами, а

иногда и с восточными бурятскими говорами образует по ним слова, не имеющие по своей форме аналогий в других монгольских языках. Так, нижнеудинский говор гораздо чаще использует аффикс *-һан...*, ср. например, бур.НУ *даагаһан* – лит.-бур. *дааган*, х.-монг. *даага*, калм. *дааһн* «жеребенок-двухлетка»; бур.НУ *үриһэн*, лит.-бур. *үрэхэн* – х.-монг. *үр*, калм. *үрн* «зерно; семя»; бур.НУ *гасуурһан*, зап.-бур. *хасуурһан* – лит.-бур. *хасуури*, х.-монг. *гачуур* «ель». В некоторых случаях аффиксы являются в принципе общемонгольскими, но конкретные слова, произведенные с их помощью, бытуют только в нижнеудинском говоре, как рассмотренные выше бур.НУ *калаадаһан* «заплата», *ойоодоһон* «шов», *сатишуудаһан* «щепка». Кроме того, в говоре встречаются имена существительные, снабженные аффиксом *-н* (древнейшим общемонгольским показателем именных основ), в то время как в других монгольских языках, в том числе и в литературном бурятском языке, они бытуют без этого *-н*, например: бур.НУ *күдүрэн* «кабарга», *шүүдүрэн* «роса» и т. п., ср. лит.-бур. *хүдэри*, *шүүдэр*, х.-монг. *хүдэр*, *шүүдэр* – id.

В остальном же аффиксальное словообразование имен в нижнеудинском говоре ничем не отличается как от общемонгольского, так и общебурятского, обнаруживая в некоторых частностях единство с западными бурятскими говорами.

2.2.2.2. Образование имен прилагательных

Аффиксальный способ образования имен прилагательных от именных и глагольных основ, представленный в нижнеудинском говоре, судя по собранным нами материалам, не отличается от общебурятского и даже общемонгольского, поскольку эти же словообразовательные модели имеются и во всех как древних, так и современных монгольских языках. Рассмотрим ниже эти показатели несколько подробнее.

Так, от основ имен существительных в нижнеудинском говоре прилагательные образуются при помощи следующих, остающихся до сих пор весьма продуктивными, аффиксов [Подробнее о них см.: Грамматика бурятского языка..., 1962, с. 109-126; Дондуков 1964, с. 71-97; Орловская 1961, с. 91-95]:

-*та/-тэ/-то/-тө* (ср. лит.-бур. -*та/-тэ/-то*, х.-монг., калм. -*т*, стп.-м. -*ту/-тү*); активно образует прилагательные со значением обладания чем-л., например: *эркэтэ* «ласковый» (< *эркэ* «ласка»), *золто* «счастливый» (< *зол* «счастье»), *шибиртэ* «болотистый» (< *шибир* «болото»);

-*таэ/-тээ/-тээ/-тоэ* (ср. лит.-бур., х.-монг. -*тай/-тэй/-той*, калм. -*та/-тэ*, стп.-м. -*тай/-теи*); активно образует адъективы со значением обладания чем-л., напоминая тем самым предыдущий аффикс, с которым связан генетически, примеры: *манатээ* «туманный» (< *манан* «туман»), *шиктээ* «сырой, влажный» (< *шик* «сырость»), *микатээ* «полный, толстый, упитанный» (< *микан* «мясо; телеса»), *тиртээ* «грязный» (< *тир* «грязь»);

-*ркан/-ркэн/-ркон/-ркөн* (ср. лит.-бур. -*рхаг/-рхэг/-рхог*, -*рхуу/-рхуу*, х.-монг. -*рхаг/-рхэг/-рхог/-рхөг*, -*рхуу/-рхүү*, калм. -*рхг*, стп.-м. -*ргау/-ркег*, -*ргау/-ркей*); образует прилагательные со значением чего-л. в избытке, например: *дэлхэркэн* «самый гривастый» – о коне (< *дэлхэн* «конская грива»), *үһэркэн* «волосатый» (< *үһэн* «волосы на голове человека»), *шулууркан* «каменистый» (< *шулуун* «камень»);

-*бо/-во/-боэ/-воэ* (данному аффиксу соответствует старомонгольская форма -*гүй*, восходящая к отрицанию *ügei*, ср. бур.НУ *убоэ*, зап.-бур. -*боэ* < *убоэ*, лит.-бур. -*гүй* < *үгы*, х.-монг. -*гүй* < *үгуй*, калм. *уга*); образует прилагательные со значением отсутствия признака или качества, антипод аффиксов -*та...*, -*таэ...*, например: *үһэво* «лысый» (< *үһэн* «волосы на голове человека»), *зүркүво* «1) ленивый; 2) бессердечный» (< *зүркүн* «сердце»), *кэлэво* «немой» (< *кэлэн* «язык»), *күшүво* «слабый, бессильный» (< *күшүн* «сила»);

-*ти* (ср. лит.-бур. -*хи*, х.-монг. -*х/-хь*, калм. -*к*, старомонгольская форма -*ки*); очень продуктивный аффикс, образует прилагательные от форм дательного-местного и родительного падежей существительных и местоимений, а также от наречий места и времени со значением местонахождения, времени, принадлежности, например: *эндэти* «здесь» (< *эндэ* «здесь»), *урдати* «передний» (< *урда* «впереди»), *нөдниньти* «прошлогодний» (< *нөдонин* «прошлый год»), *мэнээйиньти* «недавешний» (< *мэнээ* «недавно»), *манээйиньти* «наш, нашенский» (< *манээ* «наш»);

-*dal*-*dэл*-*дол*-*дө* (ср. лит.-бур. -*dal*-*dэл*-*до*, х.-монг., калм. -*d*, старомонгольская форма -*du*-*dü*), омертвелый аффикс, в говоре с его помощью образованы единицы слов типа *амида* «живой» (< *амин* «жизнь»), *доодо* «нижний» (< **доо*~*до* «пространство внизу, внутри»), *дээдэ* «верхний» (< **дээ* «пространство наверху»);

-*каэ*/*кээ*/*кээ*/*коэ* (ср. лит.-бур. -*хай*/*хэй*/*хой*, х.-монг. -*хай*/*хэй*/*хой*/*хий*, калм. -*ха*/*хэ*, старомонгольская форма -*qai*/*kei*); образовал в говоре единичные слова типа *муукээ* «некрасивый» (< *муу* «плохой»), совпадает с уменьшительным аффиксом -*каэ*/*кээ*/*кээ*, ср. *шибуукаэ* «птичка, пташка» < *шибуун*~*шубуун* «птица» [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 83-84; Орловская 1961, с. 86; Болд 1986, с. 78-80];

-*кан*/*кэн*/*кон*/*көн* (ср. лит.-бур. -*хан*/*хэн*/*хон*, х.-монг. -*хан*/*хэн*/*хон*/*хөн*, калм. -*хн*, старомонгольская форма -*qan*/*ken*), в литературном бурятском языке и других монгольских языках этот аффикс является формообразующим и создает диминутивы с уменьшительно-ласкательным значением, не образуя нового слова, лишь иногда придает оттенок преувеличения признака [Дондуков 1964, с. 84]; однако в нижнеудинском говоре данный аффикс, будучи присоединенным к основам прилагательных, не придает им ни уменьшительности, ни ласкательности, а как бы входит в состав основы, которая при этом сохраняет свое обычное значение, присущее первичным основам без этого -*кан*..., наблюдения показывают, что в изучаемом говоре эти основы употребляются преимущественно с данным аффиксом и почти не встречаются без него, например: *арюукан* «чистый» – лит.-бур. *арюун* – id.; *залакан* «прямой» – лит.-бур. *залан* – id.; *намтаркан* «низкий» – лит.-бур. *намтар* – id.; *окоркон* «короткий» – лит.-бур. *охор* – id.; *үүткан* «узкий» – лит.-бур. *уйтан* – id.; *нимэкэн* «тонкий» – лит.-бур. *нимгэн* – id.; *тэкишэкэн* «плоский; ровный» – лит.-бур. *тэгшэ* – id.; *бэлээкэн*~*бүлээкэн* «теплый» – о жидкости – лит.-бур. *бүлээн* – id. и т. п.; иногда, правда, как и в других монгольских языках, у данного аффикса, хотя и редко, все же наблюдается и словообразующая функция, например: *һээкан* «красивый» < *һээн* «хороший», ср. лит.-бур. *һайхан*, х.-монг. *сайхан*, калм. *сээхн*, стп.-м. *sayiqan* «красивый» < обшемонг. *сайн* «хороший», здесь функция -*кан*... анало-

гична функции -каэ... в случае со словом муукээ «некрасивый» < муу «плохой».

Гораздо больше аффиксов употребляется при образовании прилагательных от глагольных основ. Наш материал позволил выявить следующие:

-гар/-гэр/-гор/-гөр (ср. лит.-бур. -гар/-гэр/-гор, х.-монг. -гар/-гэр/-гор/-гөр, калм. -һр/-эр, старомонгольская форма -γар/-гер); очень продуктивный аффикс во всех монгольских языках, в том числе и в нижеудинском говоре, образующий прилагательные от образных глаголов, например: *натигар* «наклонный» (< *нати*= «быть наклонным»), *шигнагар* «курносый» (< *шигнаэ*= «быть курносым»), *катагар* «изогнутый» (< *китэ*= «быть изогнутым»), *дилагар* «гладкий» (< *дилы*= «быть гладким»), *то тигор* «кривой, искривленный» (< *тоти*= «быть искривленным»), *тэрбэгэр* «кургузый» (< *тэрбы*= «быть угловатым») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 72-74; Орловская 1961, с. 90; Шагдаров 1962, с. 119-121];

-гаэ/-гээ/-гээ/-гоэ (ср. лит.-бур. -гай/-гэй/-гой, х.-монг. -гай/-гой/-гий, старомонгольская форма -γай/-гей); образовал немного слов типа *казагээ* «кривой» (< *казээ*= «быть кривым») [подробнее об аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 88; Орловская 1961, с. 88-89; Болд 1986, с. 49-50];

-каэ/-кээ/-кээ/-коэ (ср. лит.-бур. -хай/-хэй/-хой, х.-монг. -хай/-хой/-хий, калм. -ха/-хэ, старомонгольская форма -qai/-кей); образовал немного слов типа *какаркээ* «рваный» (< *какар*= «рваться»), *калсаркээ* «лысый; облезлый» – о волосах, шерсти (< *калсар*= «вылезать» – о волосах, шерсти) [подробнее об аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 83-84; Орловская 1961, с. 86; Болд 1986, с. 78-80];

-мар/-мэр/-мор/-мөр, как вариант используется также -бар/-бэр/-бор/-бөр (ср. лит.-бур. -мар/-мэр/-мор, калм. -мр, старомонгольская форма -mar/-тер); образовал единицы слов типа *шидмар-шидбар* «умелый, ловкий» (< *шит*=~*шида*= «уметь, мочь») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 77];

-н (ср. лит.-бур., х.-монг. -н, калм. -н, старомонгольская форма -ng); образовал немного слов типа *доколоң* «хромой» (< *докол*= «хромать»), *дүүрэн* «полный, наполненный» (<

дүүр~дүүрэ= «наполняться») [подробнее об этом аффиксе см.: Орловская 1961, с. 88];

-р (ср. лит.-бур., х.-монг. -р, старомонгольская форма -r), иногда употребляется вместо -гар...; образует адъективы от различных глаголов, например: *тилар* «косой, косоглазый» (< *тилаэ*= «коситься, смотреть искоса, бросать косые взгляды»), *тэпкэр* «квадратный» (< *тэпкы*= «быть квадратным, угловатым»; ср. лит.-бур. *тэбхэр~тэбхэгэр* «квадратный») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 94];

-уу/-үү (ср. лит.-бур., х.-монг. -уу/-үү, калм. -у/-ү, старомонгольская форма -yu/-gü), образовал в говоре довольно много прилагательных типа *зирүү~зүрүү* «упрямый» (< *зирү*=~*зүрү*= «1) противодействовать, перечить; 2) упрячиться»), *катуу* «крепкий, твердый» (< *ката*= «твердеть»), *ноктуу* «пьяный» (< *нокто*= «пьянеть»), *эрийүү* «дурной, глупый» (< *эрийи*= «вертеться, крутиться») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 82-83; Орловская 1961, с. 86; Болд 1986, с. 98-101];

-уун/-үүн (ср. лит.-бур., х.-монг. -уун/-үүн, калм. -ун/-үн, старомонгольская форма -yun/-gün); образовал относительно немного слов типа *калуун* «горячий» (< *кала*= «1) нагреваться; 2) обжигать»), *хүрүүн~хэрүүн* «прохладный» (< *хэри*= «проснуться; очнуться», ср. *хэрье*= «обдавать холодом») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 95-96; Орловская 1961, с. 88; Болд 1986, с. 56-58].

Некоторые аффиксы, образующие прилагательные от глаголов, употребляются в сочетании, представляя собой сложные аффиксы. Таковых выявлено в говоре несколько:

-уукээ/-үүкээ (< -уу + -кээ; ср. лит.-бур. -уухай/-үүхэй, такое сочетание аффиксов характерно для бурятского языка, в других монгольских языках не отмечено); образовал несколько слов типа *кальтируукээ* «скользящий» (< *кальтир*= «скользить»; ср. лит.-бур. *хальтируухай*, х.-монг. *хальтраатай*, калм. *хальтрха*, стп.-м. *qalturiyatai* «скользящий»), *шалбуукээ* «разговорчивый» (ср. лит.-бур. *шалба*= «болтать вздор», калм. *шал* «болтовня»);

-мкээ/-мкээ (< -м + -кээ; ср. лит.-бур. -мхай/-мхэй/-мхой, х.-монг. -мхай/-мхой/-мхий, калм. -мтха/-мтхэ, старомонгольская форма -mqai/-mkei), образовал ряд слов типа *ээмкээ* «боязливый» (< *ээ*= «бояться»), *сосомкээ* «пугливый» (< *сосо*= «пугать»

ся, подсказивать от испуга)), *эшэмкээ* «стеснительный, стыдливый» (< *эшэ*= «стыдиться, стесняться») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 78-79; Орловская 1961, с. 87];

-мтагээ/-мтэгээ (< *-мта* + *-гээ*; ср. х.-монг. *-мтгай/-мтгой/-мтгий*, калм. *-мтха/-мтхэ*, старомонгольская форма *-mtayai/-mtegei*), образовал ряд прилагательных, аналогичных по значению предыдущим, ср. *ээмтагээ* «пугливый, боязливый; страшный» (< *ээ*= «бояться»), *эшэмтэгээ* «стеснительный, стыдливый» (< *эшэ*= «стыдиться, стесняться») [подробнее об этом аффиксе см.: Орловская 1961, с. 87];

-нку/-нкү (< *-н* + *-ку*; ср. лит.-бур. *-нхай/-нхэй/-нхой*, х.-монг. *-нхай/-нхой/-нхий*, старомонгольский вариант *-ngqai/-ngkei*), образовал единицы слов типа *турунку* «тощий» (< *туру*= «тощать, худеть»; ср. лит.-бур. *туранхай* «исхудавший, тощий») [подробнее об этом аффиксе см.: Орловская 1961, с. 87];

-калан/-кэлэн/-колон/-көлөн (< *-ка* + *-лан*; ср. лит.-бур. *-халан/-хэлэн/-холон*, х.-монг. *-галан/-гэлэн/-голон/-гөлөн*, калм. *-хлң/-клң*, старомонгольская форма *-qalang/-keleng*), образовал единицы слов типа *самкалан* «сытый» (< *сам*= «насыщаться, наедаться»).

Как можно видеть из материала, все аффиксы, образующие прилагательные как от имен, так и от глаголов, носят общемонгольский характер.

Однако, кроме этих показателей, в говоре удалось выявить и несколько специфических, которых, кстати, оказалось немного. Так, к ним относится аффикс *-сгаан/-сгээн/-сгоон*, присоединяемый к непроизводным основам прилагательных и придающий усиление их значениям, например: *икэсгээн* «1) большой, огромный; 2) взрослый» — о человеке (< *икэ~йикэ~дикэ* «большой»), *томосгоон* «большой, огромный» (< *томо* «большой, крупный»). Этот показатель бытует еще в эхирит-булагатском говоре, ср. например, эхир.-булаг. *йэхэсгээн* «взрослый» (< *йэхэ* «большой»), и отсутствует в восточных бурятских говорах и литературном языке. Таким образом, данный аффикс распространен в западнобурятском ареале.

Другим из этого рода аффиксов является *-згээ/-згээ*, образующий от основ прилагательных новые адъективы как с усиленным прежним значением, так и с совершенно другим. На-

пример: *мууказгээ* «очень уж некрасивый» < *муукээ* «некрасивый», *һааказгээ* «очень красивый» < *һээн* «красивый», *һээзгээ* «веселый, шутливый» < *һээн* «хороший», *эрээзгээ* «ситец» < *эрээн* «пестрый»; здесь наблюдается лексикализация метафорического переноса значения «очень пестрый», т. е. ситец, поскольку ситцы обычно бывают очень пестрыми). В других бурятских говорах этот аффикс тоже встречается, хотя и очень редко. В качестве примера можно привести лит.-бур. *һайзгай* «спесивый, чванливый, надменный, высокомерный» (< *һайн* «хороший») и булаг. *һайзгай* «важный, представительный, осанистый» (тоже от булаг. *һайн* «хороший»).

2.2.2.3. Образование глаголов

Большое количество глагольных основ нижнеудинского говора являются производными, образованными при помощи особых глаголообразующих аффиксов, присоединяемых к различным именным, наречным и изобразительным основам. Однако следует признать, что в общем и целом этих аффиксов относительно немного, что позволяет подробно рассмотреть их здесь все. Аффиксы эти следующие:

-л (ср. лит.-бур., х.-монг., калм. -л, старомонгольский вариант -l), очень продуктивный аффикс, присоединяемый к различным основам, число глаголов, образованных этим показателем, очень велико; так, от основ имен существительных произведены такие глаголы, как *амил*= «дышать» (< *амин* «жизнь»), *бишиил*= «родить ребенка» – о человеке (< *бишиикан* «ребенок, малыш» < *бишиикан* «маленький»), *көөкээл*= «родить ребенка» – о человеке (< *көөкээ* «младенец»), *күбүүл*= «1) родить детеныша» – о животных; 2) «родить ребенка» – о человеке грубо (< *күбүүн* «1) детеныш; 2) мальчик; сын»), *бөөл*= «шаманить, камлать» (< *бөө* «шаман»), *дуул*= I «петь песню» (< *дуун* «песня»), *дуул*= II «1) слышать, услышать; 2) узнать» (< *дуун* «голос»), *дэгээл*= «цеплять» (< *дэгээ* «багор, крюк»), *жороол*= «бежать иноходью» (< *жороо* «иноходец»), *загаһал*= «ловить рыбу, рыбачить» (< *загаһан* «рыба»), *закал*= «начинать» (< *зака* «1) край; 2) воротник»), *зугаал*= «говорить; рассказывать» (< *зугаа* «беседа, разговор»), *идээл*= «есть, кушать» (< *идээн*

«еда, кушанье»), *капкал*= «закрывать крышкой» (< *капка* «крышка»), *кээшал*= «резать ножницами, стричь» (< *кээша* «ножницы»), *кобол*= «ябедничать, жаловаться» (< *коп* «1) ябеда; 2) сплетня»), *куругал*= «ягниться» (< *куруган* «ягненок»), *унагал*= «жеребиться» (< *унаган* «жеребенок»), *кэргэл*= «1) нуждаться; 2) понадобится» (< *кэрэк* «дело», ср. *кэрэктээ* «нужный»), *кээл*= «вышивать» (< *кээ* «узор, орнамент»), *мергэл*= «тянуть, натягивать» – о дымке (< *мергэн* «дымка, марево»), *мэкэл*= «обманывать» (< *мэкэ* «обман, хитрость»), *тихоол*= «мстить; обижать» (< *тихоон* «мечь; вред»), *уһал*= «1) поить; 2) поливать» (< *уһан* «вода»), *хабигал*= «заплетать косы в мелкие косички» – о девушках (< *хабига* «мелкие косички девушки»), *хумал*=~*хумал*=~*кхумал*= «заряжать ружье» (< *хуман*~*хуман*~*кхуман* «1) пуля; 2) патрон; 3) заряд»), *һүбүл*=~*һэбэл*= «вдевать нитку в иголку» (< *һүбү*~*һэбэ* «игольное ушко»), *шогол*= «шутить» (< *шок* «шутка»); от имен прилагательных образованы такие глаголы, как *актал*= «кастрировать скот» (< *акта* «кастрированный»), *арюул*= «чистить, очищать» (< *арюун* «чистый»), *куургэл*= «перепеленать младенца» (< *куургэ* «сухой»), *кэлкээл*= «заикаться» (< *кэлкээ* «заика, заикающийся»), *эркэл*= «ласкаться» (< *эркэ* «нежный, капризный, избалованный»); от числительного *нэгэн* «один» образован глагол *ниил*= «соединять, объединять», причем глагол этот носит общемонгольский характер, ср. лит.-бур. *ниилэ*°, стп.-м. *neyil*°, х.-монг. *нийл*°, калм. *ниил*° «соединяться, объединяться»), и образован еще в общемонгольский период развития монгольских языков.

Много глаголов в бурятском языке и его говорах, как и в прочих монгольских языках, образовано этим аффиксом от особого разряда слов, входящих в составные глаголы типа *хаха сохи*°, *зада сохи*°, *бута сохи*° «разбить», *соо сохи*° «пробить насквозь», которые в монголистике трактуются то частицами при глаголах, то префиксоидами, то образными наречиями, и которые мы вслед за Л. Бэшэ называем превербами [Рассадин 1985а, с. 92-93, 96-97]. Эти слова передают образ действия по его результату и сочетаются лишь с некоторыми глаголами типа *сохи*° «бить», *тата*° «тянуть». Они составляют специфику монгольских языков. От них в говоре образованы такие глаголы, как *какал*= «1) рвать; 2) колоть; 3) пахать землю; 4) решать задачу»

(< *кака* – преверб, соответствующий русской глагольной приставке *раз=*, *рас=*), *тахал=* «ломать» (< *таха* – преверб, передающий образ ломания, разрывания чего-л.), *отол=*~*утал=* «отрезать, обрезать; рубить, отрубить» (< *ото*~*ута* – преверб, передающий образ отрезания, отрубания или отрывания чего-л. напрочь).

Есть случаи присоединения этого аффикса и к глагольным основам, например: *аньдил=* «сильно пахнуть» (< *аньди=* «пахнуть, вонять»), *эбэртэл=* «присваивать» (< *эбэртэ=* «класть за пазуху»). Такое явление присуще всем монгольским языкам, ср. лит.-бур. *сохил=* «1) мерно биться; 2) производить ритмичные удары» (< *сохи=* «бить, ударять, колотить»), х.-монг. *цохил=*, стп.-м. *сokil=* «1) производить ритмичные удары; 2) клевать» – о птице (< *цохь=*, *сoki=* «бить, ударять, колотить») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 126-128, 160-165, 180-189; 1993, с. 66-71, 85-88, 100-104].

-ла/-лэ/-ло/-лө (ср. лит.-бур. *-ла/-лэ/-ло*, х.-монг. *-ла/-лэ/-ло/-лө*, старомонгольский вариант *-ла/-ле*), данный аффикс по содержанию полностью идентичен предыдущему аффиксу *-л* и образует в говоре, как и в других монгольских языках, множество глагольных основ от остальных частей речи; его особенностью в нижеудинском говоре является то, что он здесь часто заменяется аффиксом *-л*, что вызвано, по всей вероятности, чисто фонетическими причинами редукции гласных; от имен существительных аффикс *-ла* образовал следующие глаголы: *абла=* «колдовать, привораживать» (< *ап* «колдовство, чары»), *байарла=* «радоваться» (< *байар*~*байир* «радость»), *гэрлэ=* «жениться» (< *гэр* «дом; юрта»), *далла=* «махать рукой, замахиваться» (< *дал* «лопатка»), *дуһаалла=* «капать» (< *дуһаал* «капля»), *казаарла=* «взнуздать лошадь» (< *казаар* «узда»), *кобло=* «сплетничать» (< *коп* «1) сплетня; 2) ябеда, жалоба»), *мангарла=* «опохмеляться» (< *мангар* «похмелье»), *намарла=* «проводить осень» (< *намар* «осень»), *нөөрлө=* «спать; ночевать» (< *нөөр* «сон»), *нүклө=* «прокалывать уши для сережек» (< *нүкэн* «дырка, отверстие»), *нэрлэ=* «называть по имени» (< *нэрэ*~*нэр* «имя»), *тугалла=* «телиться» (< *тугал* «теленок»), *ушарла=*~*ушурла=* «попадаться» (< *ушар*~*ушур* «причина»), *үдэрлэ=* «дневать. проводить день» (< *үдэр* «день»), *шурубла* «завинчивать гайку» (<

шуруп «1) гайка; 2) шуруп»), *шэдэрлэ* = «стреноживать, спутывать лошадь» (< *шэдэр* «конские пути»), *эбэрлэ* = «положить за пазуху» (< *эбэр* «пазуха»); от прилагательных этот аффикс образовал единицы глаголов типа *үмдэрлэ* = «присаживаться к столу» – о почетном высоком госте (< *үмдэр* – высокий); от превербов образованы единичные глаголы типа *куула* = «драть, сдирать» (< *куу* – преверб с семантикой сдиранья, срывания); следует признать, что данный аффикс не столь активен в говоре, как это наблюдается у *-л*, превосходящий в этом отношении здесь все остальные глаголообразующие аффиксы [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 126-128, 160-165, 180-189; 1993, с. 66-71, 85-88, 100-104; Болд 1986, с. 121-124];

-т (ср. лит.-бур. *-да/-дэ/-до*, х.-монг., калм. *-д*, старомонгольская форма *-d*), общемонгольский аффикс, образовавший от разных основ заметное количество глаголов; так, от имен существительных образованы такие глаголы, как *буут* = «стрелять» (< *буу* «ружье»), *куурэат* = «пилить напильником» (< *куурэа* «напильник»), *тирөөт* = «пилить пилой» (< *тирөө* «пила»), *һэльбэт* = «гresti веслом» (< *һэльбэ* «весло»); от основ имен прилагательных образованы глаголы *гурит* «голодать, оголодать» (< *гури* «голодный»), *курсат* = «точить, вострить» (< *курса* «острый»), *түргэт* = «1) спешить; 2) стараться» (< *түргэн* «быстрый»); зачастую аффикс *-т* в говоре появляется на месте *-да/-дэ* других монгольских языков, ср. напр., бур.НУ *буут* = – лит.-бур. *бууда* =, стп.-м. *buuda* = «стрелять»; в речи носителей нижеудинского говора этот аффикс обычно произносится глухо и воспринимается как *-т*, ср. напр., *бууткайа* «стрелять», *түргэткэйэ* «стараться»; в положении же между гласными звонкость у *-д* сохраняется, например: *буудаттибан* «я выстрелил» [подробнее об этом аффиксе см.: Болд, с. 111-113];

-да/-дэ/-до/-дө (ср. лит.-бур. *-да/-дэ/-до*, х.-монг. *-да/-дэ/-до/-дө*, калм. *-д*, старомонгольская форма *-da/-de*); общемонгольский аффикс, образовал в говоре относительно немного глаголов от основ имен существительных и прилагательных, при этом удалось выявить следующие случаи: *куурда* = «играть на гармонии» (< *куур* «гармонь»), *стрүүждэ* = «строгать рубанком» (< *стрүүж* «рубанок»), *сукулда* = «сердиться, гневаться» (< *сукул* «гнев, зло»), *һабарда* = «царапать, оцарапать» (<

habar «когти»), *карда* = «клеветать, чернить» (< *кар-кара* «черный») [подробно об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 131-133, 196-198; 1993, с. 90, 106-107];

-та/-тэ/-то/-тө (ср. лит.-бур. *-та/-тэ/-то*, х.-монг., калм. *-т*, старомонгольский вариант *-та/-те*), общемонгольский аффикс, в говоре образовал от существительных, прилагательных и наречий относительно немного глаголов типа *тиртэ* = «загрязняться» (< *тир* «грязь»), *эбэртэ* = «класть за пазуху» (< *эбэр* «пазуха»; ср. выше *эбэрлэ* = «класть за пазуху»), *тирзагата* = «нервничать» (< *тирзага* «злой»), *оройта* = «опаздывать» (< *орой* «поздно») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 133-134, 167-168, 198-200; 1993, с. 90-91, 107-108; Болд 1986, с. 114];

-на/-нэ/-но/-нө (ср. лит.-бур. *-на/-нэ/-но*, х.-монг. *-на/-нэ/-но/-нө*, калм. *-н*, старомонгольский вариант *-на/-не*); общемонгольский аффикс, образовал относительно немного глаголов от существительных и прилагательных, при этом удалось выявить следующие: *агна* = «охотиться» (< **агна* = < *аң* «зверь; дичь»), *кэмнэ* = «мерить, измерять» (< *кэм* «мера»), *хамна* = «чесать, расчесывать» (< *хам* «гребень, расческа»), *карамна* = «жадничать» (< *карам* «скупой, жадный»); следует при этом отметить, что по своему происхождению аффикс *-на* является фонетическим вариантом *-ла*, развившимся после носовых согласных, после которых он и встречается; о том, что его прототипом был аффикс *-ла*, свидетельствуют варианты типа х.-монг. *харамла* = // *харамна* = «жалеть, скупиться», стп.-м. *kemle* = // *kemne* = «измерять» [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 134-137, 168-169, 200-202; 1993, с. 77, 91, 108; Болд 1986, с. 121-124];

-р (иногда его вариантом выступает *-ра/-рэ/-ро/-рө*; ср. лит.-бур. *-ра/-рэ/-ро*, х.-монг., калм. *-р*, в старомонгольском языке ему соответствует *-r*, *-ра/-ре*); общемонгольский аффикс, образующий глаголы от разных частей речи:

а) от имен существительных: *даатир* = «спутываться от грязи» — о волосах (< *даати* «линялая шерсть, свалывшаяся шерсть»);

б) от имен прилагательных: *дулаар* = «потеплеть, настать» — об оттепели (< *дулаан* «теплый»), *дүлээр* = ~ *дүлээрэ* = «оглохнуть» (< *дүлээ* «глухой»), *дэмээр* = ~ *дэмээрэ* = «дуреть; сходить с

ума; затуманиваться» – о мозгах (< дэмээ «напрасный, бестолковый, вздорный»), *күүтэр* = «морозить» (< *күүтэн* «холодный, морозный»);

в) от звукоподражательных слов: *мээр* = I «блеять» (< *мээ* I – подражание бляению овцы), *мээр* = II «мяукать» (< *мээ* II – подражание мяуканью кошки), *мөөр* = ~ *мээр* = «мычать» (< *мөө* ~ *мээ* – подражание мычанью коровы);

г) от провербов: *кальтара* = ~ *кальтар* = «поскользнуться» (< *кальта* «скользом»), *кукур* = «сломаться, переломиться» (< *куку* – проверб, соответствующий русской глагольной приставке пере-, имеющий значение перебивания, переламывания), *таһар* = «лопнуть, порваться, разорваться» (< *таһа* – проверб, передающий образ ломания, разрывания и т. п.), *тэһэр* = «лопаться, прорываться» – о чем-л. наполненном, напр., о пакете с молоком, надутым воздушным шарике и т. п. (< *тэһэ* – проверб, передающий образ лопания, разрыва чего-л. наполненного);

д) от глаголов: *куткар* = «вмешиваться» (< *кутка* = «размешивать, перемешивать») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 128-130, 165-166, 189-193; 1993, с. 71-73, 88-89, 104-106; Болд 1986, с. 118-119];

-*жа/-жэ/-жо/-жө* (ср. лит.-бур. -*жа/-жэ/-жо*, х.-монг. -*ж/-жи*, калм. -*жэ*, старомонгольский вариант -*й*); общемонгольский аффикс, в говоре образовал единичные глаголы типа *кабаржа* = «проводить весну, прожить весну» (< *кабар* «весна») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 137, 169, 202-203; 1993, с. 91-92, 109];

-*шаа/-шээ/-шоо/-шөө* (ср. лит.-бур., х.-монг. -*шаа/-шээ/-шоо/-шөө*, калм. -*шал/-шэ*, старомонгольский вариант -*šiya/-šiye*); общемонгольский аффикс, образовал в говоре единичные глаголы типа *һоншоо* = «интересоваться» (< *һонин* «интересный») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 141-142, 171-172, 207; 1993, с. 93-94, 111; Болд 1986, с. 119-120];

-*шал/-шил/-шол/-шөл* (< -*ша* + -л; ср. лит.-бур. -*шала/-шэлэ/-шоло*, х.-монг. -*чил*, калм. -*чл*, старомонгольский вариант -*čila/-čile*); общемонгольский аффикс, образовал в говоре относительно немного глаголов типа *эвшил* = ~ *ээвшил* = «гостить» (< *ээл* «двор, семья»), *баряатшал* = «говорить по-бурятски» (< *баряат* «1. бурят; 2. бурятский»), *караашал* = «высматривать» (<

караан «взгляд»), такого же, видимо, происхождения и глагол *кушул*=*кушал*= «ковырять пальцем, ковырять, выковыривать» (ср. лит.-бур. *ухашала*=, зап.-бур. *хушал*= – id., х.-монг. *ухчил*=, стп.-м. *иқиçила*= «копытить землю» – о животных < *иқи*= «копать» [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 142-144, 172, 22207-208; 1993, с. 94, 111];

-ркал/-ркэл/-ркол/-ркө (< *-р* + *-ка*; ср. лит.-бур. *-рха/-рхэл/-рхо*, х.-монг. *-рх*, калм. *-рх/-рк*, старомонгольский вариант *-рqa/-rke*); общемонгольский аффикс, образовал в говоре относительно немного глаголов типа *hanaарка*= «волноваться, предаваться думам» (< *hanaан* «дума»), *hээрка*=*кээрка*= «хвалиться, похвляться» (< *hээн* «хороший») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 130-131, 166-167, 193-195; 1993, с. 73-74, 89, 106; Болд 1986, с. 114-116];

-шага/-шэгэл/-шогол/-шөгө (< *-ша* + *-га*; данный аффикс присущ изучаемому говору, его нет в других монгольских языках, там ему соответствуют: лит.-бур. *-шагана/-шэгэнэл/-шогоно*, х.-монг. *-чигина/-чигинэл/-чигинол/-чигинө*, калм. *-чңн*, старомонгольская форма *-çigina/-çigine*); этот аффикс образует в говоре глаголы от звукоподражательных слов и содержит при этом смысловую коннотацию, связанную с ритмичностью, частой повторяемостью действия, например: *тирашага*= «трещать» – о кузнечике (< *тир* – подражание трещанию кузнечика; ср. лит.-бур. *таршагана*=, х.-монг. *тарчигна*=, стп.-м. *tarçigina*= «трещать, дребезжать» < *тар* – подражание треску, дребезгу);

-гана/-гэнэл/-гонол/-гөнө (< *-га* + *-на*; ср. лит.-бур. *-гана/-гэнэл/-гоно*, х.-монг. *-гина/-гинэл/-гинол/-гинө*, *-хина/хинэл/-хинол/-хинө*, в старомонгольском языке ему соответствует *-gina/-gine*, *-kina/-kine*); в говоре этот аффикс образовал единичные глаголы от звукоподражательных слов, например: *титигана*= «скрипеть» (< *тити* – подражание тонкому скрипу; ср. лит.-бур., х.-монг. *хахина*=, стп.-м. *qakina*= «скрипеть») [подробнее об этом аффиксе см.: Дондуков 1964, с. 152, 178-179, 210; 1993, с. 99, 112];

-йал/-йэл/-йол/-йи (иногда *-ди*; в литературном бурятском языке ему соответствует *-я/-е/-ё*, в халха-монгольском – *-ги*, в калмыцком – *-г*, в старомонгольском языке – *-gi*); общемонгольский показатель, образует от изобразительных слов глаголы типа *каайа*= «шуметь» (< *каа* – подражание глухому шуму),

күүйэ= «шуметь, гудеть» (< күү – подражание шуму, гулу, рокоту), жирди= «щебетать, чирикать» (< жир – подражание щебету, чириканью мелких птиц), нирйи= «ударить» – о громае (< нир – подражание раскатам грома), жиийа= «жужжать» (< жиий – подражание жужжанию), ширйа= «шуметь» (< шир – подражание шуму), шууйа= «шуметь» (< шуу – подражание шуму); аффикс -йа... происходит от *gi за счет закономерного перехода палатализованного *gi в -й- в бурятском языке, переход этот произошел давно и охватил по сути дела весь бурятский язык, его говоры [Рассадин 1982, с. 128-129], в других монгольских языках смычный характер *g в данном случае сохраняется, ср. например, бур.НУ күүйэ=, лит.-бур. хүүе=, х.-монг. хүүги=, стп.-м. күүги= «шуметь, свистеть» – о ветре в лесу; бур.НУ шууйа=, лит.-бур. шууя=, х.-монг. шууги=, калм. шууг=, стп.-м. šuugi= «шуметь»; глаголы этого типа образовались из лексикализации первоначального сочетания звукоподражательно-го слова со служебными глаголами ge= «произносить, издавать звук» и ki= «делать», т. е. первоначально было, например, *šui ge= «издавать звук шуу» или *šui ki= «производить звук шуу» (кстати, подобная модель еще действует в монгольских языках, ср. например, бур. тад гэ=, х.-монг. тас хий= «стучать, грохотать»; бур. шаб гэ=, калм. шаб ги=, х.-монг. шав хий= «шлепнуть, издать шлепающий, хлюпающий звук»), затем произошла контаминация вспомогательных глаголов, фонетическое сращение их со значимой основой и превращение элементов *ge= и *ki= в аффиксы, при этом ki= в процессе контаминации озвончилось в gi=, который затем в бурятском языке перешел в *йи=, давшее вариант йа=; о слиянии, контаминации в подобных моделях элементов ki= и ge= делали в свое время предположение еще Алексей Бобровников [1849, с. 123] и Вл. Котвич [1902, с. 93], о переходе gi= в yi= говорил Г.И. Рамстедт [1957, с. 155], упоминал об этом и Л.Д. Шагдаров [1962, с. 79-82], процесс становления данного аффикса в бурятском языке и других монгольских языках был также подробно рассмотрен нами [Рассадин 1985а, с. 125-130].

Упомянутые выше элементы ge= и ki= входят также в состав сложных аффиксов, служащих для образования глаголов от звукоподражательных слов. В нижнеудинском говоре отмечен один

из таких аффиксов. Это аффикс *-мур/-кэр* (*-ki* = + *-r*; в старомонгольском языке ему соответствует *-kiral/-kire*); общемонгольский аффикс, образующий глаголы типа *бартур* = «кричать, орать» (< *бар* – подражание реву, рыку, крику зверей), *кайтур* = *кээтур* = «кричать» – о человеке (< *кай-кээ* – подражание окрику, крику человека), *каньтур* = «звенеть» (< *кан* – подражание металлическому звону, звяканью), *ишкэр* = «свистеть» (< *иш* – подражание свисту).

Как уже говорилось выше, ряд аффиксов выступает в говоре в двух вариантах: с конечной гласной и без нее. Так, в отдельных случаях зафиксированы варианты типа *-ла/-л* (например: *кобло* = «сплетничать; ябедничать» – *кобол* = «ябедничать, жаловаться»; *отло* = *отол* // *утла* = *утал* = «отрезать»), *-дал/-дэ* и *-т* (например: *түргэдэ* = // *түргэт* = «стараться»), *-рал/-рэ* и *-р* (например: *дүлээрэ* = // *дүлээр* = «оглохнуть», *дэмээрэ* = // *дэмээр* = «дуреть, сходить с ума»). Связано это с имеющей место в нижеудинском говоре всеобъемлющей тенденцией количественной редукции гласных непервых слогов, чем этот говор напоминает халха-монгольский язык. Например: бур. НУ *мод*//*модол*//*модон* «дерево», *һар*//*һарал*//*һаран* «луна, месяц» (ср. лит.-бур. *модон*, *һарал*//*һаран*, х.-монг. *мод*, *сар*). По этой причине в данном говоре не только аффиксы, но и вообще почти любое слово выступает как бы в двух произносительных вариантах – полногласном и без конечного гласного, иначе говоря, нижеудинский говор, как и халха-монгольский язык, стремится к односложным основам, в то время как бурятский язык обычно имеет двусложные основы. Проиллюстрировать данное положение можно следующими примерами: *ош* = // *ошо* = «пойти», *йам* = // *йан* = // *йаба* = «идти; уйти», *йир* = // *йирэ* = «придти», *тат* = // *тата* = «тянуть», *күр* = // *күрэ* = «достичь», *мэд* = // *мэдэ* = «знать», *эн* // *энэ* «этот», *тэр* // *тэрэ* «тот», *дээр* // *дээрэ* «наверху», *каан* // *каана* «где», *кааш* // *кааша* «каша», *клеэм* // *клеэмэ* «печеный хлеб», *юунд* // *юунда* «почему», *эр* // *эрэ* «мужчина», *агнууш* // *агнууша* «охотник», *баряаш* // *баряаша* «ловец, ловящий, держащий», *бид* // *бидэ* «мы», *кар* // *кара* «черный», *нимэг* // *нимгэн* «тонкий», *тиим* // *тиимэ* «такой; так» и т. п. Из-за этой закономерности фонетический облик словоформ иногда значительно видоизменяется. Так, например, возьмем предло-

жение *Зилёно маассаи гоошио йамна* «течет зелёная масса». Здесь словоформа *гоошио* представляет собой соединительное деепричастие на *-жа* от глагола *гоош*=//*гоожо*= «течь», ср. лит.-бур. *гоожожо* (< лит.-бур. *гоожо*= «течь»). При этом развитие данной формы в говоре происходило следующим образом: *гоожожо* → *гоожбжэ* → *гоожжэ* → *гоошжэ* → *гоошио*. Форма *йамна* развилась из более полной *йабана* вследствие редукции средней гласной *-а-* аналогичным же образом, т. е. развитие шло так: *йабана* → *йабана* → *йабна* → *йамна*. В говоре встретилась также форма этого же деепричастия от глагола *бод*=//*бодо*= «встать» в виде *бошо*. Здесь развитие шло следующим путем: *бодожэ* → *бодбжэ* → *боджэ* → *бодшо* → *бошио* → *бошо*.

Для монгольских языков, в том числе и для нижеудинско-го бурятского говора, характерно то, что словообразовательное значение имеют помимо чисто словообразовательных аффиксов также и некоторые залоговые аффиксы, присоединяемые как к непроизводным основам, так и к производным [Дондуков 1964, с. 229-234; 1993, с. 95-98]. «Глагольные основы, образованные посредством залогообразующих аффиксов, являются вполне самостоятельными и совершенно независимыми глагольными основами», – считает У.-Ж. Ш. Дондуков, специально исследовавший систему аффиксального словообразования в бурятском языке [Дондуков 1964, с. 144-145]. Анализ глагольных основ, употребляющихся в нижеудинском говоре с различными залоговыми аффиксами, показал, что многие из них получили новое лексическое значение. При этом такое положение наблюдается не со всеми залогами. Рассмотрим ниже подробнее зафиксированные случаи:

-лда/-лдэ/-лдо/-лдө (ср. лит.-бур. *-лда/-лдэ/-лдо*, х.-монг., калм. *-лд*, старомонгольская форма *-lda/-lde*); общемонгольский показатель взаимного залога; наряду со словоформами типа *алалда*= «убивать друг друга» (< *ал*=~*ала*= «убивать»), *караалда*= «ругаться между собой» (< *караа*= «ругать, проклинать»), *кубаалда*= «делить между собой» (< *кубаа*= «делить, наделять»), имеющими чисто залоговые значения, в говоре выявились и залоговые словоформы, получившие новые лексические значения, например: *няалда*= «прилипать, приклеиваться» (< *няа*= «клеить, намазывать»), *зотилдо*= «мириться» (< *зоти*= «подходить,

соответствовать»), *орёолдо*= «связываться» (< *орёо*= «обматывать, обвёртывать»); выявились случаи, когда присоединение данного аффикса не меняет значение лексемы, но придает лишь, по всей вероятности, некоторое видовое содержание обычности совершения действия, да и то не всегда, например: *эрыйилдэ*= «крутиться, поворачиваться, повертываться» (< *эрийи*= – id.), *дууһалда*= «кончаться, завершаться» (< *дууһа*= – id.; ср. примеры употребления этой формы в говоре: *күдмэримни дууһалдаа* «моя работа кончилась», *энэ үбэлэши дууһалдана убо* «эта зима не кончается»), *һаньдюлда*= «свисать, висеть, болтаться» (ср. лит.-бур. *һанжса*=, х.-монг. *санжси*=, стп.-м. *sanji*= «свисать»); о том, что этот аффикс принимает в языке, видимо, статус словообразовательного аффикса, свидетельствуют случаи образования им глаголов непосредственно от именных основ, например: *дэалда*= «воевать» (< *дээн* «война»), *туһалда*=//*туһулда*= «помогать» (< *туһал*//*туһу* «помощь; польза»); подробнее об этом залоге см.: [Санжеев 1963, с. 57-60, 63];

-та/-тэ/-то/-тө, *да/-дэ/-до/-дө* (ср. лит.-бур. *-та/-тэ/-то*, *-да/-дэ/-до*, х.-монг., калм. *-т*, *-д*, старомонгольский вариант *-та/-те*, *-да/-де*); общемонгольский показатель страдательного залога, в отношении участия в словообразовании он не так активен, как предыдущий залоговый аффикс, но тоже образовал ряд глаголов с иным, чем в исходной форме, лексическим значением, например: *апта*= «сдаваться» (< *ап*= «брать»), *күртэ*= «хватать, подходить по количеству или размеру» (< *күр*=//*күрэ*= «достигать, доходить»);

-зда/-здэ/-здо/-здө (ср. лит.-бур. *-зда/-здэ/-здо*, х.-монг., калм. *-зд*, старомонгольский вариант *-yda/-gde*); общемонгольский аффикс страдательного залога, образовал в говоре единицы слов с иным значением, например: *шүүгдэ*= «проигрывать» (< *шүү*= «выигрывать»); подробнее об этом залоге см.: [То же, с. 44-50, 63];

-лга/-лгэ/-лго/-лгө (ср. лит.-бур. *-лга/-лгэ/-лго*, х.-монг. *-лга/-лгэ/-лго/-лгө*, калм. – *лһ/-лг*, старомонгольский вариант *-lyalge*); общемонгольский аффикс побудительного залога, в говоре образовал заметное количество глагольных основ с иным лексическим значением, например: *бээлга*= «устанавливать, ставить» (< *бээ*= «быть, находиться; стоять»); например: *сээ бээлга* «ставь

чай», *зула бэалга* «поставь свечку»), *гүүлгэ* = «пускать коня галопом» (< *гүү* = «бегать»), *буулга* = «выгружать, сгружать» (< *буу* = «слезать, спускаться»), *хуулга* = «вкапывать» (напр. столб); «сажать» (овощи) (< *хуу* = «сидеть; садиться»); подробнее об этом залоге см.: [То же, с. 26-27];

-gal/-gə/gol/-gə, *-ka/-kə/-kol/-kə* (ср. лит.-бур. *-gal/-gə/-go*, *-xa/-xə/-xo*, х.-монг. *-gal/-gə/-gol/-gə*, калм. – *h/-g*, старомонгольский вариант *-yal/-ge*); общемонгольский аффикс побудительного залога, образовал относительно немного глаголов с измененным лексическим значением, например: *күдэлгэ* = «шевелить; качать зыбку» (< *күдэл* = «двигаться; работать»), *муутка* = «оговаривать, хулить» (< *муут* = «стать плохим»; ср. лит.-бур. *муудха* = «ухудшаться, истощать» < *мууд* = «стать плохим, худеть, тощать»), *һаа* = «зажигать» (< **аһаа* = < *асага* = – *id.* < *аса* = «гореть» + *-ya*, что буквально означает «позволить или заставить гореть», ср. лит.-бур. *аһаа* =, х.-монг. *асаа* =, стп.-м. *асага* = «зажигать» < *аса* = «гореть»); подробнее об этом залоге см. [То же, с. 27].

Приведенными примерами, пожалуй, можно и исчерпать перечень глаголов с другим лексическим значением, образованных с помощью залоговых аффиксов. Все эти аффиксы носят общемонгольский характер и почти все эти примеры есть и в других монгольских языках, в том числе и в бурятском литературном языке. Лишь отдельные слова, такие как *орёолдо* = «связываться», *зотилдо* = «мириться», *дууһалда* = «кончаться», *муутка* = «оговаривать» имеют в говоре иное, чем в литературном языке, значение, а слова *даалда* = «воевать» и *туһалда* =//*туһулда* = «помогать» вообще отсутствуют в бурятском литературном языке, хотя модель образования глаголов от именных основ при помощи аффикса *-лда* в нем и представлена [Дондуков 1964, с. 148-149]. Это говорит о самостоятельном использовании в говоре общемонгольских словообразовательных моделей.

2.2.2.4. Образование наречий

Хотя считается, что наречие как часть речи в монгольских языках слабо выделено специальными наречными словообразовательными аффиксами [Дондуков 1964, с. 114-115], все же и в них развились показатели, дифференцирующие эту часть речи

от прилагательных, существительных, числительных и глаголов. Показателей этих относительно немного. Среди них прежде всего можно выделить ряд омертвелых аффиксов, не образующих ныне новых наречий. Это аффиксы:

-на/-нэ/-но (лит.-бур., х.-монг. *-на/-нэ/но*, калм. *-н*, стп.-м. *-на*); образовал обстоятельственные наречия места со значением местонахождения, например: *няана* «по эту сторону, ближе сюда, здесь поближе, чуть ближе здесь» (< **няа* «пространство по эту сторону чего-л.», ср. калм. *на* «на этой стороне, ближе, сюда», лит.-бур., х.-монг. *наана*, стп.-м. *науан-а* – id.); *саана* «по ту сторону, сзади, за» (< **саа* «пространство по ту сторону чего-л.», ср. калм. *ца*, лит.-бур. *саана*, х.-монг. *цаана*, стп.-м. *цауан-а* «по ту сторону, сзади, за»); *койно* «позади, сзади» (< **кой* «пространство сзади, позади», ср. лит.-бур., х.-монг. *хойно*, калм. *хөөн*, стп.-м. *гоуин-а* «позади, сзади; после»); подробнее об этом аффиксе см.: [Дондуков 1964, с. 115; Орловская 1974, с. 185-186];

-ра/-рэ/-ро/-рө (лит.-бур. *-ра/-рэ/-ро*, х.-монг., калм. *-р*, стп.-м. *-ра/-ре*); образовал обстоятельственные наречия места со значением местонахождения, например: *доро* «внизу» (< **до~доо* «пространство внизу, внутри», ср. *доо* + *шо* «вниз», *доо* + *гуур* «низом», *доо* + *до* «нижний», *до* + *тор* «внутренность», ср. в других монгольских языках: лит.-бур. *доро*, *дооро*, х.-монг., калм. *дор*, стп.-м. *doru*, *dour-а* «внизу, ниже»); *дээрэ~дээр* «1) наверху; выше; 2) лучше» (< **дээ* «пространство наверху», ср. *дээ* + *шэ* «вверх», *дээ* + *гүүр* «верхом, поверху», *дээ* + *дэ* «верхний», ср. в других монгольских языках: лит.-бур. *дээрэ*, х.-монг. *дээр*, калм. *деер*, стп.-м. *deger-e* «1) наверху; выше; 2) лучше»); об этом аффиксе см.: [Дондуков 1964, с. 115];

-ша/-шэ/-шо/-шө (лит.-бур. *-ша/-шэ/-шо*, х.-монг. *-ш*, стп.-м. *-ši*); образовал обстоятельственные наречия со значением направления движения или другого действия, например: *няаша* «сюда» (< **няа*), ср. лит.-бур. *нааша*, х.-монг. *нааш*, *найш*, стп.-м. *naši*, *inayši* – id.; *сааша* «туда» (< **саа*), ср. лит.-бур. *сааша*, х.-монг. *цааш*, *цайш*, стп.-м. *čaši*, *činajši* – id.; *койшо* «1) назад; 2) на запад» (< **кой* «пространство сзади»), ср. лит.-бур. *хойшо*, х.-монг. *хойш*, стп.-м. *гоуиši* «1) назад; 2) на се-

вер»; *дээшэ~дээш* «вверх, наверх» (< *дээ), ср. лит.-бур. *дээшэ*, х.-монг. *дээш*, стп.-м. *degeši* – id.; *доошо~доош* «вниз» (< *доо), ср. лит.-бур. *доошо*, х.-монг. *доош*, стп.-м. *doruyši, doγuyši* – id.; подробнее об этом аффиксе см.: [Дондуков 1964, с. 115; Орловская 1974, с. 186; Болд 1986, с.109-110];

-гуур/-гүүр (лит.-бур., х.-монг. *-гуур/-гүүр*, калм. *-һур/-гүр*, стп.-м. *-γur/-gür*); образовал наречия места со значением транзитива в пространстве и времени, например: *доогуур* «низом, понизу, под чем-л.» (< *доо), ср. лит.-бур., х.-монг. *доогуур*, стп.-м. *douγur, doγuyur* – id.; *дороогуур* «низом, понизу, под чем-л.» (< *доро* «внизу, под»), ср. калм. *дорahур* «в, под; понизу, низом, низко»; *дээгүүр* «вверху; верхом, поверху; над, на; через» (< *дээ), ср. лит.-бур., х.-монг. *дээгүүр*, калм. *деегүр*, стп.-м. *degegür* – id.; *койгуур* «1) сзади, позади, вслед за...; 2) на западе, западнее» (< *кой), ср. лит.-бур., х.-монг. *хойгуур*, стп.-м. *qoyiγur* «1) сзади, позади, вслед за...; 2) на севере, севернее»; *няагуур* «этим местом, здесь ближе» (< *няа), ср. лит.-бур., х.-монг. *наагуур*, калм. *нааһар*, стп.-м. *наγaγur* «по этой стороне, здесь ближе»; *саагуур* «там подальше, тем местом; за, позади чего-л.» (< *саа), ср. лит.-бур. *саагуур*, х.-монг. *цаагуур*, калм. *цааһур*, стп.-м. *caγaγur* «тем местом, той стороной, за, позади чего-л.»; *үглээгүүр* «утром, поутру» (< *үглээ* «утро»), ср. лит.-бур. *үглөөгүүр*, х.-монг. *өглөөгүүр*, стп.-м. *örlügegür* «утром, поутру»; подробнее об этом аффиксе см.: [Дондуков 1964, с. 115; Орловская 1974, с. 186; Болд 1986, с. 110-111].

Этими показателями в общем-то, пожалуй, и исчерпывается набор чисто наречных аффиксов. Есть, правда, еще пара показателей, но она образовала буквально единичные слова. Это: *олонто* «много раз, многожды» (< *олон* «много; многие»), здесь вычленяется показатель *-тал/-тэл/-то*, который представлен и в других монгольских языках, ср. лит.-бур. *олонто*, х.-монг. *олонт*, стп.-м. *olanta* – id. (этот аффикс совпадает с общемонгольским аффиксом кратного числительного *-тал/-тэл/-то*); *һааса* «хорошо» (< *һээн* «хороший»), ср. лит.-бур. *һайса* – id.; *һэакаса* «хорошенько» (< *һэакан* «1) хорошенький; 2) красивый»), ср. лит.-бур. *һайсахан* – id.; *мууса* «плохо» (< *муу* «плохой»), ср. лит.-бур. *мууса* – id., здесь вычленяется показатель *-сал/-сэл/-со*, не имеющий аналогов в монгольских языках.

Сопоставительный материал показывает, что все приведенные выше производные наречия и их показатели являются общемонгольскими, за исключением аффикса *-ca*, который встречается лишь в бурятском языке и его говорах. Его праформу можно восстановить в виде **-ca*, который совпадает и внешне и по содержанию с общетюркским аффиксом наречия образа действия, уподобления и т. п. *-ca*, широко представленным не только в современных тюркских языках, но и в древнетюркском [Кононов 1980, с. 136-137]. Видимо, данный аффикс в бурятском языке – след прошлого влияния тюркских языков на бурятский.

Как можно видеть из представленного материала, не все из приведенных выше наречий равномерно представлены в монгольских языках. Есть такие, которые бытуют главным образом в восточных монгольских языках и их нет в калмыцком, как например, *няана*, *саана*, *няаша*, *сааша*, *койшо*, *доошо*, *дээшэ*, с другой же стороны, имеются наречия, хотя и единичные, которые отсутствуют во всех восточных монгольских языках, в том числе и в литературном бурятском, но фиксируются в нижнеудинском говоре и калмыцком языке, как например, бур.НУ *дороогуур* = калм. *дорһур* «низом, понизу, под чем-л.» Это лишний раз подтверждает самостоятельные связи нижнеудинского бурятского говора с ойратским языковым миром.

Помимо разобранных выше сугубо наречных аффиксов, при помощи которых в бурятском языке и его говорах образован ряд наречий, следует отметить, что производство наречий осуществляется и при помощи процесса адвербиализации различных грамматических форм, в частности падежных. При этом выявились следующие варианты.

Наиболее активным в этом отношении оказался орудный падеж с показателем *-aap/-ээр/-оор/-өөр*, *-йаар/-йээр/-йоор/-йөөр* – общемонгольским аффиксом, при помощи которого в говоре образовалось множество наречий образа действия от именных основ. При этом примерами наречий, образованных от имен существительных могут послужить такие словоформы, как *энээрээ~нээрээ* «верно, в самом деле, взаправду» (< *үнэн* «правда»), ср. лит.-бур. *үнээрээ*, *үнэхөөр*, *нээрээ*, х.-монг. *үнээр*, *үнээрээ*, *үнээрээн*, *үнэхээр*, *нээрээ*, калм. *үнэр*, стп.-м. *йнер*,

üner-e, *üneker*, *negeren* «в действительности, действительно, в самом деле, вправду»; *буряаһаар~баряаһаар~баряар* «по-бурятски» (< *буряат~баряат* «бурят»); *мангадаар~мангаһаар~мангаар* «по-русски» (< *мангат* «русский»). Особенно много наречий этот падеж образовал, присоединившись к прилагательным. В этом случае по функции он приближается к наречным аффиксам. С его помощью, часто с добавлением безличного притяжания, от прилагательных в говоре образованы такие наречия образа действия, как *элаар* «медленно» (< *эл* «медленный»; ср. лит.-бур. *ааляар* «тихо, медленно» < *аалин* «тихий, негромкий», х.-монг. *ааль* «медленно, тихо, не спеша»); *бэркээр* «сильно, здорово» (< *бэркэ* «сильный, здоровый»); *гаксаараа* «в одиночестве, одиноко» (< *гакса* «одинокий, один»); *катуугаар* «крепко» (< *катуу* «крепкий, твердый»); *ондоогоор* «иначе, по-другому» (< *ондоо* «иной, другой»); *таамгайаар* «приблизительно, наугад» (< *таамгай* «приблизительный; приблизительно» < *таа* «угадывать»); *түбһөөр* «всяко, всяко-разно» (< *түбһэн* «всякий, разный»); *шингаар* «сильно; крепко; громко» (< *шинга* «сильный; крепкий; громкий»). Иногда в говоре сосуществуют два варианта этой падежной формы, когда исходная основа употребляется с сохранением конечного *-н* и без него. Ср. например, форму *түргэнээр* «быстро, скоро, вскорости» (< *түргэн* «быстрый, скорый»), которая совпадает с лит.-бур. *түргэнөөр* «быстро, скоро», и форму *түргөөр~түргээр* «быстро, скоро», которая имеет свою параллель лишь в калмыцком языке, где обычна форма *түргэр* «быстро, скоро» (< калм. *түрген* «быстрый, скорый»). В халха-монгольском языке в данном случае используется в обстоятельственной функции чистая основа *түргэн*, означающая «1) быстрый, скорый; 2) быстро, скоро», поскольку здесь формы производных качественных прилагательных обычно синкретичны и выступают в функциях как адвербов, так и адъективов. Подробнее о наречных функциях орудного падежа в монгольских языках см.: [Дондуков 1964, с. 116-117; Орловская 1974, с. 191].

Из других падежей в наречной функции активны:

а) дательно-местно-временной с показателями *-да/-дэл/-дөл/-дө*, *-та/-тэл/-тол/-тө* (иногда с добавлением безличного притяжания *-аа/-ээ/-оо/-өө*) – общемонгольский аффикс, образовал в

говоре наречия места и времени типа *урда* «1) впереди; 2) прежде, раньше в старину» (< **ури* «пространство впереди»), *закада* «рядом, возле» (< *зака* «1) край; 2) воротник»), *гэнтэ* «вдруг, неожиданно» (ср. лит.-бур. *гэнэ* «неожиданность»), *гэртээ* «1) дома; 2) домой» (< *гэр* «дом, юрта»), *йэкэдэ* «сильно, громко; очень» (< *йэкэ* «1) большой; 2) очень»), *тиикэдэ* «тогда, в то время» (например, *тиикэдэ буу боэ бээгаа* «тогда (в то время) ружей не было»; < *тиикэ* – причастие будущего времени глагола *тии*= «так делать; так происходить»), *түрүүндээ* «прежде, раньше» (< *түрүүн* «прежде, раньше»), *үдэртөө* «днем» (< *үдэр* «день»);

б) исходный падеж с показателями *-haal/-hээ/-hool/-hөө*, *-hal/-hэ/-hol/-hө*, *-aal/-ээ/-ool/-өө*, например: *койноонь* «позади него, за ним» (< *койно* «сзади, позади»), *урдаһаам~урдаам* «навстречу мне» (< *урда* «впереди»);

в) родительный падеж с показателями *-гаэ/-аэ/-ээ/-ээ*, например: *уряэ~урээ* «прежде, раньше» (< **ури*), *тоонээ* «почти» (< *тоон~тоо* «число»).

Встречаются также наречия, образованные за счет адвербиализации деепричастий, главным образом соединительного на *-жа...*, например: *йэдааж* «едва, еле-еле, насилу» (< *йадажа* < *йада*= «не мочь»), *датиж* «снова, опять» (< *датижа* < *дати*= «повторять»).

Таким образом, анализ аффиксальной словообразовательной системы наречий нижеудинского говора показал, что она в общем и целом представляет собой общемонгольский тип, сложившийся, по всей вероятности, еще в общемонгольское время. Обогатился он за счет включения в общепурятском масштабе тюркского наречного аффикса *-џа*, активизации орудного и родительного падежей в наречной функции. Показательны отдельные наречия, сближающие нижеудинский говор с калмыцким языком.

2.2.3. Неаффиксальное словообразование

2.2.3.1. Лексико-семантический способ

В первую очередь сюда относится лексикализация переносных значений слов. При этом во многих случаях слово в говоре

бытует только в новом, переносном значении. Исходное значение такого слова обычно вскрывается путем сравнения с литературным бурятским языком и другими монгольскими языками, главным образом старописьменным монгольским, сохраняющим наиболее древнее значение и формы общемонгольских слов. Подобных лексем в нижнеудинском говоре выявилось довольно много.

У существительных:

адак «неприязнь, недружелюбие», ср. зап.-бур. *адаг* «1. ирония, насмешка; 2. худший, плохой», лит.-бур., х.-монг. *адаг*, стп.-м. *adaγ*, калм. *адг* «1. конец, устье; 2. последний, худший, плохой»;

акадаэ «жена старшего брата», ср. зап.-бур. *ахадай* «1) братишка; 2) парень, кавалер, ухажер», алар. *ахадай* «тетушка; старшая сестра; жена старшего брата» < общемонг. *аха* «1. старший брат; 2. старший»;

богдо «водка», ср. зап.-бур. *богдо* «бодрый, задорный», лит.-бур. *богдо*, х.-монг., калм. *богд*, стп.-м. *boyda* «святейший, верховный»;

боолто~*боолта* «две косы замужней женщины», ср. зап.-бур. *боолто* – id., закам. *боолто* «плотина», тунк. *боолто* «шкворень у передка телеги», лит.-бур. *боолто* «связка; сверток; сноп; обруч», стп.-м. *boyulta*, х.-монг., калм. *боолт* «повязка, бинт, бандаж» < общемонг. *боо*= «связывать, перевязывать»;

булук «ручей», ср. баргуз. *булаг* «топкое место», лит.-бур., х.-монг. *булаг*, стп.-м. *bulaγ*, калм. *булг* «источник, родник, ключ»;

гуйлга~*гойлга* «подарок», ср. зап.-бур., окин., тунк. *гуйлга* – id., лит.-бур., х.-монг. *гуйлга*, стп.-м. *γuyily-a* «просьба», калм. *һууль* «милостыня» < общемонг. *гуй*= «просить»;

гээзэгэ «затылок», ср. зап.-бур. *гээзэгэ* – id., окин. *гээзэгэ* «1) затылок; 2) коса», лит.-бур. *гээзэгэ*, х.-монг. *гээзэгэ*, стп.-м. *gejiḡe* «коса из волос», калм. *гижэгэ* «1) затылок; 2) коса»;

гэлэр~*гэрэл* «зеркало», ср. алар., эхир. *гэрэл* – id., окин. *гэрэл* «стекло», тунк. *гэрэл* «1) стекло; 2) очки», лит.-бур., х.-монг. *гэрэл*, стп.-м. *gerel*, калм. *герл* «1) луч, свет; 2) освещение»;

куули «правительство», ср. лит.-бур. *хуули*, х.-монг., калм. *хууль*, стп.-м. *qauli* «закон, кодекс, декрет»;

куур «1) гармонь; 2) любой музыкальный инструмент», ср. лит.-бур.,

х.-монг. хуур, стп.-м. *quur* «хур, национальный смычковый музыкальный инструмент типа скрипки», калм. хур «скрипка»;

хушалга «крыша дома», ср. бох., булаг., окин., закам. хушалга – id., лит.-бур. хушалга «1) настилка; 2) покрывало, одеяло; 3) пеленка», х.-монг. хучлага, стп.-м. *qucily-a* «покрывало», калм. хучлh «1) покрывало; 2) пеленка» < общемонг. хуч= «покрывать сверху, накрывать»;

хүдэхэн «кисет», ср. зап.-бур. хүдэхэн – id., закам. хүдэхэн «кожаный мешочек для хранения готовых продуктов», лит.-бур. хүдэхэн «овчина, недубленая кожа», стп.-м. *ködüsün*, х.-монг. хөдөс «1) выделанная овчина; 2) куски, обрезки овчины»;

хүдөө «лес», ср. лит.-бур. хүдөө, х.-монг. хөдөө, стп.-м. *ködüge* «сельская местность, провинция», калм. көдэ «пустынное место – пустынная местность; степь, поле»;

хүлигэ «сноп», ср. качуг. хүлигэ – id., лит.-бур. хүлигэ «связка, вязанка; узел, узелок» < общемонг. хүли= «связывать»;

хэдэгэнэ «пчела», ср. зап.-бур. хэдэгэнэ «оса», окин., тунк. хэдэгэнэй «шмель», лит.-бур. хэдэгэнээн, хэдэгэнэ «овод, оводы», стп.-м. *kedegene*, х.-монг. хэдэгэнэ «шмель», калм. кедһн «слепень»;

табилга «судьба», ср. лит.-бур. табилга «разрешение, отпуск, освобождение», стп.-м. *tabily-a*, х.-монг. тавилга «подношение», калм. тэвлһн «1) отпуск; 2) увольнение, демобилизация; 3) направление, отправление; 4) укладка, закладка» < общемонг. таби= «1) ставить, класть; 2) отпускать»;

тоотка~тоотко «глина», ср. лит.-бур. тоодхо «мельчайшая пыль», юж.-бур., х.-монг. тоосго, стп.-м. *toyusy-a*, калм. тоосх «кирпич»;

утуһун «мулинэ, нитки для вышивания», ср. лит.-бур. утаһан, х.-монг. утас, стп.-м. *utasun*, калм. утцн «нитка; шнур; проволока»;

ушар «месть», ср. лит.-бур. ушар, х.-монг. учир, стп.-м. *uṣir*, калм. учр «1) обстоятельство, случай; 2) причина, основание; 3) суть, смысл, значение»;

үтэн «трутень в пчелином улье», ср. лит.-бур. үтэн, х.-монг. өт, стп.-м. *ötün*, калм. өтн «червь, черви; личинки мух»;

эзии 21) жена; 2) женщина», ср. зап.-бур. эзы «1) женщи-
на; 2) самка», лит.-бур. эжы, х.-монг. ижгий, ээж, стп.-м. *ijj*,
ejj «мама». калм. ээж «1) мать, мама; 2) бабушка».

У прилагательных:

зүрхэтээ «старательный», ср. лит.-бур. зүрхэтэй, х.-монг.
зүрхтэй, стп.-м. *ḡirūke-tei*, калм. зүрхтә «решительный, сме-
лый, отважный» < обшемонг. зүрхэн «сердце»;

зүркүво «ленивый, лентяй», ср. зап.-бур., тунк., окин. сой-
от. зүрхэгүй, окин. бур. зүрхүвэй – id., лит.-бур. зүрхэгүй, х.-
монг. зүрхгүй, стп.-м. *ḡirūke ügei* «робкий, трусливый, боязли-
вый», калм. зүркн уга «без сердца, бессердечный»;

сэгээн «целый, сплошной, чистый, без примеси», ср. лит.-
бур. сэгээн

«голубой, светло-голубой», х.-монг. цэгээн, стп.-м. *ḡegen*
«светлый; беловатый, белый», калм. цегэн «прозрачный»;

үрээ «дикий, необученный» (о коне), ср. лит.-бур. үрээ
«лошадь 3-4 лет», х.-монг. үрээ, стп.-м. *üriy-e* «жеребец 3-5
лет», калм. үрә «лошадь на 3-м году».

У глаголов:

бурга= «вывалиться в чем-л.», ср. лит.-бур., х.-монг. бурга=,
стп.-м. *burya=*, калм. бург= «порошить, падать, идти» (о мел-
ком снеге);

зэблэ= «подходить, совпадать» (< зэб «правильный, вер-
ный»), ср. лит.-бур. зүблэ=, х.-монг. зөвлө=, стп.-м. *ḡöble=*
«советоваться, совещаться», калм. зөвл= «1) примерять одеж-
ду; 2) целить, целиться; 3) одолевать, справляться»;

масагла= «быть голодным» (< масаг «пост»), ср. лит.-бур.
масагла=, х.-монг. мацагла=, стп.-м. *taḡayla=*, калм. мацгл=
«поститься, соблюдать пост»;

мэнэр= «молчать», ср. лит.-бур. мэнэр= «1) затуманиваться;
2) тупеть, глупеть; 3) терять чувствительность», х.-монг. мэ-
нэр=, стп.-м. *tenere=* «1) отупеть, поглупеть; 2) терять чувст-
вительность», калм. менр= «неметь, терять чувствительность»;

зур=~зура= «писать», ср. зап.-бур. зура= – id., лит.-бур. зу-
ра=, х.-монг., калм. зур=, стп.-м. *ḡiru=* «1) рисовать; чертить; 2)
чиркать (спичкой) »;

кээл= «рисовать» (< *кээ* «узор, орнамент»), ср. лит.-бур. *хээлэ*°, х.-монг. *хээл*°, стп.-м. *kegele*= «украшать, выводить узоры, орнамент»;

какар= «1) считать в уме; 2) решать задачу» (< *кака* – преверб, имеющий семантику разбивания, раскалывания), ср. зап.-бур. *хахар*= «решать» (задачу, пример), лит.-бур. *хахар*°, х.-монг. *хагар*°, стп.-м. *qayara*°, калм. *хәһр*° «раскалываться, трескаться; разрываться, рваться»;

коноо= «сплачивать крест-накрест жерди, бревна» и т. п., ср. лит.-бур. *хоноо*= «подгонять, прилаживать по размеру; всаживать»;

онгото= «капризничать, привередничать», ср. лит.-бур. *онгото*= «шаманить, приходиться в состояние экстаза»;

сагаал= «1) отведать кушанья; 2) не спать ночью» (< *сагаан* «белый»), ср. зап.-бур. *сагаал*= I «1) пить молоко, есть молочные продукты; 2) угощать молочной пищей»; *сагаал*= II «ягниться летом»; *сагаал*= III «страдать бессонницей», окин. *сагаал*= «пить молоко, есть молочные продукты», тунк. *сагаал*= «отведать молочной пищи», лит.-бур. *сагаал*= «1) переписывать набело, начисто; 2) очищать, обтесывать; окорять дерево; 3) оправдывать; 4) праздновать буддийский новый год; 5) шам. освящать», х.-монг. *цагаал*°, стп.-м. *ᠵаγала*= «1) проводить встречу буддийского нового года; 2) быть в трауре», калм. *цаһал*= «поздравлять с благополучным окончанием зимы»;

ушар= «отомстить» (ср. *ушар* «месть»), ср. лит.-бур. *ушар*°, х.-монг. *учир*°, стп.-м. *иᠵара*°, калм. *учр*= «1) встречать, встречаться; 2) случаться, приключаться».

Не менее многочисленны в то же время случаи, когда наряду с новым, переносным значением сохраняется и старое, основное. Примерами могут служить слова типа *кубуун* «детеныш // сын; мальчик; парень»; *гэр* «чехол, ножны // дом, юрта»; *тарти* «память // головной мозг»; *элһэн~элгэн* «зола // песок»; *авга* «волк // брат отца, дядя по отцу»; *буркан* «икона // бог»; *йаргээ* «шомпол // кизильник (из ветвей этого растения в старину изготавливали шомпола для ружей)»; *үркэ* «печная труба // дымоходное отверстие в юрте, балагане, чуме»; *шороз* «порох // пыль; мусор»; *шипкэ* «грязь // навоз, назем» среди существительных; *сула* «толстый (о человеке) // сплошной»; *катуу* «ску-

пой // твердый»; *йартээ* «1) дикий, необъезженный (о лошади); 2) злой, сердитый (о человеке) // имеющий язву, болячку»; *йакхатээ~йаһатаэ* «1) вредный, упрямый; 2) холодный; -о // костлявый» среди прилагательных; *шар*=~*шара*= «сиять, сверкать (о солнце) // жарить, изжарить»; *тэжээ*= «рождать ребенка (о людях) // выкармливать, вскармливать»; *торго*= «убить, завалить (крупного зверя) // заставить спотыкаться; удерживать, задерживать»; *тооло*= «читать (книгу и т. п.) // считать, подсчитывать»; *оролсо*= «походить на кого-л. // вместе входить; принимать участие»; *зүү*= «крестить ребенка // нацеплять, привешивать»; *алда*= «мчаться на большой скорости // терять, лишаться; делать промах» среди глаголов и *шингэкээр* «редко // жидко»; *уткээр* «часто // густо» у наречий.

Сравнительный материал, приведенный выше, особенно к тем словам, которые употребляются в говоре только с другими значениями, показывает, что параллели в таких случаях нижнеудинский говор имеет почти всегда лишь в других западных говорах бурятского языка и только иногда в калмыцком языке. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что лексика нижнеудинского говора формировалась на той же базе, что и лексика западнобурятских говоров.

2.2.3.2. Лексико-морфологический способ

Образование новых лексем в нижнеудинском говоре осуществляется, кроме того, за счет лексикализации отдельных морфологических форм. Так, например, некоторые наречия возникли в результате адвербиализации падежных форм существительных: *урда* «прежде, раньше» (< **urida* < **uri* «предстоящее время», слово стоит в форме дательного-местного падежа); *гэртээ* «дома; домой» (дательного-местный падеж безличного склонения слова *гэр* «дом»); *нээрээ~энээрээ* «верно, правда, действительно» (орудный падеж слова *үнэн* «правда, истина»); *тоонээ* «почти» (родительный падеж слова *тоон* «число») и т. п. Иногда происходит адъективация и причастных форм. Таким путем образовалось, например, прилагательное *йаткан* «бедный» от причастия прошедшего времени на =*һан* от глагола *йада*= «не мочь», т. е. от причастия *йадаһан*.

Но более всего распространен способ перевода слов в другую лексико-грамматическую категорию с изменением значения слова, вызванным его метафорическим переносом. Таким путем образовались, например:

а) существительные от прилагательных: *битишкан* ~ *бишишкан* «ребенок», *битишхууд* ~ *бишигэд* «дети» < *битишкан* ~ *бишишкан* «маленький» (ср. в этой связи рус. малыш в значении «ребенок», малыши «дети»); *шар-шара* «1) сыворотка; 2) вытопившееся сливочное масло» < *шар-шара* «желтый»; *куушан* «могила» < *куушан* «старый, прежний»; *титруукээ* «калач» < *титруукээ* «закрученный, вьющийся кольцом, изгибающийся»; *көкшөн-күкиэн* «жена; женщина» < *көкшөн-күкиэн* «старый, престарелый»; *каптагээ* «клоп» < *каптагээ* «плоский»; *дилүүр* «каток» < *дилүүр* «скользящий»;

б) существительные от числительных: *долоон* «неделя» < *долоон* – «семь»;

в) существительные от наречий: *койшо* «запад» < *койшо* «1) назад; 2) на запад»; *урякша* «восток» < *урякша* «1) вперед; 2) на восток» (ср. в этой связи типологическую аналогию из соседствующего с нижнеудинским говором тофаларского языка, в котором наблюдается схожее образование: *буруңгаары* «восток» от наречия *буруңгаары* «вперед», *соңгаары* «запад» от наречия *соңгаары* «назад», что было характерно и для древнетюркского языка);

г) существительные от междометий: *өөбэй* «зыбка, люлька, детская колыбель» < *өөбэй* < *бүүбэй* «баю-бай, возглас укачивания ребенка»;

д) прилагательные от существительных: *күшэн* «тугой, с трудом поддающийся» (например, *күшэн үүдэн* «тугая дверь») < *күшэн* «сила»; *кубилгаан* «хитрый» < *кубилгаан* «перерожденец, превращенец»; *калюун* «рыжевато-красный» (о масти лошади) < *калюун* «выдра».

2.2.3.3. Лексико-синтаксический способ

Образование новых слов в нижнеудинском говоре происходит также и за счет лексикализации различных синтаксических словосочетаний и конструкций. Среди них выделяются следующие типы:

а) сложение равноправных основ

При этом способе словообразования происходит соединение обычно двух основ, относящихся к одной лексико-грамматической группе. При этом сохраняется относительная фонетическая самостоятельность компонентов. В предложении новая сложная основа выступает как единый член предложения, располагая одним и тем же лексическим и категориально-грамматическим значением, т. е. воспринимается как одно слово. Основосложение в нижеудинском говоре имеет несколько разновидностей.

1) Полный повтор основы, например: *каана-каана* «повсюду, везде» (< *каана* «где»), *кэээ-кэээ* «давным-давно» (< *кэээ* «когда»), *кэээ-кээээнээ* «издавна».

2) Частичная редупликация основы, при которой используется первый слог с наращением согласного *-н* (< *-б*), в качестве второго компонента сочетания выступает полная основа, например: *сан-сагаан* «очень белый» (ср. лит.-бур. *саб сагаан* – *id.*), *кан-кара* «очень черный, пречерный» (ср. лит.-бур. *хаб хара* – *id.*), *шан-шар* «очень желтый» (ср. лит.-бур. *шаб шара* – *id.*).

3) Парное употребление основ. Данный способ довольно распространен в монгольских языках и достаточно активен. С его помощью образуются парные слова с новым, обычно обобщающим, собирательным значением. Таким способом, например, произведены в говоре сложные основы типа *үти күбүүд* «дети, детвора» (< *үтин* «девочка» + *күбүүн* «мальчик»), *одон мишин* «звезды, созвездие» (< *одон* «звезда» + *мишин* «звезда»), *када уула* «горы» (< *када* «скала» + *уула* «гора»), *экэ эсэгэ* «родители» (< *экэ* «мать» + *эсэгэ* «отец»), *мал адууһан* «животноводство» (< *мал* «скот» + *адууһан* «скотина»), *күдэргэ бүдэргэ* «шлеи конского седла» (< *күдэргэ* «подфeya, подхвостная шлея седла» + *бүдэргэ* «нагрудная шлея седла»), *номо һаадак* «лук со стрелами» (< *номо* «лук» + *һаадак* «колчан»), *газар дээда* «родина» (< *газар* «земля» + *дээда* «страна»), *газар уһан* «родина» (< *газар* «земля» + *уһан* «вода»), *амитан зон* «люди, народ» (< *амитан* «живое существо» + *зон* «народ»), *мэнээ һайа* «недавно, вот сейчас» (< *мэнээ* «сейчас» + *һайа* «только что»).

б) лексикализация атрибутивных словосочетаний

Не менее активно в нижеудинском говоре образование новых слов за счет лексикализации различных определительных словосочетаний, в которых в роли атрибута выступают либо существительные, либо прилагательные, либо причастия. При этом выявились следующие варианты.

1) Атрибутивные словосочетания, в которых в качестве определения используются другие существительные в форме основы, например: *зөөкээ кааш~кааша* «саламат» (< *зөөкээ* «сметана» + *кааш~кааша* «каша»), *зээ үтин* «племянница по сестре; внучка по дочери» (< *зээ* «племянник, племянница» + *үтин* «девочка»), *аша үтин* «племянница по брату; внучка по сыну» (< *аша* «внук» + *үтин* «девочка»), *булган һара* «ноябрь» (< *булган* «соболь» + *һара* «месяц»), *буга һара* «1) сентябрь; 2) февраль» (< *буга* «изюбр, марал» + *һара* «месяц»), *ольдин һара* «август» (< *ольдин* «приволье, широкая степь» + *һара* «месяц»), *гуран һара* – «январь» (< *гуран* «дикий козел» + *һара* «месяц»), *кун һара* «июнь» (< *кун* «лебедь» + *һара* «месяц»), *куса һара* «март» (< *куса* «баран» + *һара* «месяц»), *ан сагаан* «дикий северный олень» (< *ан* «дикий, зверь» + *сагаан* «северный олень»), *ан гакээ* «кабан, дикая свинья» (< *ан* «дикий, зверь» + *гакээ* «свинья»), *коно ногоһон~конногон* «кряква» (< *коно* «кряква» + *ногоһон* «утка»), *када газар* «гористое место» (< *када* «гора, сопка; скала» + *газар* «земля; местность; место»), *уула газар* «высокогорное место» (< *уула* «гора» + *газар* «земля; местность; место»), *кээр каргуй* «тропинка» (< *кээр* «поле» + *каргуй* «дорога»), *кээр шубуукаэ* «жаворонок» (< *кээр* «поле» + *шубуукаэ* «птичка, пташка»), *буркан тур~туру* «церковь» (< *буркан* «бог» + *тур~туру* «дом, здание»), *буркан шубуун* «домашний голубь» (< *буркан* «бог» + *шубуун* «птица»), *ээрмэһэн үбһэ* «попынь» (< *ээрмэһэн* «попынь» + *үбһэ* «трава»), *каняадан үтшэн* «туберкулез» (< *каняадан* «кашель» + *үтшэн* «болезнь»), *дотор үтшэн* «болезнь желудка» (< *дотор* «внутренности, потроха» + *үтшэн* «болезнь»), *зүркэ үтшэн* «болезнь сердца» (< *зүркэ* «сердце» + *үтшэн* «болезнь»), *утуһун бүһү* «вышитый праздничный кушак с кистями» (< *утуһун* «мулинэ» + *бүһү* «пояс, кушак»), *модошо даркан* «плотник» (< *модошо* «мастер по де-

реву» + даркан «мастер»), кадарша кун «рыбак» (< кадарша «рыболов» + кун «человек»), тун тураак «галка» (< тун «галка» + тураак «ворона»), тэмээн караасгээ «стриж» (< тэмээн «верблюд» + караасгээ «ласточка»), морин кулгуун «крыса» (< морин «лошадь» + кулгуун «мышь»), тугал баабгээ «медвежонок до 1 года» (< тугал «теленоч» + баабгээ «медведь»), кашрак баабгээ «2-летний медведь» (< кашрак «бычок-двухлетка» + баабгээ «медведь»), үлэкиэ инеэн «лосиха» (< үлэкиэ «самка» + инеэн «лосиха»), үлэкиэ шоно «волчица» (< үлэкиэ «самка» + шоно «волчица»), үлэкиэн сагаан «самка домашнего северного оленя, важенка» (< үлэкиэн «самка» + сагаан «домашний северный олень»), азарга шилүүхэн «самец рыси» (< азарга «жеребец» + шилүүхэн «рысь»), кэһэк кура «ливень; гроза» (< кэһэк «кусочек, часть» + кура «дождь»).

2) Атрибутивные словосочетания, в которых в качестве определения выступают существительные в форме родительного падежа. Например: кэрмэши һара «октябрь» (букв. «месяц белок» < кэрмэши – родительный падеж от кэрмэд «белки» + һара «месяц»), гани һара «июль» (букв. «месяц зноя» < гани родительный падеж от ган «зной, жара» + һара «месяц»), загаһани наадан «май» (букв. «нерест рыбы»), тэнгэри ойодоһон «Млечный путь» (букв. «шов неба»), газари идээн «овоши; ягоды» (букв. «пища земли, земляная еда»), мёоһэни шубуукаа «дрозд» (букв. «рябинная птичка»), шибуукээн улаагана «костяника» (букв. «птичья красная ягода»), кункын улаагана «клюкwa» (букв. «моховая красная ягода»), нарһани улаагана «брусника» (букв. «сосновая красная ягода»), коолээн кун «маленький язычок» (букв. «человек горла»), улаши куушан «кладбище» (букв. «могилы людей»), заэн түмэр «щипцы для костра, огня» (букв. «железо для огня»).

3) Атрибутивные словосочетания, в которых определения служат прилагательные, иногда числительные. Например: дикэ уури «декабрь» (букв. «большой уури», где уури), бага уури «ноябрь» (букв. «малый уури»), улаан зудан «апрель» (букв. «красная горная тайга»), долоон үбгэд «созвездие Большой Медведицы» (букв. «семь старцев»), баран тала «юг» (букв. «правая сторона»), зүүн тала «север» (букв. «левая сторона»), эмдэр эрди «обрыв» (букв. «высокий берег»), кара

уһан-каруһан «быстрина на реке, полынья» (букв. «черная вода»), *наришкан гол* «ручей, ручеек» (букв. «тоненькая, узенькая речка»), *сагаан мүнгэн* «серебро» (букв. «белое серебро»), *сэгээн зөөкээ* «сливки» (букв. «белая сметана»), *калуун гэр* «бания» (букв. «горячий дом»), *шугуун каргуй* «железная дорога» (букв. «чугунная дорога»), *кольти баабээ* «дедушка по матери; старший брат матери» (букв. «дальний отец»), *күкиэн баабээ* «дедушка по отцу» (букв. «старый отец»), *күкиэн эбээ* «бабушка» (букв. «старая мама»), *ута таряан* «рожь» (букв. «длинный хлебный злак»), *сагаан күпкүн* «ягель» (букв. «белый мох»), *шара толгээ* «сурепка» (букв. «желтая голова»), *сагаан толгээ* «белоголовник» – вид сорняка (букв. «белая голова»), *ширбэхэтэ үбһэн* «подорожник» (букв. «жилистая трава»), *улаан нидэн* «плотва, сорога, чебак» (букв. «красные глаза»), *сагаан загаһан* «сиг» (букв. «белая рыба»), *сагаан кадаран* «хариус» (букв. «белый хариус»), *сагаан шубуун* «лебедь» (букв. «белая птица»), *кара гөрөөһөн* «медведь» (букв. «черный зверь»), *кур баабгээ* «годовалый медвежонок» (букв. «прошлогодний медведь»), *кур шилүүһэн* «годовалый рысенок» (букв. «прошлогодняя рысь»), *түргэн кэһэк* «ливень» (букв. «быстрый кусок»), *улаан шорээ* «глина» (букв. «красная почва»), *кара шорээ* «чернозем» (букв. «черная почва»), *сагаан шорээ* «известь» (букв. «белая почва»).

4) Атрибутивные словосочетания, роль определения в которых играют причастия, например: *идэкэ йум* «пища» (< *идэкэ* причастие будущего времени от глагола *идэ*= «есть, кушать» + *йум* «вещь, нечто»), *гаргаһан хүн* «обрат, снятое молоко, сепарированное молоко» (< *гаргаһан* – причастие прошедшего времени от глагола *гарга*= «выводить» + *хүн* «молоко»).

в) лексикализация свободных словосочетаний

Кроме перечисленных выше типов словосочетаний лексикализации подвергаются и различные свободные многокомпонентные словосочетания, приобретшие терминологический характер. Примерами могут послужить словосочетания типа *йикэ бэркэ һальтин* «буран, метель» (букв. «очень сильный ветер»), *газар дороо гараһан уһан* «родник» (букв. «из-под земли вы-

шедшая вода»), *маньдиha татха нара* «июнь» (букв. «месяц сбора дикого лука»), *ута һүүлтэ* «волк» (букв. «длиннохвостый»), *һургааши кун* «учитель» (букв. «обучающий человек»), *кадарга баряаш кун* «рыбак, рыболов» (букв. «человек, ловящий рыбу»), *зүһү буруу* «вредный» (букв. «масть неверная»), *буруу зантээ* «капризный» (букв. «имеющий неправильный характер»), *укаа ирээн* «ненормальный» – о человеке (букв. «ум пестрый»).

В нижеудинском говоре наблюдается также немало случаев, когда лексикализуются, приобретая терминологическое значение, различные фразеологизмы и аналитические формы на уровне фразеологизмов. Так, например, понятие «покупать» передается несвободным словосочетанием *кудалдаж аб*= (букв. «торгуясь брать»). Ср. также фразеологизмы *күкишэ аб*= «жениться» (букв. «брать старуху»), *сээжэдэ аб*= «запоминать» (букв. «брать в грудь»), *абаргада оро*= «попасться» (букв. «входить в тиски»), *тамти тат*= «курить» (букв. «тянуть табак»), *нөөр бэрь*= «спать, почивать» (букв. «держат сон»), *дурниинь күрнэ* «ему хочется» (букв. «его желание достигает»), *няаша бол*= «пододвинуться» (букв. «быть сюда»), *йикэ бол*= «вырасти, повзрослеть» (букв. «стать большим»), *һээн бол*= «выздороветь» (букв. «стать хорошим»), *күндэ яв*= «быть беременной» (букв. «ходить тяжело»), *күл күндэ бол*= «быть беременной» (букв. «быть с тяжелыми ногами»), *нюрганда үр*= «клеветать» (букв. «терпеть на спине»), *малиитва тоол*= «ругать, бранить, попрекать» (букв. «читать молитву»), *үгэ күүрээ бар*= «ворчать» (букв. «исчерпать свои слова»), *анираа кат*= «замолчать» (букв. «звука своего засохнуть»), *һанаанаан төөрэ*= «сойти с ума» (букв. «заблудиться со своей мысли»).

г) фонетические сращения словосочетаний

О том, что словосочетание полностью лексикализовалось и стало термином, свидетельствует в ряде случаев полная утрата им своей внутренней формы и восприятие его как единого фонетического целого. Фонетические границы его компонентов при этом размываются полностью и происходит фонетическое стяжение составных компонентов такого словосочетания в единое

фонетическое целое, которое начинает восприниматься и осознаваться в языке как отдельное самостоятельное слово со своей звуковой оболочкой и своим терминологическим содержанием. Таким путем образовались, например, в говоре слова *албээнэд* «женщины» (< *алба* + *боэ* + *-нэд*, т. е. не платящие податей, как указывала А.А.Дарбеева), *кураакаэ* «зять; муж» (< *кури* «родственник по браку» + *акай* «старший брат»), *күкишөөбээ* «бабушка по отцу» (< *күкишэн* «старая» + *эбээ* «мама»), *кольтибээ* «бабушка по матери» (< *кольти* «дальний» + *эбээ* «мама»), *тиибраан* «моросающий дождь, непогода» (< *тии* «ветер» + *бороон* «дождь»), *йикэдэр* «праздник» (< *йикэ* «большой» + *үдэр* «день»), *каруһан* «полынья» (< *кара* «черный» + *уһан* «вода»), *кээти* «куда уйти?» (< *кээша* «куда» + *ошо* «пойти»), *асар* «принести» (< **ацар* = < *авч ир* = – букв. «взяв придти»), *абаад* «унести» (< *абаад од* = – букв. «взяв уйти»), *дуугар* «кричать, издавать звук» (< *дуу* «звук» + *гар* «выходить»), *тэрдэр* «тогда, в тот день» (< *тэрэ* «тот» + *үдэр* «день»), *эндэр* «сегодня» (< *энэ* «этот» + *үдэр* «день»), *үстэр~үскэдэр* «вчера» (< **үсэгэ* + *үдэр* «день», где *үсэгэ* // монг. *өцөг~өчиг* в сочетании *өчигдөр* «вчера» < *өчиг* + *өдөр* «день», ср. лит.-бур. *үсэгэлдэр*, стп.-м. *öcügedür*, калм. *өцкүдүр* «вчера»), *урдадар* «позавчера» (< *урда* «раньше, прежде» + *үдэр* «день»), *күбэри* «каждый, всякий» – о человеке (< *күн* «человек» + *бэри* «каждый»).

Таким образом, анализ безаффиксального словообразования нижнеудинского говора показывает, что оно в общем повторяет общемонгольский тип. При этом в говоре довольно развита лексикализация переносных значений, что во многом сближает данный говор с другими западнобурятскими говорами. Причем в нижнеудинском и других бурятских говорах лексикализуются свои, конкретные словосочетания, которые в литературном бурятском языке, как и в прочих монгольских языках, остаются словосочетаниями и не подвергаются лексикализации. Но и здесь нижнеудинский говор тоже перекликается с другими западными бурятскими говорами. Так, например, бур.НУ *эндэр* «сегодня» и *йикэдэр* «праздник» произошли от словосочетаний *энэ үдэр* «этот день» и *йикэ үдэр* «большой день». В литературном бурятском языке это обычные свободные словосочетания. Со значением «сегодня» в нем употребляется лексема *мүнөөдэр*

(< *мүнөө* «сейчас, нынче» + *үдэр* «день», ср. х.-монг. *өнөөдөр* – *id.*). Нижнеудинскому говору здесь соответствуют лишь зап.-бур. *эндэр*, калм. *эндр* «сегодня». Кстати, параллели с калмыцким языком в области словообразования довольно заметны. Далее. Слову *йикэдэр* «праздник» тоже соответствует лишь зап.-бур. *йэхэдэр* «праздник». В литературном бурятском языке ему соответствует другое словосочетание – *хайн үдэр* «хороший день», давшее фонетическое сращение *хайндэр* со значением «праздник».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашеев Д.А.** Тункинский говор // Исследование бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1965. – Вып. 1.
- Алексеев Д.А.** Именные части речи в монгольских языках // Вопросы языкознания. – 1955. – №3.
- Амоголонов Д.Д.** Современный бурятский язык. – Улан-Удэ, 1958.
- Бадан Гоогийн.** Категория времени в современном монгольском литературном языке. – Варшава, 1989.
- Бертагаев Т.А.** О комплексной характеристике частей речи // Вопросы теории частей речи. – М., 1968.
- Бертагаев Т.А.** Проблема классификации частей речи. (На материале монгольских языков) // Зап. Бурят-Монг. научно-исслед. ин-та культуры. – Улан-Удэ, 1956. – Т. XXI.
- Бобровников А.** Грамматика монгольского языка. – СПб., 1835.
- Бобровников А.А.** Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань, 1849.
- Болд Л.** Орчин цагийн монгол хэлний дагавар. – Улаанбаатар, 1986.
- Будаев Ц.Б.** Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск: Наука, 1978.
- Бураев И.Д.** Результаты языковых контактов в околобайкальском регионе // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989.
- Виноградов В.В.** Русский язык. – М.: Учпедгиз, 1947.
- Владимирцов Б.Я.** Турецкие элементы в монгольском языке // Зап.Вост.отд. ИРАО. – СПб., 1911. – Т. XX. – Вып. II-III.
- Владимирцов Б.Я.** Mongolica I. Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. – 1925.
- Владимирцов Б.Я.** Арабские слова в монгольском // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН. – 1930. – Т. V.
- Гвоздев А.Н.** Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология. – М.: Учпедгиз, 1961.
- Грамматика бурятского языка.** Фонетика и морфология. – М., 1962.
- Грамматика калмыцкого языка.** Фонетика и морфология. – Элиста, 1983.
- Дарбеева А.А.** Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. На материале монгольских языков. – М., 1978.
- Дмитриев Н.К.** Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Дондуков У.-Ж.Ш.** Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1964.

- Дондуков У.-Ж. Ш.** Влияние русского языка на развитие и обогащение лексического состава бурятского языка. – Улан-Удэ, 1974.
- Дондуков У.-Ж.Ш.** Словообразование монгольских языков. – Улан-Удэ, 1983.
- Дондуков У.-Ж.Ш.** Аффиксальное словообразование в монгольских языках (бурятский, современный монгольский) : Автореф. дис....д-ра филол.наук. – Улан-Батор, 1987.
- Дондуков У.-Ж.Ш.** Словообразование монгольских языков. – Улан-Удэ, 1993.
- Древнетюркский словарь.** – Л.: Наука, 1969.
- Жамбалсурен Н.** Тибетские слова в монгольском языке.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1961.
- Каляев А.Л.** Адъективные имена в монгольских именах // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. – М.: Наука, 1976.
- Касьяненко З.К.** Современный монгольский язык. – Л., 1968.
- Ковалевский О.М.** Краткая грамматика монгольского книжного языка. – Казань, 1835.
- Кононов А.Н.** Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). – Л., 1980.
- Коркина Е.И.** Наклонения глагола в якутском языке. – М.: Наука, 1970.
- Котвич В.Л.** Лекции по грамматике монгольского языка, читанные приват-доцентом Санкт-Петербургского университета В.Л. Котвичем. – СПб., 1902.
- Котвич В.Л.** Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. – П., 1915.
- Котвич В.Л.** Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. – 2-е изд. – Прага, 1929.
- Котвич В.Л.** Исследование по алтайским языкам / Пер. с польск. – М.: ИМ, 1962.
- Кузьменков Е.А.** Именные классы слов в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. – Новосибирск: Наука, 1991.
- Лингвистический энциклопедический словарь.** – М., 1990.
- Маслов Ю.С.** Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1975.
- Маслов Ю.С.** Введение в языкознание. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1997.
- Наделяев В.М.** Современный монгольский язык. Морфология. – Новосибирск: Наука, 1988.
- Наделяев В.М.** Современный монгольский язык// Языки Сибири и Монголии. – Новосибирск, 1987.
- Орлов А.** Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. – Казань, 1878.

Орловская М.Н. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. – М., 1961.

Орловская М.Н. Способы образования производных наречий в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. – М., 1974.

Орловская М.Н. Язык монгольских текстов XIII-XIV вв. – М., 1999.

Орос монгол толь. – Улаанбаатар, 1982.

Орчин цагийн монгол хэл зүй. – Улаанбаатар, 1966.

Орчин цагийн монгол хэл зүй. – Улаанбаатар, 1987.

Попов А. Грамматика калмыцкого языка. – Казань, 1847.

Поппе Н.Н. Аларский говор. Ч. I. – Л., 1930.

Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. – М.-Л., 1937.

Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.-Л., 1938.

Поппе Н.Н. Практический учебник монгольского разговорного языка. – Л., 1931.

Поппе Н.Н. О частях речи в монгольском языке // Советское востоковедение. – М.-Л., 1940. – Т. I,

Поппе Н.Н. Строй халха-монгольского языка // Строй языков / Под общ.ред. А.П. Рифтина. – Л., 1936.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология / Пер. с нем. – М., 1957.

Рассадин В.И. О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. – Улан-Удэ, 1969.

Рассадин В.И. Тюркизмы в халха-монгольском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. V. – Улан-Удэ, 1970.

Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов // Исследование бурятских и русских говоров. – Улан-Удэ, 1977.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980.

Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: Наука, 1982.

Рассадин В.И. Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983.

Рассадин В.И. Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. – Улан-Удэ, 1984.

Рассадин В.И. Об одной монгольско-тюркской корреспонденции в морфологии // Монгольский лингвистический сборник. – М., 1985а.

Рассадин В.И. Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. – Улан-Удэ, 1985.

Рассадин В.И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. – Улан-Удэ, 1987а.

Рассадин В.И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор, 1987.

Рассадин В.И. О тюркском влиянии на развитие говора нижеудинских бурят // Проблемы монгольского языкознания. – Новосибирск: Наука, 1988а.

Рассадин В.И. Особенности лексического состава нижеудинского говора // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. – Улан-Удэ, 1988.

Рассадин В.И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989.

Рассадин В.И. Местоимения в монгольских языках // Вопросы грамматики монгольских языков. – Новосибирск: Наука, 1991.

Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских шаманистических терминов // «Банзаровские чтения», посвящ. 170-летию со дня рожд. Доржи Банзарова. – Улан-Удэ, 1992.

Рассадин В.И. О двух вариантах этимологии монгольского слова загас «рыба» // Владимирцовские чтения-III. – М., 1995а.

Рассадин В.И. Проблемы исторического словообразования монгольских языков // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. – Улан-Удэ, 1995.

Рассадин В.И. Присяянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996.

Рассадин В.И. Некоторые проблемы этимологизации слов монгольского языка // VII Международный конгресс монголоведов, Улан-Батор, август 1997 г.: Доклады российской делегации. – М., 1997а.

Рассадин В.И. О некоторых древних монгольских словообразовательных моделях // Монгол хэл шинжлэл. – Улаанбаатар, 1997. – Т. III (XXXV).

Рассадин В.И. Проблема классификации частей речи в монгольских языках // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2003. – Серия 6. Филология. – Вып. 7.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. – 1974. – №2.

Руднев А.Д. Лекции по грамматике монгольского письменного языка, читанные в 1903-1904 академическом году. Вып. I. – СПб., 1905.

Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. Вып.1. Опыт исследования. Ч. II. – СПб., 1913-1914.

Русская грамматика. Т. I.: Фонетика. Фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. – М., 1980.

Санжеев Г.Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели // Известия АН СССР. Отд.гуманит.наук. – 1930. – №8, №9.

Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. – М.: АН СССР, 1940.

Санжеев Г.Д. Синтаксис бурят-монгольского языка. – Улан-Удэ, 1940.

Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.-Л., 1941.

Санжеев Г.Д. К проблеме частей речи в алтайских языках // Вопросы языкознания. – 1952. – №6.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. – М., 1953.

Санжеев Г.Д. Б.Я. Владимирцов – исследователь монгольских языков // Филология и история монгольских народов [Памяти акад. Б.Я. Владимирцова]. – М., 1958.

Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. – М., 1959.

Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М., 1963.

Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. – М., 1964.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 2. – Л., 1971.

Сусеева Д.А. Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. – Элиста, 1978.

Сусеева Д.А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка. – Элиста, 1985.

Сусеева Д.А. Проблемы аффиксального словообразования (на материале калмыцкого и монгольского языков). : Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Элиста, 1993.

Сухбаатар О. Санскритские элементы в монгольском языке.: Автореф. дис... канд.филол. наук. – Улан-Батор, 1992.

Сухбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь. – Улаанбаатар, 1997.

Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. – М., 1951.

Тодаева Б.Х. Монгорский язык. – М., 1973.

Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. – М., 1985.

Тодаева Б.Х. Дагурский язык. – М., 1986.

Хазуев Н.А. Тибетизмы и их фонетическая адаптация в бурятском языке // Взаимовлияние языков в Бурятии. – Улан-Удэ, 1978.

Харькова С.С. Об одном критерии выявления тюркизмов в монгольских языках // Проблемы монгольского языкознания. – Новосибирск: Наука, 1988.

- Цолоо Ж. БНМАУ** дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. Ш. Ойрд аялгуу. – Улаанбаатар, 1988.
- Цыдендамбаев Ц.Б.** Бурятские исторические хроники и родословные // Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ, 1972.
- Цыдендамбаев Ц.Б.** К взаимовлиянию русского и бурятского языков // Взаимовлияние языков в Бурятии. – Улан-Удэ, 1978а.
- Цыдендамбаев Ц.Б.** Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят // Взаимовлияние языков в Бурятии. – Улан-Удэ, 1978.
- Цыдендамбаев Ц.Б.** Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979.
- Цыдендамбаев Ц.Б.** Заметки об этнических и языковых контактах бурят и эвенков // Языки и фольклор народов Севера. – Новосибирск: Наука, 1981.
- Цыдыпов Ц.-Ж.Ц.** Аналитические конструкции в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1972.
- Цыдыпов Ц.-Ж.Ц.** Буряад хэлэнэй морфологи. – Улан-Удэ, 1988.
- Цыдыпов Ц.Ц.** Морфология бурятского языка. – Улан-Удэ: Бурят.кн. изд-во, 1988. (На бурятском языке).
- Чоймаа Ш.** К вопросу эволюции аффиксальной морфемы монгольского языка // Монгольский лингвистический сборник. – М., 1992.
- Шагдаров Л.Д.** Изобразительные слова в современном бурятском языке. – Улан-Удэ, 1962.
- Шмидт Я.** Грамматика монгольского языка. – СПб., 1832.
- Щербак А.М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. – Л., 1981.
- Castren M.A.** Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. – St.-Pb., 1857.
- Orčin čay-un mongyul kele.** – Kōkeqota, 1984.
- Pope N.** Introduction to Mongolian Comparative Studies. – Helsinki, 1955.
- Pope N.** Introduction to Mongolian Comparative Studies. Second Impression. – Helsinki, 1987.
- Rachewiltz Igor de.** Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University. – Bloomington, 1972.
- Ramstedt G.I.** Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. – Helsingfors, 1903.
- Sečenčoytu.** Mongyul-un ijayur-un toil. – Kōkeqota, 1988.
- Smidt I.** Grammatik der mongolischen Sprache. – St.-Pb., 1832.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия языков, диалектов и говоров

бох.	– боханский говор бурятского языка
булаг.	– булагатский
бур.	– бурятский язык
бур.НУ	– нижеудинский говор бурятского языка
дерб.	– дербетский говор калмыцкого языка
диал.	– диалектное слово
закам.	– закаменский говор бурятского языка
зап.-бур.	– говоры западных бурят
калм.	– калмыцкий язык
лит.-бур.	– литературный бурятский язык
ойр.	– ойратский письменный язык
ойр.Монг.	– ойратский язык Монголии
ойр.Синьцз.	– ойратский язык Синьцзяня
окин.	– окинский говор
сойот.	– сойотский говор
староп.-монг., стп. -м.	– старописьменный монгольский язык
торг.	– торгутский говор калмыцкого языка
тоф.	– тофаларский язык
уйг.	– уйгурский язык
уйг.-цаат.	– уйгурско-цаатанский язык
х.-монг.	– халха-монгольский язык
элют.	– язык элютов

Названия источников

- ИМ – Список монгольских слов из глоссария Ибн-Муханны по кн.: Поппе Н.Н. монгольский словарь Мукаддимат-ал-Адаб. М.-Л., 1939. Ч. I-II. 1939. Ч. III.
- ЛР – Поппе Н.Н. Монгольский языковой материал одной Лейденской рукописи // Бюллетень АН СССР, 1927. Разд.1. С. 1009-1040; Разд.2. С. 1251-1274; 1928. С. 5570. Отд. гум. наук.
- МА – Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.-Л., 1938. Ч. 1-2; 1939. Ч. 3.
- MNT – Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an (Yuan ch'ao pi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Wiesbaden, 1962.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- > – дало..., заимствовано в виде...
- < – заимствовано из..., взято из...
- ~ – вариант
- * – предполагаемая форма
- // – параллельная форма
- – развилось в...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Морфология	
1.1. Проблема классификации частей речи в монгольских языках.....	7
1.2. Местоимение в бурятском и других монгольских языках.....	17
1.3. Эволюция взглядов в монголоведении и бурятоведении на природу и состав деепричастий.....	32
1.4. Состав и образование неличных форм глагола в современном литературном бурятском языке.....	51
1.5. Сложение системы причастий в монгольских языках.....	66
1.6. О системе наклонений глагола в современных монгольских языках.....	83
1.7. Глагол в говорах бурятского языка	
1.7.1. Глагол в нижнеудинском говоре.....	99
1.7.2. Глагол в присаянских говорах.....	124
Глава II. Словообразование	
2.1. Проблемы исторического словообразования монгольских языков.....	145
2.2. Сравнительно-исторический аспект изучения системы словообразования бурятского языка (на примере нижнеудинского говора)	156
2.2.1. Корневые условно-непроизводные основы.....	156
2.2.1.1. Имена существительные.....	170
2.2.1.2. Имена прилагательные.....	172
2.2.1.3. Глаголы.....	173
2.2.1.4. Наречия.....	176
2.2.2. Аффиксальное словообразование.....	177
2.2.2.1. Образование имен существительных.....	177
2.2.2.2. Образование имен прилагательных.....	189
2.2.2.3. Образование глаголов.....	195
2.2.2.4. Образование наречий.....	206
2.2.3. Неаффиксальное словообразование.....	211
2.2.3.1. Лексико-семантический способ.....	211
2.2.3.2. Лексико-морфологический способ.....	216
2.2.3.3. Лексико-синтаксический способ.....	217
а) сложение равноправных основ.....	218
б) лексикализация атрибутивных словосочетаний.....	219
в) лексикализация свободных словосочетаний.....	221
г) фонетические сращения словосочетаний.....	222
Библиография	226
Принятые сокращения	
Названия языков, диалектов и говоров.....	231
Названия источников.....	231
Условные обозначения.....	232

Научное издание

Валентин Иванович Рассадин

**ОЧЕРКИ
ПО МОРФОЛОГИИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЮ
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

Редактор Л.А. Горелова

Компьютерная верстка Ю.П. Эльзеев

Подписано в печать 29.09.08. Формат 60x84/16.

Бумага тип № 1. Усл. печ.л. 13,7

Тираж 200 экз. Заказ 820

Издательство Калмыцкого университета

358000 Элиста, ул. Пушкина, 11.

Издательство Калмыцкого университета, 2008

ISBN 978-5-91458-035-0

9 785914 580350